

18+

Нина Кромина

КРАСНАЯ СТРОКА

Людмила Базурова
Татьяна Бирюкова
Татьяна Бугримова
Жанна Варнавская
Юлия Великанова
Нина Гаврикова
Александр Горохов
Юлия Грачева
Елена Громова
Елена Гусева
Зоя Донгак
Александр Королев
Лариса Кравчук

Михаил Кромин
Алена Кубарева
Лариса Мезенцева
Сергей Мельников
Екатерина Осорина
Людмила Прусакова
Юлия Пучкова
Ника Сурц
Анна Сатжи
Галина Талалаева
Аидия Терехина
Нина Шамарина
Василий Шишков

Красная строка

Современная проза

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-4
К78

Авторы: Кромина Нина, Бугримова Татьяна,
Варнавская Жанна, Шишков Василий, Великанова Юлия,
Гаврикова Нина, Горохов Александр, Грачева Юлия, Громова Елена,
Гусева Елена, Донгак Зоя, Королев Александр, Кравчук Лариса,
Бугримова Татьяна, Кромин Михаил, Базурова Людмила,
Кубарева Алена, Мезенцева Лариса, Мельников Сергей,
Осорина Екатерина, Сатжи Анна, Прусакова Людмила, Пучкова Юлия,
Сурц Ника, Талалаева Галина, Терехина Лидия, Шамарина Нина

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Красная строка : Современная проза / Нина Кромина [и д. р.]. –
К78 [б. м.] : Издательские решения, 2025. – 347 с.
ISBN 978-5-0067-7320-2

Сборник рассказов литературной лаборатории «Красная строка» похож на вещи, собранные для переезда: разновеликие, разномастные, но каждую из них хочется рассмотреть, узнать его историю. А с краю непременно стопка книг, перевязанная веревочкой – собирать ее было дольше всего – невозможно удержаться и не заглянуть под обложку, «выхватить» пару абзацев из тех, коими зачитывались, пробежаться глазами по аннотации к подзабытым.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-7320-2

Дорогие читатели, перед вами очередной выпуск сборника, подготовленный участниками литературной лаборатории «Красная строка».

Первый сборник, посвященный годовщине сообщества, вышел в 2020 году. К сегодняшнему дню изданы три сборника «Красная строка. Современная проза» И три сборника «Калейдоскоп миниатюр» (составитель редактор Ирина Силицкая).

Настоящий сборник отличается от предыдущих тем, что рассказы, миниатюры и эссе написаны авторами на определенные темы («Переезд», «Красивая жизнь», «Вслед за Трифоновым») и только в 2024 и 2025 году.

Часть 1 Переезд

ГАЛИНА ТАЛАЛАЕВА

СВЕТ ПЕРЕМЕН

Итак, «Переезд». В этом коротеньком, но емком слове – всегда надежда и тревога. И перспектива. Она в прямой зависимости от твоего желания и умения строить завтрашний день.

И все-таки, переезд. Это дорога. И свет перемен, которые обязательно помогут увидеть каждый твой час, дарованный Жизнью.

Ступив на дорогу нынешнего «Переезда», читатель воспримет трогательные и негромкие истории, будто бы из собственной жизни. Воспримет и скажет спасибо авторам, сумевшим сберечь их для нас.

А может быть, кто знает, перелистав мозаику миниатюр, кому-то захочется вернуться к ним еще и еще раз, а там, глядишь, и за свои рассказы взяться, чтобы в «Красной строке» услышать друг друга.

ТАТЬЯНА БИРЮКОВА

ПЕРЕЕЗД

Ташкент – город моей молодости. В прекрасной столице я получила высшее образование, окончив Ташкентский институт инженеров транспорта, и свадьба состоялась на пятом курсе. Молодожены, как правило, после росписи и обещания любить друг друга, катаются по городу, возлагают цветы к вечному огню и памятникам, которые дороги им. Накануне этого приятного судьбоносного дня моя многоуважаемая учительница по литературе, обсуждая маршрут, предложила обязательно возложить цветы к памятнику Александра Сергеевича Пушкина. Памятник, работы скульптора Михаила Константиновича Аникушина, который сам и присутствовал на открытии, был установлен в 1974 году к 175-летию великого русского поэта. Студенческая наша компания, конечно, с удовольствием разъезжала по городу. Мы возложили цветы, сделали памятное фото, открыли шампанское, и кто-то прочитал строки из стихотворения: «...пейте за радость юной любви – скроется младость, дети мои...».

Много лет прошло с тех пор, но листая альбом, с удовольствием смотрю на это фото: веселые, молодые и Пушкин – бронзовый, молодой, стоит на высоком постаменте.

Совсем недавно посетила места моей молодости. С грустью увидела, что поэта на старом месте нет.

– Как, куда унесли Пушкина, совсем убрали?!

– Нет, нет, памятник просто переехал на новое место. Здесь расширяли дорогу, а Александр Сергеевич находится на бывшей Театральной площади, – успокоила подруга.

В красивом парке имени А. С. Пушкина, разбитом на пересечении улиц Шота Руставели и Бабура, по-прежнему молодой,

в полный рост, в сюртуке, заложив руки за спину, голова поднята вверх, словно озаренная вдохновением, возвышается на постаменте солнце русской поэзии, правитель дум, человек, в творчестве которого каждый из живущих находит что-то свое, сокровенное.

В день 225-летия со Дня рождения русского поэта здесь, в столице Узбекистана к памятнику собрались читатели и почитатели поэта, все, кто любит литературу. Красивый фонтан, столетние чинары, знаменитый сказочный дуб, молодежь, мамочки с колясками. Да, к Поэзии надо приучать с малого возраста. Зажглись фонари, все стало еще более романтичным. Для российских соотечественников и узбекской общественности стало традицией собираться у его подножия в памятные дни, связанные с жизнью и творчеством поэта. С «переездом» памятника на новое место в столице в одном районе появился литературный треугольник. Воздвигнут памятник грузинскому поэту Шота Руставели, разбит парк имени среднеазиатского поэта и правителя Захириддина Мухаммада Бабура и еще один уже с памятником Пушкину. Роль творческого наследия великого русского поэта не только для культуры республики и укрепления российско-узбекских культурных связей, но и для всех народов, велика. Он писал в 1836 году:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.
И буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в наш жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

ТАТЬЯНА БУГРИМОВА

ОБЫЧНАЯ МЕЧТА О НЕОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Родители дали ей необычное имя — Лика. Значит, и жизнь ее должна была быть необычной — совсем не такой, как у всех. Когда, юная, слышала она случайно разговоры мужей с женами, которые уже пожили в браке, уши ее сворачивались в трубочку: «Нет, у меня так не будет! Это как же надо опуститься, чтобы матом друг с другом разговаривать и посыпать друг друга так, словно это норма и обычное дело?!»

И каждый раз Лика думала: вот именно сейчас и начнется ее необычная жизнь! Но пока все шло как у всех: дома между родителями стояла ругань, а в школе дразнили одноклассники:

— Лика, покажи свое строгое лицо!

При этом Лика, не обращая внимания на обстоятельства вокруг, выжимала из себя максимум: училась хорошо, занималась большим теннисом и баскетболом. С тренировок выходила мокрая насквозь — выкладывалась на полную катушку. Да и жила в южном городе — летом жара стояла такая, что уснуть ночью можно было только если обмотаться мокрой простыней. И было на засыпание около десяти-двенадцати минут — как только простыня высыхала, снова становилось невозможно жарко. Так за вечер иногда приходилось мочить эту простыню раза три.

Жизнь бежала незаметно, Лика взрослела. Она не была красавицей, но было в ней нечто, что притягивало взгляды. Молодые люди с любопытством смотрели на нее, пытались завести отношения. Но Лика знала: ее счастье где-то далеко, точно не здесь, не с этими материщимися, пьяными, прокуренными на-

сквозь парнями и мужиками. А потому знакомилась неохотно, на контакт почти никогда не шла.

В институте встречалась, конечно, с парнями. Но каждое свидание приносило разочарование — нет, опять не то. Нет, неинтересно. Нет, не мое. «Но скоро-скоро начнется моя необычная и очень счастливая жизнь!»

Пока училась, ей, настойчивой и упрямой, легко идущей к своим целям, удалось подзаработать немного денег, и она решила впервые поехать за границу. На летние каникулы, которые она сама себе устроила после окончания учебы и перед вступлением во взрослуую жизнь, Лика отправилась в Болгарию, на Солнечный берег.

Одна в турпоездке, молодая и интересная внешне, она привлекала к себе мужское внимание. Мужики вожделели. И непонятно было, кому достанется эта красота.

Песок сыпался между пальцами ног, теплый в тени и обжигающий на солнце. Море волновало Лику, как юная дева волнует мужчину. Лика ждала — вот-вот начнется ее счастливая и необычная жизнь.

— Привет. Как тебя зовут? — высокая и симпатичная девушка уставилась на нее так, будто давно мечтала с ней познакомиться.

— Лика.

— А я Ира. Ты очень красивая. Откуда приехала?

— Из Волгограда. А ты? — Лика с любопытством разглядывала Ирину-исполина. Уж больно крупная она была по сравнению с миниатюрной Ликой.

— Я из Москвы. Лика, как здорово, что мы с тобой встретились! Пойдем вместе кататься на банане? — Ирина схватила ее за руку и потащила к причалу.

— Ой, давай-давай! А то одной скучно! — уже гораздо радостнее прокричала Лика, пытаясь не упасть, ведь ноги ее вязли в горячем песке.

Девчонки побежали к загорелым и спортивным молодым людям, которые держали точку проката морского оборудования и катали всех подряд за деньги на скутерах, бананах, парашю-

так. Смотреть на этих парней Лика боялась — они казались ей уж больно красивыми. Их накачанные загорелые тела вызывали у нее дикое смущение.

Они уселись одна за другой — Ира обхватила Лику за талию — и помчались в неизвестные дали, подпрыгивая на батане, хохоча и наслаждаясь морской прохладой и жизнью — жизнью, в которой все только начиналось. Визг, брызги, веселье, счастье, надежды на яркое и безупречное будущее — все это было их спутниками в том коротком пятнадцатиминутном путешествии по волнам на высокой скорости.

Счастливые и довольные, они вернулись на берег.

— Лика, ты такая классная! Какая-то необыкновенная. Я таких девушек раньше не встречала. Пожалуй, я в тебя влюбилась. — Весело смеясь, заявила Ирина.

— Да что ты, Ира, я самая обычная, — улыбаясь загадочно, отвечала Лика. Конечно, она была необычной, но ей первый раз об этом вот так запросто говорила другая девчонка.

Лика была несколько удивлена и обескуражена: в любви ей пока никто и никогда не признавался, тем более девушка. Конечно, это была дружеская любовь: подружки к подружке. Но ей и парни никогда не признавались в любви. Отношения с ними были совсем не простыми. Сначала же надо как следует узнать друг друга, хорошо познакомиться. А как только дело в этом направлении начинало продвигаться, у Лики, как правило, тут же пропадал интерес.

— У меня есть один знакомый парень. Он очень классный. И я точно знаю: ты ему понравишься. Я хочу познакомить тебя с ним сегодня вечером. Он тоже из Москвы. Это мой друг, — запросто поведала Ира о своих планах на Лику.

Та же слушала как завороженная. Меня познакомят с парнем из Москвы? Классным парнем? И я ему непременно понравлюсь? Может, тут-то и начнется моя необыкновенная жизнь — такая, какой ни у кого до сих пор не было?

Пожарившись на солнышке и заполучив от него в подарок красные носы и щечки, девчонки договорились встретиться ве-

чером в известном в тех местах и довольно дорогом для Лики кафе «Болеро».

Она привела себя в порядок, надела красивую короткую белую юбку и обтягивающую желтую майку из плотной ткани – эти цвета выгодно оттеняли ее загорелую кожу. Белые сандалии и желтая сумочка завершали образ – выглядела она в тот вечер потрясающе.

Зайдя в кафе, Лика обвела взглядом столики и увидела, как навстречу ей уже идет Ира. Она расцеловала ее и повела к столику, из-за которого тут же встал действительно красивый молодой человек. Он поцеловал Лике руку, отчего та сильно смутилась. Он смотрел на нее изначально, прямо сразу, обожающими глазами. Ира наверняка так расписала ему Лику, что он, кажется, влюбился заочно. Эдик ей тоже понравился. Надо же, какое редкое имя! И у него тоже! Нет, скоро у Лики точно начнется необычная жизнь! А может... у них? Вот-вот, она уже это чувствует!

Молодые и ничем не обремененные люди болтали весь вечер. Смех и тепло окутывали их троих, и ничто не могло омрачить приближающегося счастья и испортить их великолепного настроения. Ира была рада, что Эдик с Ликой понравились друг другу. Она чувствовала себя доброй феей-волшебницей, которой удалось соединить два прекрасных молодых сердца, ищущих любви.

От Иры Лика узнала, что у нее самой был любимый мужчина, который остался в Москве. Он был женат, но она была безумно влюблена в него. Он оплачивал все прихоти Иришки, вот и путевку на море ей купил. Поехать с ней, конечно, не мог – статус не позволял. А Эдика Ира знала давно – они вместе работали в одной компании и крепко дружили, как иногда могут дружить парень и девушка.

Ира действительно была в восторге от Лики. Она произвела на нее такое впечатление, что хотелось что-то для нее сделать – такое, чего бы никто не сделал: например, подарить ей любимого человека.

Эдик в первый же вечер признался Лике в любви:

— Я никогда не встречал таких девушек, как ты. Лика, ты приедешь ко мне в Москву? Мы с тобой поженимся. У нас будут чудесная семья и дети.

Лика пришла домой в полном изумлении. Как такое может быть? Это что, любовь с первого взгляда? Та самая, про которую она так много слышала и читала в романах? Она не могла поверить в искренность чувств Эдика. Как он мог так быстро влюбиться? Как смог узнать ее и решить, что именно она его женщина?

Еще немного поразмышляв обо всем этом, Лика решила, что, наверное, это наваждение и наутро все растает, как карета, ку-чер и бальное платье в известной сказке.

На следующий день Эдик улетал в Москву. Он записал Ликин домашний телефон и обещал позвонить. А вскоре уехала и Ира. Она настойчиво приглашала Лику в Москву, к себе в гости.

Оставшиеся дни в Болгарии пролетели быстро — в них больше не было ни восторженной и добродушной Иры, ни влюбленного и вдохновленного их с Ликой совместным светлым будущим Эдика.

Вернувшись домой, в свой родной город, Лика уже не была прежней. Она ходила задумчивая, с легкой неуловимой поволокой на глазах, и о чем-то мечтала. Наверное, вот-вот начнется та самая необычная жизнь, о которой она всегда грезила.

Ира звонила ей, звала в Москву. Эдик тоже. В конце концов в разговоре он проявил такую настойчивость, что Лика сдалась и взяла билет на поезд. Собрала небольшой чемодан и прикатила к Ирочки. Та встретила ее ласково, все члены семьи — и мать, и отец — были рады ей. Лика с удовольствием гуляла по Москве. В столице она была впервые. Конечно, посетила главные достопримечательности огромного красивого города — загадочное Коломенское, Царицыно, которое тогда еще только начинали реставрировать, Красную площадь... Тогда Лика еще ничего не знала о своем будущем: суждено ли ей будет жить в своем родном городке или столица затянет ее жизнь к себе. Ясности

не было ни малейшей, но любовь и романтические флюиды летали в воздухе.

Встреча с Эдиком состоялась в кафе: Ирочка привела Лику и исчезла. Он преподнес ей великолепные духи — сказал, что привез их из Петербурга, ездил туда в командировку. Разговор не клеился. Все, что говорил Эдик, — это что он безумно влюблен и не представляет жизни без Лики. И что она должна приехать к нему навсегда.

— Я сниму для нас квартиру, мы поженимся. И у нас будет все как у людей. Мы будем семьей, у нас будут чудесные дети!

Лика была словно в сказке. Неужели это все происходит с ней, с обычной девчонкой из глубинки? Да, Лика считала себя необычной. Но чтобы фантазии — вот так раз и стали реальностью — в этом все равно было что-то загадочно-волшебное, как в сказке.

Она уехала поездом домой. Эдик провожал ее и повторял только одно:

— Я тебя жду. Как только вернешься в Волгоград, заканчивай все свои дела, покупай билет в Москву — и до встречи!

Лика уехала, по-прежнему не веря своему счастью. В родном городе она вновь приступила к работе и отодвинула мысли о счастливом будущем в столице с любящим симпатичным Эдиком в сторону. Ну не верила она, что все это могло быть правдой!

Неделя шла за неделей. Вот уже и октябрь пошел. Начались затяжные дожди, тучи накрыли город — жизнь природы потихоньку затухала, пряталась.

Эдик исправно звонил раз в неделю с вопросом, когда она планирует брать билет в Москву. В конце концов Лика сдалась. «Наверное, все это правда, и это — моя судьба. Ведь я же действительно необычная девушка! И именно так и должно состояться мое счастье...»

Она взяла билет в Москву, завершила все свои дела, уволилась с работы, собрала чемодан и поехала. Эдiku сообщила дату, время приезда, номер поезда и вагона.

Дорога пролетела незаметно: за окном мелькали деревья, телеграфные столбы, станции, деревеньки, города. Лика неслась навстречу своему счастью.

Поезд прибыл в Москву в полдень. День стоял солнечный и теплый, несмотря на самый конец октября. От предстоящей встречи со своей судьбой настроение у Лики было прекрасным.

Однако, на перроне ее никто не встречал.

Так Лика переехала в Москву, в столицу, где она, в общем-то никогда жить и не мечтала. Но именно с этого момента и началась ее действительно счастливая и необычная жизнь. А Ирину и Эдуарда она больше никогда не встречала. Может, это были ангелы, которые, выполнив свою миссию, исчезли навсегда?

12 июля 2024 г.

ЖАННА ВАРНАВСКАЯ

ПРО ПЕРЕЕЗД

Говорят, случайностей не бывает. Все закономерно.

Вот и моя семейная история далеко не единичный случай.

Сегодня я пишу про переезд, скорее про мысли о том, что предстоит.

Переезд маячит на горизонте моей судьбы с июля этого года с особенной силой. Надо наконец решать этот вопрос. Вот уже три с половиной года прошло с тех пор, как от ковида умер отчим. Слава богу, мама достойно справилась с потерей и навалившимися бытовыми проблемами. А когда становилось особенно тяжело, звонила по нескольку раз в день и запальчиво твердила: «вот все продам и приеду». Через день успокаивалась и все шло своим чередом. Хотя обе мы понимали: рано или поздно это случится. Но пусть лучше позже. Оказывается, в нашем возрасте невероятно трудно менять устоявшиеся привычки.

Качели желаний с тех пор колеблются в разные стороны. Как прийти к обоюдному согласию, кто к кому переедет: мама к нам или я к маме? Когда я приезжаю в дни летнего отпуска в Луганск, мы живем с ней в основном на даче в селе Красный Яр. На участке не проведен интернет и приходится ездить в город, чтобы поддерживать связь с «большой землей», как в шутку называю я социальные сети и общение с друзьями-коллегами.

С завидным упорством мама отстаивает право на активный образ жизни и по-прежнему опережает меня в подвижных играх на собственных шести сотках под кодовым названием «Посади сам! Вырасти сам! Делай как я! Делай лучше!». Но лучше мамы мне не сделать, как ни старайся, и я даже не пытаюсь, по-

чи с самого детства. На дачном участке мама – первая, главная, как, впрочем, много, где еще, она занимает почетные места. Так, например, она солириует в любительском хоре местного Клуба и давно мечтает попасть на передачу к Андрею Малахову. И эта мечта – сильнее любых трудностей! Но когда мы пытаемся прояснить конкретный вопрос о будущем, разговор как-то сразу переходит в другую область и затухает. Я понимаю: решение не созрело.

Хотя переезд неизбежен, рано или поздно.

Мама приезжает обычно ближе к Новому году и примерно недели две длится бурная радость общения. На третьей неделе становится ясно, что подсознательно она ищет любой предлог, чтобы вернуться к себе домой. В Луганске она прожила со вторым мужем без малого сорок лет. Там ее подруги, и хор, и родные стены, которые греют... Все ведь знают: в гостях хорошо, а дома лучше. Ее дом, даже два, где она полноправная хозяйка – там. Здесь она чувствует себя в гостях... И, если я начинаю винить себя, вообще все валится из рук. Извечный вопрос: «Что делать?» я бы продолжила: «Что делать, чтобы всем было хорошо?!».

Мне променять родной подмосковный Реутов?! Здесь мои родные стены, друзья, коллеги, интересная новая работа, где я чувствую себя на своем месте. И я понимаю, что не готова, совершенно не готова к переезду... И пытаюсь представить, что, когда мама согласится (рано или поздно) на переезд, как мы будем перевозить все вещи, с которыми ей вряд ли захочется расстаться. Ведь каждый отдельный предмет – это память, драгоценные вспоминания. А что-то кажется бесценным, потому что нажито непосильным трудом. Я отчетливо вижу чайный сервис из Германии – подарок отца из очередной командировки: фарфоровые чашки с рисунком служили эталоном красоты семейной утвари. И другие неповторимые безделушки, которыми дорожат на склоне лет не за реальную их стоимость. Я представляю, как мама бережно протирает от пыли каждый хрустальный фужер на полках в серванте, и понимаю, как труд-

но ей свыкнуться с мыслью, что все это вероятно придется оставить. Оставить неизвестно для кого, если придется продавать квартиру в Луганске и переезжать. Больше половины века назад наша полная семья — мама, папа, я и младший братиш-ка — переехали в Реутов из Андреевки, близ деревни Крюково, той самой, о которой поется в песне. И все наши пожитки уместились тогда в одном грузовике. И ярко запомнился восторг от простора двухкомнатной хрущовки на пятом этаже — после коммунальной квартиры, где мы ютились вчетвером в одной комнате, а в соседней жила одинокая женщина. А первого сентября я пошла в третий класс реутовской школы №1. Я страшно гордилась этой цифрой: наша школа — первая. И я, и я должна быть первой! Не всегда мне удавалось приблизится к мечте, но все же.

Говорят, что по значимости стресса переезд практически равен разводу или увольнению. Если посчитать, сколько записей в моей трудовой книжке... сама удивляюсь, как удается удержать здравый смысл в рамках дозволенного... Так вот, на моем веку два переезда. Родилась я в подмосковном Тучково — поселке городского типа. И тот самый первый переезд не запомнился вообще. Помню лишь расположение дома и дороги по отношению к детскому саду, в котором воспитательницей работала мама, и слева от дома — школа, куда я пошла в первый класс. И еще на всю жизнь запомнилась большая яма перед подъездом, которую после дождя до самого верха заполняла вода. А я уронила туда ключи. Но это — отдельная история, как-нибудь дойдет очередь и о ней расскажу. А пока — про переезд, скорее про мысли, которые три года как комары — напытываются крови и в сторону, а место укуса долго зудит упреками совести. И эта проблема, мягко говоря, выводит меня из равновесия.

Переехать — мне — в Луганск? Там — никого, кроме мамы... И где найти работу? Что я могу найти в незнакомом городе, я — пенсионерка со стажем, когда и молодые далеко не все устроены??? Билет на автобус в один конец стоит сейчас треть моей

пенсии: «Прощай, Москва, друзья, прощайте» ... Нет, я не готова..., и я тяну, тяну с решением важного вопроса. Вернее, он для меня не разрешим, может пока, может позже все разрешится... Я молю, чтобы БОГ дал маме сил справиться со всеми встречающимися трудностями. И мама молится. Потому что дело даже не в том, что там, в Луганске, у нее лучшие жилищные условия: благоустроенная просторная квартира и добротная кирпичная двухэтажная дача с виноградником, огромным грецким орехом и замечательным огородом... Там незримые корни ее естества заземлили напрочь... Нет, даже корни можно выкорчевать, но нельзя – если сердце приросло к родным людям, которых нет уже на свете... А остались – могила мужа, с которым она прожила тридцать восемь лет в счастливом втором браке. И могила любимого сына, ушедшего безвременно, трагично.. Гранитный памятник с изображением светловолосого добродушного паренька – крепче всех якорей на свете, крепче наручников, от которых не потеряны, нет – выброшены саморучно ключи... Как она может переехать? Это вам не чайный сервис из Германии.

И я не вижу выхода... пока не вижу. Но, надеюсь, мы справимся. Найдем верное решение. Я очень хочу в это верить. Все образуется наилучшим образом. С Божьей помощью.

15.09.2024г.

ЮЛИЯ ВЕЛИКАНОВА

БЕТХОВЕН И ЧЕРЕПАХА, ИЛИ ПЕРЕЕХАЛИ

Пять утра, и я опять не сплю. По две тысячи пятисотому по-воду.

Совсем недавно в Большом зале Консерватории со мной в партере слушала Бетховена приличных таких размеров черепаха. На руках у владелицы. «Аврору», «Лунную», «Патетическую» и «Бурю».

Молодые пианисты старались и для нее.

Чаще всего сейчас не сплю под утро, потому что читаю с телефона и корю себя за то, что перенапрягаю глаза. И все равно читаю. Потому что не сплю. Или не сплю, потому что читаю.

Переезд вспоминаю как страшный ужас и кошмар. Два года почти прошло. До сих пор и не думала об этом писать. Теперь вот подвернулся повод.

Итак.

Я не Лев Толстой, и моя квартира на четвертом этаже хрущевской девятиэтажки в Свиблово — не имение Ясная Поляна.

Когда я время от времени пытаюсь себе представить, как мы прежде впятером помещались на этих 44,2 метрах квадратных... На четверых с детьми (муж не прописан) у нас были даже излишки. Наверное, они — излишки — и помогли нам не сойти там коллективно с ума, вопреки мудрости папы дяди Федора. Только поэтому.

А сейчас уже шестой час утра. Почти два года назад. И скоро муж встанет, ему на работу. И я расскажу ему, почему мне толком не удалось уснуть всю ночь. Меня накрыло страшным кошмаром, что мы снимем другую квартиру, а потом не сможем сдать свою. И что мы будем делать?

По завету чеховского Платонова – денег нет, идеи наследуем – я унаследовала немало идей. Одна из них о том, что мне никогда и ни в чем не победить.

И как ни расхламляй наше убежище, никто на него не позарится. И что мы будем делать? В загашнике ни копейки. Его и нет, загашника, и никогда не было.

Так живем, словно с нами ничего никогда не случится плохого.

Может, это поможет?..

Объявляю мужу о своих тревогах. Молчит. Я спрашиваю в прихожей, в истерике тихой (дети еще, наверное, спят), что он думает – каково это мне, жить с этим ужасом, который то, просто затаившись посиживает во мне, то накатывает с силой девяного вала?

– А что ты думаешь, мне каково? – отвечает мой благоверный. Понятия, говорю, не имею. Потому что ты вообще со мной ни о чем не разговариваешь. Ни о чем важном, главном.

Взрослая логистика и детская логистика. В основном это все, что делает нас семьей много лет.

– Ну вот такой тебе муж достался! – и уходит в новый день, громко хлопнув дверью. Дверь давно пора менять. Тогда, два года назад. Сейчас – тем более.

Новый жилец (а он-таки нашелся!) раздолбал дверь вконец, в хлам. Не запирает на замок вовсе. Тем более, что ее расперло в проеме и перекосило, теперь и без запора нелегко открыть.

Глеб Романович Калашников из Екатеринбурга, тот самый жилец, передвигается по Москве вообще без ключей. Дверь подъезда открывается с помощью кода. Он его знает. Я – нет.

А прочих дверей он просто не запирает. Ни в общий коридор, ни в квартиру. Вот и жилец мой кое о чем заставил задуматься...

Да, переезд. Я родилась в этом доме, на этом этаже. В соседнем крыле, в однушке. Потом что-то изменилось к моим восьми годам, и родители смогли переехать в двухкомнатные хоромы. В них я и прожила все свое, сколько помню.

Вышла замуж. Троих родила. Двух котов скончали. Отца потеряла — дважды. По-настоящему, когда ушел из семьи (и от меня отказался), и потом, когда его забрала смерть, в Болгарии на курорте. Жадность, глупость и, прежде всего, молчание, утаивание самого важного, включая боли и болезни, от близкого человека — новой жены — иногда заканчиваются вот так.

И мой муж продолжает молчать. А я стала прямо говорунья. Порой несу околесицу, первое, что приходит в голову. Но — живое, растрепущее, для себя важное.

Переехала. Из одного состояния себя в совсем другое. Квартиру сменила тоже. На чужую. И это не изменится. Живу словно на одной ноге. Оказалось, так даже легче. Если бы не угнетало несочетание обоев и линолеума на кухне, никуда не годные межкомнатные двери и оклеенные обоями же потолки. Муниципальный ремонт. Хозяева сделали скидку в две тысячи. Риэлтор сторговалась. Спасибо ей.

Мы переезжаем. Никто не помогает. Мы не справимся — столько нужно перетаскать! Ну да, правильно, улица одна и та же. Но — с конечной почти к метро перебираемся. И ведь тяжестей полно. Легковушку свою туда-сюда гонять без конца.

Почему-то сначала не пришло в голову, что нужно просто попросить друзей о помощи. Друзей с машинами побольше нашей, живущих неподалеку. В итоге возможностей оказалось даже больше, чем понадобилось.

И да, я не Толстой, теперь уже точно. Не фамильная усадьба, не графские угодья жизнь моя. Этим летом размечталась попасть в резиденцию критиков — в Ясную поляну, ага. Написала эссе, все вовремя подала — честь по чести. Даже отпуск на время работы резиденции запланировала.

Не прошла.

Ну и ладно. К лучшему.

Чувствовала бы себя там полной дурой — среди филологов и прочих гигантов.

*

Психоаналитик после нескольких лет работы отпустила меня. Посоветовала продолжать заниматься телесно-ориентированной терапией, практиками, раз они так хороши и мне помогают. А с ней закончили. Сказала, что я стала устойчивой.

Мой образ по-прежнему качели. Иногда их раскачивает слишком уж сильно. Притом, что мой вестибулярный аппарат мало куда годится. Правда, жаловаться грех. И езжу, и летаю, и плаваю. Вот Новелла Матвеева совсем не могла.

Любые качели, как ни раскачай, все равно станут снижаться и потом остановятся. Вернутся в центр. Устойчивость.

Переезд – это вызов. Это когда из-под ног уходит земля. И асфальт тоже трескается и уходит. Цемент трескается. Сдвигаются тектонические пласти. И ты на разломе.

Удается уснуть.

Снится, что плыву в воде, а ведь только что шла по дороге на дачных участках. И это не просто вода, в ней черные куски, похожие на асфальт, вокруг меня мягкая черная пена, и масло, и грязь, а я спокойно барахтаюсь.

Снится, что моя лодка двумя краями стоит над землей, опершись на дачные заборы – соседский и мой. Посреди куска суши. Самой главной для меня земли на земле.

Снится, как родная тетка, с которой в последнее время отношения ни к черту, не глядя на меня через дверь протягивает картинку – из старой квартиры, со стены. Я ее узнаю. Она долго висела. На ней даже фрагменты обоев остались, когда отодрали.

Снится трасса, подвешенная высоко в воздухе. Где-то на даче. И я еду за рулем, мчусь по ней на немыслимой скорости и понимаю, что так нельзя. И дороги такой быть не может, и сейчас со мной что-то случится. И я ничего не могу изменить.

Это во сне.

В реальности пока жива, могу.

Изменить.

И должна даже.

*

Бетховен – самый энергетический композитор в мире. Не имевший внешнего общепонятного слуха, потерявший его, он обрел тот слух, которого нет ни у кого из нас, слышащих. Пусть звучит Бетховен для всех нас!

Черепаха – одно из самых медленных животных на земле. И последнее животное, которое я ожидала встретить в Консерватории. Мне кажется, это тоже символично. Не случайно.

Да, переезд.

Это надежды, которые оправдались. Это больше места для себя. И постепенное привыкание закрывать дверь и оставаться в безопасности. Не контролировать все и вся бесконечно.

Бояться, но делать. Бояться, но говорить.

Просить, предлагать, настаивать.

*

Переезд – это еще и остановка в пути, там, где автотрассу пересекают железнодорожные рельсы. Если шлагбаума нет, то некоторые умудряются проскочить между электричкой и встречным товарняком. Когда красный сигнальный фонарь не перестает мигать, и проезд закрыт.

Я думаю о тех, кто смелее и быстрее меня.

Кто прыгает и надеется, что это не обрыв.

А если и... больше рисковать, провоцировать, быть смелее, идти дальше.

«...Из кустов вылезает черепаха, и говорит: «Будете ругаться, вообще никуда не пойду!». Это как будто бы не отсюда...

А еще я думаю о тех, кто любит.

И хочу жить столько, сколько понадобится – пока не завяжу второй парный браслет на том самом запястье. Я только сейчас пытаюсь разобраться с любовью. Отставание в эмоциональном развитии налицо. Ну – как есть. Сложная оказалась штука. Вот Брэдбери прав, наверное, как всегда: «Любовь – это когда оба любят взаимно. Когда любит один, это болезнь».

«А кто же вам на баяне играл?» – вот это точно не отсюда!

А как же тогда безответные чувства и трагические истории, преображающиеся в лучшие произведения на земле?!

А еще у меня есть учитель. Самый важный теперь, сейчас. Живущий так:

...embracing pain, grief, and failure, and using all of it to make art (and have a full life). ...принимая боль, горе и неудачи и используя все это для создания произведений искусства (и для полноценной жизни).

Я никогда не смогу прожить и написать так, как он. По тысяче пятистам причинам. Но я обещаю ему, что сделаю все что смогу. Чтобы иметь право процитировать его главные слова. Которые он сказал, получая престижную премию. Пока не буду их приводить. Пока рано.

*

Иногда кажется, что все разваливается на части. А оно просто встает на свои места. Ты должен помочь и ему переехать.

Мы переехали под зиму. В новой квартире особенная кухня, 13 метров, с большим панорамным окном. В теплое время года по утрам вся она залита солнцем. Это наполняет меня радостью, пусть даже слепящий свет мешает читать с экрана телефона за завтраком.

Мы переехали.

НИНА ГАВРИКОВА

УСЛОВНОСТИ ЛЮБВИ

Июль. Пятница. Ия и Кена ехали в деревню Крутиха. Машина, преодолев большую часть дороги, свернула с автострады на гравийную насыпь, с обеих сторон окантованную неглубокими канавами. Правил легковушкой муж. Жена молчала, может о чем-то серьезно задумалась, может ей не по душе летний зной. Кена приоткрыл окно. Теплый шепот ветра сопровождался переливающейся трелью жаворонка. Неподдельная радость маленькой птички навевала воспоминания о детстве и юности, о прожитой жизни. Автомобиль бежал не спеша, спускаясь с одного пригорка, поднимался на другой.

— На речку заедем? Искупнемся, охолонемся, — подъезжая к мосту спросил Кена.

— Нет. Хочу горячего сладкого чая, — оживилась Ия.

— Я же купил квас.

— В жару квасом не напиться, — по-учительски строго ответила жена. — Только горячий чай утоляет жажду.

Ия подняла глаза: погода блекла, с запада тянулась огромная тяжелая туча. Подобные дождевые перевалки обычны летом — синоптики предупреждали о грозе и шквалистом ветре. Надо успеть до ливня заскочить под крышу родного дома, а то придется ждать, пока ветер не утащит грозовую тучу дальше.

Кена припарковался у забора, открыл багажник, схватив сумки с продуктами, побежал открывать дверь. Из клочковатой серо-черной тучи уже накрапывало — летние знойные дни зачастую заканчивались обложными дождями. Ия замешкалась, пока надевала туфли, сброшенные было с ног, да убирала телефон в сумочку, дождь разошелся не на шутку — домов в конце де-

ревни не видно. По стеклам и по капоту стекали широкие струи. Дождь стучал по крыше, шлепал на траве. Сначала громыхало где-то там вдали, но с приближением тучи, казалось, что боги разбили на две огромные части гранитную глыбу прямо над ее головой. Ослепительные молнии разрывали небо в клочья. Ия с детства любила непогоду, но не в этот раз.

Она закрыла глаза, душа тревожилась, вспомнился вчерашний разговор с сотрудниками. Они поздравляли Таисию Петровну с рождением внучки. Сам собой зашел разговор о внуках. Алена, молодая мама сына первоклассника, начала первой:

— Говорят, внуков любят больше, чем детей?

Тася поддакнула с умилением:

— Да, представляешь скоро в дом принесут такую крошечку: и глазки папины, и носик мамин...

— И характер бабушкин, и гены дедушки, — передразнила Таисию Клавдия Серафимовна, у которой четверо внуков. — А я всех одинаково люблю и дочь, и внуков, и будущих правнуоков — авансом.

У Клавы дочь жила в другом городе, с первым мужем отношения не сладились. Внук долго болел, пришлось Клавдии привозить его к себе и выхаживать. Когда ребенок достаточно окреп, его мамочка нашла нового мужа и от него еще троих родила. Сейчас они живут в другом городе, правда, материальную сторону семейной жизни дочери до сих пор решает Клава: пеленки, распашонки, мебель, машины, продукты. В общем себе оставляет жалкие крохи, чтоб оплатить коммуналку, да на еду чуток.

Ие не хотелось поддерживать данную тему, в ушах прозвенел злорадный выкрик дочери:

— Да лучше б он сдох.

Ия потрясла головой, будто хотела вытряхнуть из головы неприятные воспоминания и, подняв вверх чашку с чаем, попробовала уйти от ответа:

— Предлагаю тост за новоиспеченную бабушку! Пусть внучка растет здоровой, красивой, умной!

*

Вечером Ия созвонилась с Клавдией, и та призналась, что дочь любит больше всех, она ж ее кровиночка. А внук так долго болел, и так дорого достался, что и к нему относится, как к родному сыну. Ну и призналась — от второго брака внучки совсем не такие, как внук. Она как-то очень уклончиво, вскользь уточнила, что их тоже, наверно, любит, но немного по-другому.

Ия не могла правдиво озвучить свое отношение, сердце превращалось в треснутую скорлупку от одной мысли о внуках. Раньше Ксюша агрессивно выплескивала недовольство, будто мать Кирилла любит больше, чем ее. Ия сначала думала, что это ревность или возрастное становление личности, когда чувства и эмоции обострены до предела. Но время шло, а отношение дочери к ней не менялось. В тот год муж с сыном на мотоцикле обгоняли грузовик, Кена не справился с управлением.

— Гонял, гонял, догонялся, — от бессилия кричала на мужа Ия.

В реанимации врачи боролись за жизнь подростка. Когда Кирилл пришел в себя, его настигла вторая беда. Хирурги попробовали собрать раздробленные осколки костей, но приговор оказался суров — ампутировать ногу. Конечно, все внимание Ии переключилось на сына. Тогда-то Ксюша и выкрикнула эту злорадную фразу.

— Не желай другому зла, оно вернется бумерангом, — Ия невольно передернула плечами.

Сколько ей пришлось пережить, никто не знает, да она и не рассказывала никому. Зачем? Сыну и всей семье пришло тяжелое осознание, что жизнь продолжается, и надо бороться. Кирилл — мальчик-пай. Разговаривал вежливо, с прогулок возвращался вовремя, уроки делал самостоятельно. В его шкафу, начиная с детского сада, каждая вещь лежала на своем месте. Ия удивлялась, лучше бы такая педантичность досталась дочери. А то Ксюша непоседлива, как ураган, и упрямая, как чертёночек.

Из больницы Кирилл приехал совершенно другим. Казалось, что он не ногу потерял, а хребтину надломил. Ию пугало состоя-

ние незащищенности сына. Он безмерно капризничал, ничего не хотел делать, становился пессимистом. Может поэтому научиться ходить на протезе не сразу получалось. Ия и уговаривала сына, и страшала, и примеры приводила, притащив книгу о знаменитом летчике. Рассказывала, как Алексей Мересьев после тяжелого ранения не только заново научился ходить и летать, но и семь вражеских самолетов сбил.

— Жалко, что Ксюша не слышала этих рассказов, — сетовала вслух Ия. — Жизнь учит каждого по-своему.

Дочь, замкнулась в себе, наперекор родителям съездила в областной центр, поступила учиться в техникум на товароведа, старалась как можно реже появляться дома. Выходные Ксюша проводила у бабушки в Крутихе, где и первую любовь встретила.

Вовка — шустрый деревенский мальчишка покорил городскую девчонку своей харизмой, дерзкими выходками. Они воспринимали окружающую действительность по-своему и были на каком-то одном энергетическом уровне. Вовка излучал радость, уверенность в себе и делился с Ксюшей внутренней силой. Она от его энергии, идущей изнутри, становилась более привлекательной, женственной. Со стороны казалось, что они две половинки одного целого.

Когда Вовку призвали в армию, Ксюша потерялась. Долгими часами сидела у окна, ждала почтальона или скрывалась в крохотной комнатке на чердаке, уединенно писала письма. Учеба для нее превратилась в сущее наказанье. Ия съездила на педсовет в техникум, пояснила обстановку. Хорошо, что классный руководитель смог понять юношескую натуру, договорился, чтобы Ксюшу не отчислили из техникума, помог получить диплом. Ия договорилась со знакомой, жившей в областном центре, чтобы дочь взяли на работу в магазин «Детский мир». А с классным руководителем договорилась, чтобы сказал, будто это он нашел ей подходящее место. Ия знала характер дочери, от нее она помочь бы никак не приняла, такая гонюшистая!

На выходные дочь по-прежнему ездила в Крутиху, но останавливалась не у бабушки, а у свекрови. С мамой Вовки они долгими вечерами перечитывали письма солдата. Пока в один из дней Вовка не приехал в отпуск. Ксюша ликовала! Целую неделю вместе! Вовка — молодец! Зная, как она скучает, добился, заслужил отпуск.

Но... от хитросплетений судьбы не убежишь, не спрячешься.

Неделя промелькнула в одно мгновение. Вовка, лихо отметив с товарищами предстоящий отъезд, уселся на любимый мопед, чмокнул Ксюху в щечку и со словами «Прокачусь в последний раз», — надавил на газ.

«Последний раз... последний раз...» — крутился в голове Ксюши голос Вовки. Она закричала что есть мочи:

— Стой! Куда?

Столбы пыли еще не успели осесть на землю, как кто-то из местных парней прибежал с криками:

— Вовка Хорошаев разбился... Вызывайте скорую.

Ксюша метнулась к мужу... но поздно... Никого не вернуть... ничего не исправить...

Ксюша не находила места, не знала, чем заняться, куда себя деть — ее внутренний мир разбился вдребезги. Она всем нутром ощутила, насколько жизнь штука хрупкая. Ей очень хотелось, чтобы все осталось по-прежнему. Она не желала мириться с нестерпимой болью утраты, страшилась перемен.

Сорок дней тянулись вечностью. Впереди никакого просвета, только черные будни и все, дом — работа, работа — дом, полное однообразие, без какого-либо просвета... пока в один из дней не поняла, что жизнь преподнесла ей сюрприз, нет не сюрприз — подарок. Частичка Вовки осталась внутри, и она или он скоро должен появиться на свет. Крохотный лучик солнца вновь озарил горизонт и юную душу. Ксюша боялась поверить в свое счастье. Своим секретом поделилась только со свекровью, и та предложила полностью переехать жить к ней, вдвоем горевать и воспитывать ребеночка легче. Работать Ксюша перевелась в сельпо.

Зимой на свет появился маленький Вовка, такой же светло-волосый непоседа с голубыми глазами. Ксюша ожила и ни на минуточку сыночка не оставляла одного, никому не доверяла, все сама, сама.

Ксюша дома бывала только на день рождения отца. Когда родители приезжали в Крутиху, дочь забирала Вовку, увозила в областной центр, пряталась у подруг. Ие дочь не давала видеться с внуком, ее такое отношение дочери обижало, да и людей было стыдно, но приходилось мириться, сама такую упустила, не дала вовремя любви и ласки, вот и результат на лицо.

Почему все это произошло с ними? Ия не знала, а копаться в отношениях – слишком больно. Хотя возраст уже шептал на ушко, что пора переосмыслить пройденный путь, проанализировать ситуации, пора исправлять ошибки, ну или, в крайнем случае, просто попросить за них прощения, но она не знала как.

*

Ия вздрогнула. Муж, накинув на голову куртку, пытался открыть дверцу, одной рукой он держал чашку с горячим чаем, другой – прикрывал чашку блюдцем, чтобы дождинки не попали в чай. Ия зарделась смущенной улыбкой:

– Ну, зачем ты? Сейчас сама приду, вот только дождь притихнет.

– Бери, пей, сама же говорила, что голова болит, – скомандовал Кена и, хлопнув дверцей, поспешил в дом.

Ия сделала первый судорожный глоток. От горячего напитка тепло прокатилось по всему организму. Голова просветлела. Сгорбленная спина медленно выпрямлялась. Ия, растягивая удовольствие, потягивала питье. Дождь закончился, а она все еще крепко сжимала в руках любимую чашку из ее детства, пора выбираться из теплого кресла, но мысли вновь захлестнули сознание. Она вспомнила, как отмечали золотую свадьбу родителей, те всегда бережно относились друг к другу. Наверно, тому были причины: две войны, строительство дома, воспитание детей, радости и горести – все на двоих. Главное – мучительное осознание скорой разлуки, разлуки навсегда. Отец ушел первым, мать

лишь на три года пережила его. Она же против воли родителей пошла, чтобы выйти за него замуж.

— Надо же, а Ксюшка-то в бабушку, так же воспротивилась воле родителей и поступила, как считала нужным. Вот в кого дочь уродилась, — удивилась своему открытию Ия. — Хотя, если поразмысльить, то ее мать сделала правильный выбор. Славная семья получилась: семеро детей, двадцать внуков, правнуки. Удивительно, мы никогда не выясняли, кого родители любят больше, кого меньше. Мы просто радовались жизни вместе с ними. Хотя, как и в любой семье, имелись любимчики. Только вот нелюбимчиков не было, все остальные равно любимые, всем хватало теплоты и заботы. Да, что говорить, раньше так над детьми не тряслись, как сейчас.

Пожилая женщина неторопливо выбралась из автомобиля, прошла в дом. Кена, скинув сырую куртку и брюки, прилег на диван, задремал. Ия улыбнулась: «Ничего не поделаешь, возраст берет свое, мужчинам тоже нужен отдых!» Муж, услышав шаги, открыл глаза:

— Ну, как ты? Стало полегче?

— Да. Все хорошо. Пора готовиться к встрече.

Супруги по-хозяйски проворно засутились на кухне. Кена занялся курицей. Ия поставила варится картошку на пюре, готовила салат. В день рождения Кены должна собраться вся семья.

На улице вновь потемнело. Создавалось впечатление, что тяжеловесная туча вернулась на круги своя. Она напористо неслась на юго-восток, обволакивая солнце и оттесняя его от земли. Казалось, что туча ползет грязным брюхом по земле. Холодный шквалистый ветер будто частым гребнем причесывал деревья. Тридцатилетняя яблоня с толстым стволом и массивными ветками склонилась до земли, как однолетний прутик. Ослепительная белая вспышка располосовала небо. Через мгновение раздался оглушительный ужасающий грохот. Создалось впечатление, что две громадные глыбы терлись друг о друга, испытывая на прочность гранит, так прогрохотало. С неба обрушился сплошной по-

ток воды. Ослепительные зигзаги молний бороздили небо на мелкие пласти.

Прошло минут двадцать, стихия не унималась. Казалось, что этот ужас не закончится никогда. В доме погас свет. На чердаке что-то треснуло и хлопнуло. Наверно, распахнулось окно или оторвался лист железа. Кена хотел сходить посмотреть, Ия не отпустила, побоялась. От этого грохота у нее сжалось сердце. Она решилась написать эсэмэску Ксении: «У нас сильный дождь и гроза. Вы где?» Дочь была в своем амплуа: «У нас раскали-кали, солнечно! Скоро будем!»

Ия всматривалась вдали, дождевые нити колотились по крыше, стенам, окнам и настолько переплелись, что ни света фар не видно, ни шума мотора не слышно. Ия попросила мужа зажечь свечку, сама достала из стола деревянную толкушку, начала толочь картошку. Кена похлопал дверцами навесных шкафов — свечей нет.

— Как всегда, чего надо, того и нет.

Ия горячо молилась, чтобы Господь спас ее детей и внуков. Она бы сейчас все на свете отдала, лишь бы все приехали в целости и сохранности. Такого страха ни разу в жизни не испытывала. «Лучше бы на обочине встали, подождали, пока гроза настешится и стихнет».

Кена встрепенулся.

— Приехали. Слышишь?

— Ничего не слышу, эта гроза меня оглушила. — Чуть не плача от томительного ожидания, ответила Ия.

Первым в дом заскочил долговязый Вовка.

Ия обняла внука, поцеловала в щечку, отметила: «Весь в отца!»

Вовка — студент второго курса университета. После окончания им девятого класса, Ксения вернулась в родной город, правда, жить вместе с родителями отказалась, сняла квартиру. Вовке для универа нужна была прочная база знаний. Но причина, скорее всего, крылась в другом — свекровь (мать Вовки) дочери забрали к себе, увезли в другой город. Ксюше одной в чужой избе

оставаться страшновато. Хотя она пока жила в деревне и корову доить, и косить, и стога метать, и дрова колоть — всему научилась.

Ия радовалась, не зря дочь вернулась, вышла второй раз замуж. Мужа звали Карим. Красота у него нетипичная — широкоскулый с узкими черными глазами, возможно в его роду были монголы или татары. От Карима исходило какое-то особенное очарование, рядом с ним было спокойно, тепло и уютно. Решение глобальных семейных проблем он не доверял никому, всегда сам решал. Через полгода семейной жизни молодожены решились пополнить семью, дочь называли Ясминой.

Карим тактично пытался повлиять на взаимоотношения Ксюши с родителями, сам рано лишился тепла родного очага и понимал, как это трудно, когда тебя никто не любит, не поддерживает, не помогает. Родители Карима в лихие девяностые, во времена перестройки не справились с трудностями, ушли в глубокий запой и не вернулись. У отца отказало сердце, мать замерзла в сугробе. Карима тетка не отдала в детдом, но у нее своих забот хватало, не до племянника.

Вовка показал рукой на машину:

— Ясмина заснула, надо плащ или куртку отнести.

Кена накинул подсохшую куртку, захватил болоньевый плащ, выскочил на улицу.

Гроза не утихала. Молнии вспыхивали часто, стены дома содрогались от каждого удара грома. Огромная туча перекатилась через крышу их дома и поползла к окраине деревни.

Ия расправила кровать. Кена принес внучку, положил головой на подушку, прикрыл одеялом. Ксюша стояла рядом, одной рукой освещая телефоном потолок, в другой держала сумки. Шепотом спросила:

— Что со светом?

— Отключили.

— Ой! А так еще круче!

— Круче некуда, — согласилась Ия. — Давайте ужинать. Праздника не получится. Хорошо, хоть чайник успели вскипятить.

— А самовар где? Давайте я поставлю.
— Нет. Самовар на полатях, он подтекает, давно не ставим. И тушилка прогорела, выбросили. Ты телефон-то не сади, может долго света не будет, чтоб нам без связи не остаться.

— Да у меня целая зарядка.
Кирилл принес сумки, поставил на диван:
— Подарок и шашлыки на завтра оставим.
— Как это на завтра? Дорога ложка к обеду! — вспыхнула Ксюша и унеслась к Кариму. Он что-то там копошился в машине.

Ия разобрала сумки. Продукты убрала в холодильник, сумки с вещами отнесла за печь, чтобы не мешали. Салат переложила в салатник. Поставила на середину стола запеченную курицу, расставила тарелки, разложила вилки и ложки. Кена порезал хлеб.

— Та-да-да-да-а-ам! — голос Ксюши звучал торжественно, как музыка симфонии Людвига ван Бетховена. — Папочка, поздравляем с днем рождения!

Ия обернулась, в руках дочери красовался новый тульский самовар. Из трубы шел дымок.

— Давайте скорее трубу, самовар скоро закипит.
— А вода, а угли? — всполошилась Ия.
— Мы все с собой привезли.

Кена широко улыбнулся. Он любил пить чай из самовара и очень жалел, что их старый пришел в негодность. Кена хлопотливо полез на полати, достал трубу, а из-под стола вытащил скамеечку для самовара.

— Опаньки! А скамеечка-то мала, надо чего-то подставить, а то труба не достает до выюшки. — Ксюша пробовала пристроить самовар.

— Да сковороду вверх тормашками переверните и поставьте, — Ия вытащила тяжелую чугунную сковороду из стола.

Кена поставил скамейку, на нее сковороду, сверху самовар. Труба как раз достала до выюшки.

— Я завтра скамеечку переделаю, — радовался Кена.

— Садитесь за стол, все остывает, — Ия разложила пюре по тарелкам, каждому подала. — Курицу сами отрывайте, кому ножку, кому грудку.

— Ой, а пюре с комочками, — не удержался Вовка.

— Да свет отключили, без миксера не взобьешь, — замялась Ия.

— Ешь. Так нажористее, — оборвала Ксюша. — Представляете, сейчас едем сюда, а впереди три глаза.

— Какие три глаза? — не понял отец.

— Да, три огонька прямо перед нашей машиной. То в стороны разбежатся, то вместе сойдутся, да еще и отблески какие-то непонятные рядом. Сижу за рулем и думаю, может, нечисть так изгаяется. Бесовская сила, она ж может хоть как плясать и изгибаться.

— Вот я предчувствовала, что-то неладное ждет на дороге. Надо было молитву читать... лучше вслух читать.

— Не до молитв, честное слово. Хотелось быстрее до дома добраться.

— Другой раз лучше на обочине обождать, — Ия скрестила руки на груди. — Я молилась за вас... за всех вас.

Кена с нетерпением заерзal на стуле.

— Да, что за глаза такие? Померещилось что ли?

— Нет, батя, не померещилось. Это на пяти мотоциклах перед нами ехали. На трех фары горели, на двух нет, только отражатели на куртках и штанах. Мы когда на освещенный перекресток выехали, разглядели всех.

— Вот ведь, ничего не боятся. — Ия встревожилась. — Поди, подростки.

— Байкеры, у них слет где-то недалеко отсюда, — отмахнулась Ксюша.

— Самовар-то готов, — Кена снял трубу.

— Давайте остатки курицы со стала уберем, салат отодвинем, самовар на стол поставим, — скомандовала Ксения.

Все оживленно засуетились, освобождая место. Самовар, как в прежние добрые времена, занял свое почетное место. Ия налила в чашки чай.

Вовка с Кириллом, освещая себе путь телефонами, куда-то таинственно скрылись. Ия подумала, может что в машине забыли, но они вернулись через несколько минут неся в руках большой торт с зажженными свечами.

Кена аж выпрямился.

– Это что? Все мне? – отец семейства не смог сдержать удивления.

– Папуль, давай дуй! Только раз бывает восемнадцать лет!

– Да, мне уж не восемнадцать, а все семьдесят, – набрав полные легкие воздуха с первого раза задул свечи Кена.

– Ба-ба, о-о-о! – Ясмина сидела на кровати и показывала пальчиком на окно.

– Что это такое? – Ия привстала со стула. – Снимайте на видео, скорее снимайте на телефоны, смотрите какое же это же чудо. В жизни ничего подобного не видела.

Темная тяжелая неповоротливая туча медленно отползала к горизонту. На улице становилось светлее. Ужасающие раскаты грома слышались теперь вдалеке и были похожи на грохот бомбекки истребителей или на выстрелы артиллерии. Ия подошла к кровати, взяла внучку на руки, нежно прижала к себе и пошла к окну, чтобы лучше было видно.

Все завороженно смотрели в окно. Там, далеко за лесом вспыхивали огромные огненные всполохи, это уже были не яркие ломанные линии, а огромные залпы фейерверков, которые светились ярко-алым цветом, собранным из тысяч маленьких огоньков. Залпы вспыхивали то слева, то справа, то по центру. Просто чудеса какие-то.

«Это же как салют Победы! Победы добра над злом! У дочери жизнь наладилась, да и сын встречается с хорошей женщиной, может, женится, – Ия крепче прижала внучку, чмокнула в щечку и стыдливо посмотрела на всех. – Как же сильно я их всех люблю!»

АЛЕКСАНДР ГОРОХОВ

ДЕНЬ НЕ ЗАДАЛСЯ С ВЕЧЕРА

День не задался с вечера. До полуночи под окнами горлали и ржали обившиеся энергетиками малолетки. Потом захрапел сожитель, он же хозяин квартиры, Гришка. Утром лил дождь. Болела голова. Еле встала после третьего будильника. Не завтракав, побежала на работу. На улице сообразила, что забыла зонт. Добежала до остановки, впихнулась в автобус. С соседних зонтов на ноги стекали струйки холодной воды. Аккуратные владельцы держали их подальше от себя. Из окон дул холодный ветер. На остановке еле проралась сквозь толпу желающих впихнуться в автобус. Выдохнула. Дождь почти закончился. Под грязной мелкой лужей не увидела водосточную решетку, каблук угодил в нее, по инерции сделала шаг. Нога подвернулась, она вскрикнула от боли, упала. Поднялась, еле доковыляла до кафешки, в которой работала. Нога опухла, ныла, болела. Каблук почти отвалился. Кожа на нем ободралась. Переобулась в удобные кроссовки. Опухшая нога без шнуровки с трудом, но влезла. Отдышалась. Пришла в себя. Сделала кофе. Откусила круассан. Горячий кофе и сладкая булочка начали успокаивать, боль утихать. Увидела содранную коленку. Пшикнула на нее антисептиком, высушила бумажной салфеткой, залепила пластырем.

В кафе, грохнув дверью, влетела хозяйка. Первой, кого увидела, была Татьяна. На нее и заорала. Просто так, бессмысленно, чтобы выплеснуть мерзость и стервозность, переполнившие на-туру. Татьяна хотела сдержаться, но фитиль запылал, и ответила. Да так, что хозяйка на секунду заткнулась, а потом швырнула в нее подвернувшуюся тарелку. Тарелка просвистела в сантимет-

ре от головы и разбилась о стену. Наступила мертвая тишина. Каждый подумал: хорошо, что в переносном смысле «мертвая». Татьяна встала, доковыляла до кассы, вытащила из стола давно написанное на всякий случай заявление, стараясь не хромать, подошла к хозяйке. Шлепнула листом о стол.

— Расчет, трудовую и мед книжку немедленно!

Хозяйка поняла, что вляпалась. Молча ушла в кабинет, прогремела ключами от сейфа, прошелестела бумагами, вернулась и шлепнула о тот же стол книжками. Потом отсчитала, так чтобы официантки и повар видели и слышали, крупные хрустящие новизной бумажки. Сказала: «Не задерживаю!».

Так Татьяна оказалась без работы, но с больной ногой, на улице.

К остановке сразу подкатил ее автобус. Она посчитала это добрым знаком — значит, сделала правильно. Села. Слезы потекли сами. Те, кто был напротив, думали, что это дождь стекает с волос, потому даже в мыслях не сочувствовали и не обращали внимания. Возле дома вышла. Поняла, что с ногой совсем плохо. Вспомнила, что, когда занималась спортом, в таких случаях делали компрессы из водки, и вылечивалось быстро. Еле наступая на больную ногу, зашла в магазин. Увидев, что женщина взяла только бутылку водки, молодой парень-кассир ухмыльнулся, выгреб из кассы всю наличность, отсчитал, сказал, что сдачи не хватает, может дать, сколько осталось, лотерейными билетами.

— На фига они мне? — возмутилась Татьяна.

— Нету в кассе больше ничего, — пожал плечами кассир, — не хочешь брать, приходи, когда наберу тебе на сдачу.

Татьяна махнула рукой, окончательно поняла, что сегодня не ее день, сказала: «ладно давай свои пустышки».

— Ваш номер телефона? — Парень взял ручку и приготовился записывать.

— А это еще зачем?

— Слушай, у меня требуют вписывать. Не хочешь, бери свои пять косарей и возвращай бутылку.

Татьяна продиктовала номер, потом все остальное, что спрашивал.

Дождь закончился. До подъезда оставалось метров тридцать, но на них ушло почти полчаса. Наконец, открыла дверь, плюхнулась в прихожей на табуретку, с трудом вытащила опухшую лиловую ногу из кроссовки. На звуки вышел Гриня. Увидел бутылку, сказал: «О!» и потянулся к ней. Татьяна напряглась:

– Не хапай, не для тебя! Я ногу подвернула. Это для компресса.

– Дура, не очень-то и надо! – сожитель безразлично глянул на ногу, шаркая тапками, пошел на кухню.

По ходу, через плечо хмыкнул: «раззыва».

Татьяна доковыляла до своей комнаты, смочила полотенце водкой. Обвязала щиколотку. Потом засунула ногу в большой полиэтиленовый пакет, а сверху укутала материной пуховой шалью. Переоделась в халатик, легла на кровать и заревела. Плахала долго, беззвучно, так, чтобы этот гад не услышал и не присперся. Боль в ноге утихла, а на душе было мерзко и противно. Наконец дошло, что дурацкие мечты, будто хозяин квартиры ей симпатизирует, что вот-вот сделает предложение, они поженятся, что родит ребеночка, Гриша устроится на работу и будут жить счастливо. Этот придуманный и ни на чем не основанный бред, окончательно растаял. Собственно, она об этом и так знала. Всегда. Но отгоняла такие мысли. Не хотела их принимать. Хотела жить с выдуманным Гришечкой. Когда залезал к ней в постель, не возражала. Придумывала, будто они семья. А тут, вдруг, должно быть из-за боли, из-за того, что было ему наплевать на ее опухшую ногу, что не пожалел, а наоборот, нахамил, не получив бутылку, дошло. Встало на должное место. В слезах и заснула. В полуслне решила, что надо все менять. Раз уж уволилась, то и отсюда пора убираться. Дождаться, пока нога заживет и съезжать. Найти новую работу, снять жилье поблизости от этой новой работы, а остальное произойдет само собой. И с парнем хорошошем познакомится, и замуж выйдет, и будет жить счастливо. Кому как не ей. С этими мыслями и заснула.

Проснулась от резкой, давящей боли в ноге. Услышала Гришко сопение. Саданула здоровой ногой. Он взвыл. Должно быть, попала в то место, которое и потянуло его к ней в кровать. Матерясь, согнувшись, заорал, чтобы утром и духу Татьяны тут не было.

— Я тебе до конца месяца заплатила, — ответила она зло, — через двадцать дней и съеду. А еще сунешься, в тюрьму отправлю, или оторву твой поганый огрызок.

Гришка хлопнул дверью, долго еще стонал, матюгался в другой комнате, но к Татьяне не совался.

Нога с утра ныла, болела, но опухоль стала спадать. Татьяна утром и вечером делала компрессы. Комната провоняла водкой. Хотелось спать. Она и отсыпалась. На третий день поняла, что проголодалась. В маленьком холодильнике было пусто. А в шкафу нашла давно купленные, да так и забытые простенькие овощные консервы. Съела. Ходила с трудом. До магазина бы не дошла. Позвонила в кафе, подружкам. Вечером после работы принесли кучу вкуснятины. Повариха унесла самое вкусное, что не купили. Упаковала в контейнеры, укутала в полотенца. Татьяна ела, девчонки рассказывали. Говорили, что хозяйка ищет замену, но не находит. Намекнула, что если Татьяна вернется, то примет. Говорили, что где эта хозяйка сможет найти такую, как она, чтобы бухгалтерией занималась, и продукты закупала, и склад вела и составляла меню с калькуляцией всех блюд, целый день работала в баре, отчитывалась налоговой и делала еще кучу всяких дел.

— Скажите, что подумаю, — ответила Татьяна на всякий случай, для подстраховки, но окончательно определилась, чтоозвращаться не надо. Что раз решила поменять жизнь, так и сделает.

К концу месяца опухоль почти спала. Нога хоть и побаливала, и наступала на нее Татьяна с осторожностью, но ходила почти не хромая. Стала подыскивать в интернете жилье. Нашла несколько подходящих вариантов. Договорилась о встрече. На следующий день встала пораньше, позавтракала, сделала ма-

кияж и ждала звонка от хозяйки комнаты. Позвонили точно в десять часов.

— Татьяна Алексеевна? — спросил женский голос.

Голос Татьяне не понравился, она напряглась, но ответила.

— С вами говорит администратор государственной лотереи, — далее голос сказал название лотереи, выдержал паузу и продолжил, — поздравляем вас с выигрышем. Для экспертизы билета вам необходимо подойти с паспортом и билетом в наш офис завтра к одиннадцати часам дня.

Татьяна от неожиданности растерялась, потом сообразила, что говорят мошенники и ответила:

— Это что, розыгрыш? У меня денег нет и ничего мне не надо.

— Это не розыгрыш, это положенная процедура, — ответил голос, назвал адрес офиса и еще раз повторил, что с собой привести.

— И чего же я выиграла? — начала соображать Татьяна.

— Вы что, не проверяли тираж?

— Нет, не проверяла. Мне было не до этого.

— Проверьте, — хмыкнули из смартфона, — на билетах напечатан наш официальный сайт. До свидания. Не опаздывайте, пожалуйста.

Татьяна не из желания убедиться в свалившейся удаче, а, скорее, наоборот, из уверенности, что в очередной раз обманывают или непонятно зачем, разыгрывают, порылась в сумке, валявшейся в углу комнаты с тех пор, как подвернула ногу, отыскала билеты, набрала на ноутбуке лотерейный сайт. Нашла тот билет, который выиграл. От количества нулей закружилась голова. Она выключила ноутбук. Спрятала билеты в сумку. Потом сообразила, что нужен только один. Переложила его в паспорт. Стало страшно. Закрыла дверь в комнату на шпингалет. Паспорт, спрятала под матрас. Легла. Успокоилась. Начала соображать, что теперь делать. Потом снова включила ноутбук, стала искать, как выдают выигрыши и все такое. К ночи она точно знала, что будет происходить, продумала, как станет

действовать. Страх, что обманут, что заберут билет для проверки, а потом скажут, что ничего не брали или просто дадут по башке, когда выйдет из офиса, парализовал. Но постепенно прошел. Женщиной она была волевой. Всю юность занималась спортом. Сначала в школе, в маленьком сибирском городке приходила первой на городских, потом районных и областных соревнованиях. Была первой в институте, куда взяли как спортсменку, стала кандидатом в мастера спорта по лыжам. Но потом, после очередной травмы, спортивный врач объяснил, чем закончит, если не оставит спорт и она всерьез занялась учебой. Сил и упорства, чтобы наверстать пропущенное из-за сборов и соревнований, потребовалось не меньше, чем стать мастером спорта. Зато, когда получила диплом, радовалась ему и гордилась собой. С дипломом экономиста поехала покорять столицу. Наивная провинциальная дурочка, все-таки зацепилась здесь. И хоть как-то, но прижилась.

В назначенное время пришла к лотерейщикам. Просмотрели и отсканировали документы, забрали билет, выдали расписку. Сказали, что обычно экспертиза проходит за неделю, но с ее билетом заниматься будут не меньше двух недель. Объяснили – сумма очень большая, а потому и проверка основательная. Татьяна переехала в новую квартиру. Сбереженные на непредвиденный случай деньги заканчивались. Экономила на всем. Из комнаты почти не выходила. Через десять дней позвонили, сказали, что все с ее билетом в порядке. Потому попросили не забыть принести реквизиты банка, в который перечислят выигрыш. А еще, мужчина со строгим голосом, должно быть начальник, объяснил, что с таких выигрышей налоги они платят сами, а потому сумма, которую ей перечислят, уменьшится на 13 процентов, говорил долго, но Татьяна мало что поняла из его слов. Поняла одно – платить налог будет сама. Она-то знала, что этот налог платить надо нескоро. Заканчивалась весна, а за доходы в этом году надо будет платить через год. Сообразила, что эти хитрецы даже если на самом деле заплатят за нее налог и отложат огромную сумму налога в банк, то за год там набежит несколько сотен тысяч.

Сходила она в отделение банка, в котором бывала почти каждый день по делам кафе и хорошо знала заведующую, женщину постарше, хорошо в Москве устроившуюся. Время от времени, когда не было клиентов, она вспоминала о далеком родном городе, в котором, как и Татьяна училась, о молодости. Татьяна открыла выгодный вклад, взяла реквизиты, а потом отважилась и рассказала про выигрыш и свои тревоги. Заведующая прониклась, вызвала юриста, расспросила у него, что и как в таких случаях надо делать, чтобы не обманули, и попросила помочь клиентке. На следующий день в красивый, шикарно обставленный офис они пришли вместе. Проблем с перечислением всей суммы не возникло.

— Сколько живу, впервые вижу такого везунчика! Я вас много раз наблюдал в нашем банке. Всегда замотанная делами, всегда спешащая, уставшая. Белка в колесе, да и только. Иногда мне было немного обидно за вас. Думал, так и умрет когда-нибудь на бегу, в суете, от этой бессмысленной круговерти. А вдруг такое! Очень за вас рад! Как вам удалось, Танечка, выиграть такую сумасшедшую сумму? — говорил он искренне. Не было в нем ни зависти, ни желания что-то урвать. — Понимаете, у вас, бог даст, теперь может начаться другая жизнь. Это как переезд в другой город, нет, даже не так, переезд в другую страну. Пока ничего о ней не знаете, ни языка, ни законов, ни людей, которые в ней живут, но если постараешься, то очень скоро можете при старании и желании, сможете узнать и достичь многого. Главное не профукать то, что случилось. Подумайте основательно, куда потратите деньги. Постарайтесь так их вложить, чтобы приносили прибыль. И еще скажу, по-стариковски, вкладывайте только в такое дело, которое хорошо знаете, туда, где вас не обманут. И не шикуйте. Даже самые крупные суммы имеют неприятную особенность быстро заканчиваться.

Вечером Татьяна впервые поняла, не умом, а всем своим естеством, что у нее много, очень много денег. Теперь не вообще, на каком-то лотерейном билете, а у нее, на ее банковском счете, и она может делать с этими деньгами все, что захочет.

Она весь день осмысливала слова старого юриста, соображала, что же такое не просто знает, а знает досконально, до самой последней точки, от начала и до самого последнего вопроса, какое такое дело. И поняла. Два дела. Во-первых, она отлично знает ресторанное дело. Все в нем делает и понимает. Уже пять лет работает. Начиная с официантки. Была помощником повара, бухгалтером, экономистом. А второе — все эти пять лет она снимала комнаты или маленькие квартиры. Знает, как хозяева их сдают, как себя ведут и все такое.

Первое, что она захотела сделать — это купить себе дорогую квартиру в центре. Сделать шикарный ремонт. Купить самую дорогую мебель и всякую бытовую технику. Даже начала прикидывать, сколько такое будет стоить. Но быстро остыла. Вспомнила, про то, что даже самые большие деньги быстро заканчиваются. А второй раз в лотерею не выиграть. Потому решила умерить аппетиты. Купить две небольшие двухкомнатные квартиры поблизости от метро. Вспомнила, какие квартиры сама искала. В одной будет жить, а вторую сдавать. Вот и появится удочка, которой будет ловить маленькую рыбешку. Так говорил им один из преподавателей в институте, про то, что голодному надо давать не рыбу каждый день, а один раз, но удочку. И с голоду не умрет. Стала она думать и о том, что неплохо бы купить кафе или ресторан или создать новый, такой как ей надо. Правильный и удобный. Сколько это стоит, Татьяна не знала, но понимала — того, что у нее есть, должно хватить. Она знала, какое ей нужно кафе, в каком примерно месте должно находиться, какие должны быть посетители. Вот только не знала самого главного, где такой маленький ресторан или кафе продается и почему. Решила не спешить, не пороть горячку, присмотреться, обдумать, помечтать, как обустроить, а пока купить квартиры. С этим было проще. Договорилась с риелтором. За несколько дней объездили адресов двадцать. Узнала, что в Москве множество серий домов. К одним можно присмотреться, на другие ни в коем случае нельзя даже смотреть, а вот третьи, если, конечно, повезет, и они попадутся, надо брать не задумываясь. Узнала, что такие,

которые нельзя упускать, называются башни архитектора Вулыха или чуть короче — Башни Вулыха. По его проекту в семидесятых годах строили дома для партийных чиновников среднего звена, руководителей приличных заводов и других, примерно таких же по рангу, начальников. Были эти дома кирпичными, четырнадцатиэтажными, с большими кухнями и лоджиями, с двумя лифтами. Строились не как обычно — тяп-ляп, а качество строительства, как говорил риелтор, постоянно контролировалось. Про одну такую квартиру риелтор узнал, тут же созвонился с хозяевами, и они помчались смотреть. Место было отличным. Минут пять до кольцевой станции метро. Рядом парк, на который выходили окна квартиры. Когда подходили к дому риелтор вздохнул и сказал:

— Есть один минус в этой квартире. Она на тринадцатом этаже. Как вам это?

Татьяна засмеялась:

— Почему минус? Это большой плюс! Для меня тринадцать — счастливое число. Я на соревнованиях, когда был такой номер, всегда приходила первой. С тех пор полюбила его.

— Ну, тогда порядок! — успокоился мужчина, — а то иногда покупатели, как только что-нибудь с этой цифрой, так начинают руками махать, креститься, а потом голову мне морочат, тянут с решением и, в конце концов, отказываются покупать.

Вошли. Ахнули.

— Господи! — запричитал риелтор, — полностью убитая квартира! Ужас! Это же на ремонт уйдет миллиона три, а то и больше! Кто же тут жил! Ужас!

Они ходили по комнатам, риелтор заглядывал во все закоулки, под ванну, за унитаз, в кладовки, и причитал, причитал, ужасался. И было чему. Стены обшарпанные. Обои подранные. Двери, только что не пробитые насквозь. Всюду грязь, кафельная плитка битая или отвалилась. Трубы замотаны хомутами и вокруг ржавчина. Через грязь паркета проступают черные пятна. На входной двери клочьями свисают обрывки дерматина. Молодые хозяин с женой следовали за ними и бубнили одно и тоже:

— Тут наши дедушка с бабушкой жили. Потом бабушка умерла, дед остался один. Долго болел. А у нас долгая командировка за границу была. Взяли ему сиделку, а та, когда мы уехали, со всем своим семейством переехала. Весь аул перетащила. Должно быть, сдавала вторую комнату. Хорошо хоть за дедом приглядывала. Кормила, купала. А полгода назад его не стало. Мы приехали, а тут вон чего. Мы их еле выгнали.

— А почему продаете? — спросила Татьяна.

— Да нам эта квартира не нужна. Мы в Чехии живем. У нас там квартира и загородный дом. Недавно гражданство получили. Мы программисты.

— И сколько же вы хотите за эти хоромы? — спросил риелтор, хотя знал сумму, и пока ехали в лифте сказал про нее Татьяне.

Хозяева немного помялись и назвали сумму чуть меньше.

Риелтор посмотрел на них с удивлением:

— Да тут на три миллиона только ремонт потянет. Сбрасывайте три и мы купим.

Договорились на минус два. Риелтор достал подготовленный договор, вписал все положенные данные о продавцах, сумму. Татьяна передала им залог. Получила расписку. Расстались.

Когда сели в машину риелтора, тот расплылся в восторженной улыбке, хлопнул Татьяну по руке, чмокнул в щеку.

— Татьяна, вы даже не представляете, какое вам выпало везение. Такие квартиры стоят на четыре миллиона дороже. А ремонт вам обойдется не более чем в миллион. У меня есть бригада классных ремонтников. Если захотите, сделают все под ключ. Сами все старье сломают, вывезут, закупят и привезут материалы, сантехнику и прочее. Что покажете, то и купят. Но, Танечка, вы видели, как я цену сбил! Давайте так, — он посерьезнел и продолжил, — я довожу сделку до конца. Как только получаем в Росреестре документы, что квартира ваша, я присылаю вам ремонтников, курирую их работу и когда вы примете — вы мне даете премию в один миллион. Это половина от того, что я скостили у хозяев. А ремонт вам обойдется не бо-

лее, чем тысяч в семьсот. Максимум восемьсот, если станете слегка шиковать.

Татьяна в интернете уже узнала цены на квартиры. Риелтор не обманывал. Все было по-честному. Потому кивнула:

— Согласна. Но миллион только после того, как ремонт будет полностью закончен. И будет действительно качественным.

— А вот гонорар за квартиру надо отдать в наше агентство сразу после получения документов из Росреестра.

— Конечно, — кивнула Татьяна, помолчала и продолжила, — Аркадий, я вам раньше не говорила, но мне нужна еще одна квартира. Проще и гораздо дешевле этой, но в кирпичном доме с нормальным ремонтом и желательно мебелью, близко от метро. Скажу честно — для сдачи в аренду. И чем быстрее, тем лучше. Я выбрала две из тех, которые мы смотрели, но они дорожеваты и не очень-то ухожены.

Риелтор посмотрел на Татьяну удивленно.

— Вы очень серьезная женщина. Уважаю. На какую сумму ориентироваться?

Татьяна назвала. Он кивнул. Помолчал и тихо сказал:

— Татьяна Алексеевна, давайте вторую квартиру подберу без агентства. Это будет стоить вам на треть дешевле. А риска никакого.

Через несколько дней они оформили в Банке аккредитивы, подписали договоры, а через три недели Татьяна стала хозяйкой двух квартир.

В одной, как и обещал риелтор, сразу начался ремонт. В другую, тоже весьма приличную, Татьяна переехала. Впервые не сама стала наводить в ней чистоту и порядок, а пригласила людей из фирмы с названием «Чистюля». Через день все в квартире блестело и сверкало. Не надо было ничего покупать нового. Никакой так называемый освежающий ремонт был не нужен.

Она каждый день созванивалась с Аркадием, получала фото сделанного и с удивлением узнавала, как быстро продвигается ремонт. За неделю установили новые окна, заменили трубы, батареи отопления, электропроводку. Потом поменяли сантехнику,

положили новый кафель. Все вопросы и согласования делали по телефону или почте. Присылали фото, Татьяна выбирала и переводила деньги для оплаты. Дальнюю комнату, по ее просьбе, отремонтировали в первую очередь.

В той квартире, которую Татьяна собиралась сдавать, прожила недолго. Проверила работу стиральной машины, холодильника, других бытовых приборов, купленных у прежних хозяев и встроенных в кухонную мебель. Все работало. Смесители не подтекали, сантехника и трубы были в порядке. Да и сама квартира была в десяти минутах от станции метро, хотя и не на кольцевой, но вблизи от большого бизнес-центра. Пожив в этой квартире несколько дней, Татьяна дала объявление о сдаче ее в аренду. За две недели выбрала из многих желающих, хорошую семейную пару, заключила с ними договор, получила залог, сумму за первый месяц и переехала в башню Вулыха.

*

На этом можно было бы и завершить рассказ о неожиданном повороте судьбы Татьяны в незадавшийся дождливый день. О превращении из Золушки в королеву или, как сказал пожилой юрист, о переезде из одной жизни в другую. Но, спросит дотошный читатель, что же было дальше? Вы намекали, однако ничего не рассказали про кафе или ресторан, который она собиралась купить или создать. Как, вообще, продолжилась ее жизнь? Сами-то вы, об этом знаете?

Знаю. И, если вам будет интересно, при случае, расскажу...

ЮЛИЯ ГРАЧЕВА

ПЕРЕЕЗД ИГНАТА

На восьмидесятилетие Игната Михайловича приехали сын и дочь. Сын сразу принял чинить расшатавшиеся перила крыльца. Затем натаскал в дом воды из колодца. Дочь тем временем суетилась на кухоньке, накрывала на стол. Дом оживился, наполнился суетой. Игнат Михайлович смотрел на детей и душа его радовалась.

— Хорошие люди выросли у нас с Пелагеей, царствие небесное!

За обедом сын снова заговорил о переезде.

— Пап, хотим забрать тебя в город. Сережка женился, и его комната освободилась. Рядом с нашим домом поликлиника, большой парк, прудик и...

Проходящий мимо домика поезд не дал закончить фразу. Товарный состав грохотал долго, словно дробил в порошок смысл сказанных слов, а чашки вздрагивали на блюдцах. Когда шум начал стихать, дочь сказала:

— Тебе уход нужен! Да и зрение надо проверить. В городе не врачи, а волшебники.

На все уговоры Игнат Михайлович отмалчивался, будто не слышал. Только закрывал глаза и хмурил густые седые брови. Сын снова заговорил:

— Пап, наступил новый век — век технологий! Сейчас все автоматическое и даже состояние рельсов ультразвуком проверяют.

Сын понимал, что эти слова ранят отца, но это была правда, которую он должен, наконец, принять.

«Ваш новый век до нас не скоро докатится», — думал дед Игнат и отворачивался в сторону, не желая продолжать разговор.

Старик молча крестился и что-то шептал перед иконами. К вечеру сын и дочь уехали в город.

Домик-сторожка Игната Михайловича стоял между локомотивным депо и железнодорожным переездом. Высокие мальвы розовым частоколом окружали маленький, но еще крепкий домик. Проводив детей, дед опустился на лавочку, откинулся на спинку и задумался.

Игнат Михайлович проработал более шестидесяти лет на этой станции. Он, как и прежде, живет рабочими буднями родного переезда. Знает каждого работника депо. На слух определяет тип локомотива и в каком месте возможна поломка. После частичной потери зрения слух деда стал еще более чутким. И если он слышит фальшивую ноту в работе станции – тут же спешит к дежурной.

Щелчок. В громкоговорителе депо раздается привычный голос диспетчера Люси Аникиной:

– Пятнадцатый! С четвертого пути возьми тепловоз на шестой по удалению.

Духовой рожок издает два длинных нежных свистка и мимо сторожки Игната Михайловича плавно проходит локомотив.

Щелчок. Снова звучит голос Люси:

– Внимание, по нечетному пройдет пассажирский. Разрешенная скорость семьдесят.

Автоматические стрелки сдавили направляющие рельсы. Тихо запела скрипка оркестра – рельсы седьмого пути натянулись и зазвенели в едином нарастающем гуле. Поезд ворвался с протяжным басистым гудком и оркестр из грохота локомотивов, дроби колесных пар, гудения рельсов, стука зацепов в креплении вагонов грянул всей мощью. Задрожала земля, зазвенели стекла сторожки, участился пульс деда, мысли рассыпались прахом. Налетел вихрь и вовлек все вокруг в невидимую воронку. Кажется, что вот-вот сорвет с места сторожку с крыльцом, мальвы и потянет за собой. Яркими вспышками мелькает за окном домика скорый поезд. Но вскоре грохот ослабевает и напряжение отпускает. Состав уходит вдаль, проходит волнение и дом

наполняется блаженным безмолвием. Игнат закрывает глаза и в этой внезапной тишине он слушает, как трещат за окном цикады, жужжат шмели и вдалеке ведут перекличку петухи. Как он любит эти мгновения!

А еще он любит вдыхать смесь из аромата сосны, скошенных трав с запахом мазута. Так пахнут монтеры, которые частенько заглядывают к Игнату. Попьют колодезной воды, расскажут новости и выкурят с дедом сигарету, другую. Это был лучший в его мире запах.

Как-то раз Игнат сидел у открытого окна и, как всегда, слушал звуки работающей станции. Вдруг дед всплеснул руками:

— Эх! Ведь Федотыч недоглядел! Али запил опять?

Старик поднялся, опираясь на палку. Снял с крючка кепку и вышел.

В диспетчерской его хорошо знала даже молодежь. Дед Игнат для них живая легенда. Сколько удивительных историй и веселых, и трагичных он рассказывал!

Дед вошел в кабинет Аникиной. Тут за много лет ничего не изменилось. В этот момент Аникина строго сказала в микрофон:

— Агеев, убери цистерны из-под нефти на запасной. Немедленно!

— Здравствуй, Игнат Михалыч. Что-то случилось? — приветливо, но с некоторой тревогой в голосе спросила женщина.

Аникина подвинула деду стул, но Игнат садиться не стал. Откашлялся и спокойно сказал:

— Люсенька! Второй путь проверяйте. Направляющий рельс возле перехода не так поет. Думал, показалось вчера, ан нет. Проверьте, от греха подальше!

Аникина включила микрофон и командным голосом произнесла:

— Рембригада на второй путь. Участок Це-семнадцать. Еще раз внимательно проверить! Федотыч, зайди потом ко мне.

Аникина повернулась к деду и покачала головой:

— Эх, Игнат Михалыч, с таким слухом ты мог дирижером стать!

— Дирижер, Люсенъка, только за оркестр в ответе, а у меня тут тысячи людей, как в Большом тиатре, — отшумился дед и вышел.

Придя домой, Игнат снова сел у окна и закрыл глаза. Мимо него пролетало множество судеб таких разных людей. Везли они с багажом свои печали и радости, мысли и планы. Ну, вот как их бросить?

ЕЛЕНА ГУСЕВА

НОУ ПРОБЛЕМС

— Когда же, наконец, мы научимся думать, как вай фай? — Михаил Петрович окинул завистливым взглядом бескрайние просторы сияющего стеклянной крышей Стамбульского аэропорта. Каждый первый в телефон тычет с упоением истосковавшегося по когтедерке кота... — черт знает, как им всем удалось его поймать. Лёнь, вас в школе не учили с вай-фаем общаться?

— Сейчас и узнаем, — откликнулся сын, — пойду на переговоры. Надеюсь, моего английского хватит, чтобы узнать, как люди тут интернет добывают. Хоть бабушке позвоним, я обещал.

— Ноу проблемс, — улыбчивый турецкоподданный за стойкой с буковкой «l» бесцеремонно протянул руку за Ленькиным мобильным и моментально наладил связь через какой-то французский (почему именно французский?) аккаунт. И заодно пояснил, как добраться до автовокзала.

— Да, бабуля, все хорошо! Да, уже в Стамбуле. И чемоданы не потеряли. И папа на радикулит не жалуется. Конечно, еще восемнадцать часов в автобусе до Афин, но там все комфортабельно, ну, пока, любим, не переживай.

— Спасибо, сынок, ты лучше меня с бабушкой умеешь разговаривать, — Михаил Петрович через силу улыбнулся и поправил пояс из собачьей шерсти. Под поясом чавкнуло. Позориться перед Ленькой и утираться рубашкой не вариант. — Пойду проверю, как у турков сантехника работает, а ты на хозяйстве. По очереди. Годно?

=====

На стоянке под аэропортом Стамбула все оказалось потрясающе логично: номера столбов соответствовали номерам автобусных маршрутов.

— Вот бы у нас в Шарике также сделали — переняли положительный опыт турецких коллег! — мечтательно заметил Михаил Петрович.

Времени с запасом — отец с сыном не спеша добрели до остановки нужного автобуса №5. Хорошее число. И водитель добряк — делает широкий жест рукой: мол, оставляйте багаж, сам погружу, а вы дуйте в кассу за билетами. Вон будка в десяти метрах.

Михаил Петрович протянул в окошечко свеженькие 30 евро (ух, крови банки попили, пока наменяли, сколько нужно — страшно вспомнить!). Трикtrak, билеты выбиты, кассир отсчитал сдачу пачкой мятых турецких лир. И монеток в ладонь отсыпал.

— Па-а-ап, по ходу, автобус не дождался и увозит наши чехомоданы. По крайней мере, на платформе ничего и никого.

— Ну, что ты, вот же он стоит, — благодушно усмехается отец, как еще «дурашка» не добавил.

— Да нет, этот №6, — настаивает Ленька.

В этот момент из-за №6 плавно отъезжает №5.

— Проблем!!! — заорал Михаил Петрович в кассу, тыча свежекупленными билетами в сторону неспешно удаляющегося автобуса. «Хорошо, хоть это слово во всех языках совпадает. Точно, пора учить английский», — вихрем проносится в голове.

— Ноу проблемс, — блаженно улыбается кассир, но реагирует оперативно — выскакивает из будки, рысит к мужикам возле №6 и включает монолог турецкой скороговоркой.

— Да как же ноу, проблемс и есть, — бормочет Ленька растяянно. — Где мы его теперь искать будем?

— Ноу проблемс, — невозмутимо подтверждает тип в белой рубахе у №6, — ай эм босс, ща все организую.

Набирает номер, говорит в трубку. Киваёт. Нежно берет отца с сыном под руки, будто намеревается станцевать вместе с ними

что-то национальное, выводит на проезжую часть и тычет пальцем вперед, поясняя на ломаном английском:

— Вон там, у столба №10, автобус стоит, видите? Ваш. Да-вайте быстренько, он подождет. Поняли?

Они-то поняли. Только «быстренько» — это вряд ли. Михаила Петровича пару дней назад радикулитом так скрутило, что со стязаться ему светило разве что в чемпионате улиток. Что уж там — толком чемодан поднять не мог, потому и обрадовался, когда водитель взял на себя погрузку.

Фух, доковыляли. Не уехал. Входя, Ленька не сдержался — попенял по-русски: «Ну, вы даете! Это такая турецкая народная шутка? Или у вас склероз? Вы зачем уехали? Сами же нас в касу послали!»

— Ноу проблемс, — улыбается полоумный водила, сканируя билеты, — го инсайд.

=====

Автобус битком. Кое-как нашли свободные места — по отдельности. И на том спасибо. Ленька сразу заснул — умаялся. Семь лет всего пацану. Пусть спит — путь долгий. Ему еще много работы предстоит: переводчиком для папаши-неучи быть да упрашивать мужиков покрепче, чтоб помогли с чемоданами. И вообще — куда я его тащу? В какую-такую Грецию? Что он там забыл? Русский мальчик. А ну-к да не приживется..

Кстати, о чемоданах — а точно они с нами едут в багажном отделении? Минут сорок пилить в одну сторону. Вот сюрприз будет, если нет. Ох, ну до чего ж я рассеянный стал с этим радикулитом! Совсем ум потерял. Или ни при чем радикулит? И я сам себе зубы заговариваю?

Михаил Петрович прикрыл глаза и представил дочку-красавицу. Почему он никогда не думал, что она вылитая гречанка? Знал же, что у жены корни греческие. И что сестра ее по репатриации на Крит умотала, тоже знал. Но никак не мог предположить, что полетит его ненаглядная Софийка на каникулы к тетке в гости — и вот. Любовь всей жизни. Оглянуться не успел — едет на свадьбу.

«Не ври себе, Миша. Едешь ты туда ЖИТЬ. Воссоединяться с семьей, так сказать. Да и не Миша ты там будешь — Михалис. А Ленька — Леонидас. Капец. Он хоть по-английски общается — выучили, слава богу. А ты сам? Ни слова не знаешь! Беспомощный немтырь. Ладно. Жена поможет. И даже без языка с твоей специальностью ты везде на вес золота. А Леньку в сборную по плаванию берут, прям вцепились. Надеюсь, греки не такие раздолбай, как турки».

Доехали. Вышли. Заглянули в багажное отделение — выдохнули. На месте чемоданы с подарками и нехитрыми личными пожитками — там же тепло, зимнего не нужно...

Жара несусветная. Из-под пояса активно закапало. Но снимать нельзя, придется потерпеть. Автовокзал в Стамбуле огромный, как стадион — хорошо, что тут тоже все пронумеровано. 101, 102... 105 — вот она, наша турфирма. Ярко-желтая вывеска, опрятный офис, народ работает — аж дымится.

Ленька выспался — весело подскочил к рецепции, улыбнулся девушки в униформе:

- Do you have a storage? (Есть у вас камера хранения?)
- Sure, put it here, all the Athenian ones are here. (Конечно, ставь сюда, здесь все афинские)
- Пап, тут по ходу коммунизм — все вещи в кучу сваливают. Потому что все на один автобус до Афин. Зато я теперь понимаю, откуда в английском слово storage (хранилище). Это же от русского «сторож»! Только нету у них никакого сторожа — однозначно название... Ну, что, оставляем?

- Оставляем, Лень. — Михаил Петрович махнул рукой, — будем надеяться, что воры не обнаглеют до такой степени, чтоб увести непонятно чем начиненные неподъемные котомки.

- А если не туда погрузят, пока мы отвернемся?
- До автобуса еще два часа. Других нет. Тебе караулить охота, что ли?

Ленька мотнул головой, и они отправились нарезать медленные круги по вокзалу, есть всякую малосъедобную ерунду за многоевро (пачки лир хватило на бутылку воды и стакан ли-

монада) и фотаться на фоне самого красивого, что нашли: мозаичного панно с изображением моря, корабля и неприлично крупных чаек.

— 1 —

Пробил час посадки в автобус — ком у горла, приближается трогательная минута расставания с гостеприимным Стамбулом. Девушка на рецепции махнула рукой куда-то вправо: ваш автобус там, помечен «Афины».

Вцепившись в чемоданы, отец с сыном полчаса метались по перрону в поисках обещанного транспорта. Нету такого. Есть только Салоники. С надписью на борту *Crazy Holidays*. Поржали — мол, свезет тем, кто в Салоники собрался. С таким-то называнием — звучит наподобие «Ну, что, смертнички, покуypyркаемся?»...

Вернулись в офис. Ленька сетует:

— Help! We can't find the bus (Помогите, не можем найти автобус)

— Ну проблема, — девушки выбирается из-за стойки, выводит гостей на платформу, — так вот же он!

— Салоники?

– Ну, да. Салоники, а потом Афины.

– Это турецкая фирма? – с подозрением уточняет Ленька.

— Наполовину, — охотно поясняет девушка, — турецко-греческая.

– А название Crazy Holidays кто придумал?

— О, это греки! Такие веселые ребята — они вам понравятся. Да вы садитесь, а багаж оставляйте, мы сами погрузим. Ну проблем! —

ЗОЯ ДОНГАК

ПЕРЕЕЗД

В 1990 году окончила в Ленинграде клиническую ординатуру по оториноларингологии и снова — работа в родном селе. Теперь уже за троих: главный врач Монгун-Тайгинской районной больницы, педиатр, лор-врач.

Нагрузки сказались, я серьезно заболела: плохой аппетит, после еды — рвота. Постепенно худела, появились головные боли, головокружения. Несмотря на все это, я старалась победить болезнь, как-то держалась, ходила на все три работы. Мое нездоровье замечали только муж и родители.

Мне казалось, что начинается рак желудка. Обследование в Кызыле показало: хронический гастрит, холецистит, период обострения. Язва желудка — под вопросом. Двухнедельное стационарное лечение — без эффекта. Аппетит совсем пропал, тошнило уже от любой еды, даже от запаха пищи. Рвота продолжалась, из-за слабости еле ходила, шаталась, как пьяная.

Однажды, вернувшись из Кызыла, где был в командировке, муж сказал: «Друг посоветовал ехать на аржаан Акыг-Суг где, рассказывают, даже люди с раком желудка в начальных стадиях излечиваются. Давай поедем. Зачем вот так сидеть, сложа руки. Посмотри на себя в зеркало — кожа да кости».

И мы с Кара-оолом летом 1991 года поехали к этому целебному источнику — дикому аржаану Акыг-Суг — Кислая вода. Иногда его называют Ур-Сайыр аржааны. Добирались автотранспортом до Шагонара, а оттуда на моторной лодке Александра Кузьмина, закадычного друга мужа — по Енисею, потом по крутому подъему на гору — на тракторе.

Известнейший в Туве и почитаемый в народе аржаан Ажыг-Суг находится на левом берегу Енисея, немного ниже впадения в него крупного притока — реки Хемчик. Среди скал, поросших редким кустарником, в небольшом овражке с оранжево-коричневым грунтом сочится и собирается в тоненький ручеек кислый источник — место паломничества больных с хроническим гастритом и язвой желудка.

По древнему обычанию разбрьзгали с мужем у целебного источника молоко, разбросали кусочки еды по ходу солнца, привязали чалама — ленточку к дереву с разноцветными ленточками, прося милости у хозяина аржаана.

Набрала из источника целый стакан, выпила. Жду привычной рвоты. К моему удивлению, ее нет. Ни через пять, ни через двадцать минут. Выпила еще полстакана — опять нет рвоты. Наоборот, пока муж готовил на костре обед, у меня аппетит разыгрался. С удовольствием съела суп из свежей козлятины.

Почему аржаан кислый? Потому что в нем содержатся кремнекислота, ионы железа и многие микроэлементы. Во все туалеты были большие очереди, так как почти у всех отдыхающих в первые два или три дня — жидкий стул, как после очистительной клизмы. Аржаан обезвреживает токсины, годами копившиеся вредные вещества выводятся из организма.

До самого отъезда у меня ни разу не было рвоты, ела с аппетитом все подряд. Постепенно восстановились жизненные силы, на третий день после нашего приезда начала замечать красоту природы, появился интерес к окружающему, с мужем начала ходить в лес за ягодами.

Беседовала с отдыхающими, живущими в палатках у источника. Почти у всех — желудочно-кишечные заболевания. В одной палатке лежала пожилая женщина с раком пищевода.

В первый день заметила девочку с корочками, высыпаниями, следами расчесов по всему телу. Через три дня не узнала ее: кожа стала совершенно чистой.

Мама ребенка подтвердила: «Не только вы, но и другие тоже удивляются. А ведь к каким врачам я только не обращалась. Да-

же, как у нас считали, к лучшим. Чем только ее не лечила – бесполезно, а здесь пили аржаан, мазались грязью около источника, умывались аржааном, вот и выздоровела моя девочка».

Через семь дней совершенно здоровая я с мужем отправилась домой. Никаких лекарств за это время не принимала. Почему так быстро выздоровела? Отдых в красивейшем месте, уединение от хлопот. А самое главное – сам аржаан.

Среди его микроэлементов, я предполагаю, больше всего магния. Он помог снять хронический стресс, который увеличивал приток кальция в клетки и препятствовал притоку магния, а это приводило к тому, что через некоторое время клетки прекращали производить энергию, так как для этого им нужен магний. В результате быстро наступали усталость и вялость. Вот почему у меня была походка, как у пьяной.

По своему врачебному опыту знаю, что во многих случаях причиной бессонницы тоже является дефицит магния – минерала, который напрямую отвечает за нормальную работу нервной системы. А здесь, у источника, все спали прекрасно.

По приезде в Монгун-Тайгу определила содержание гемоглобина в своей крови. Сначала даже не поверила – гемоглобин 130 мг/л, как у здорового человека, а до отъезда был 70. Это еще одно доказательство, что аржаан помогает при малокровии – железодефицитной анемии.

Есть хорошая фраза: «Было бы здоровье, а остальное – будет». И это верно. Когда человек здоров, то и сил, чтобы добиваться своих целей у него гораздо больше, а значит, его жизнь проходит ярче и интереснее.

Аржаан Акыг-Суг спас меня. Его волшебная сила – для тех, кто долгое время ищет способы вернуть себе былую энергию жизни, чтобы просыпаться утром бодрым, как в детстве, и проживать каждый день себе в радость.

Но радость моя после посещения аржаана Акыг-Суг была недолгой. Опять приступила к трем работам, и через некоторое время нагрузки стали сказываться вновь: снова пропал аппетит, возобновилась рвота.

Разделения на рабочее и свободное время не существовало. Родители с заболевшими детьми, взрослые пациенты считали вполне нормальным прийти прямо ко мне домой: Зоя ведь своя, местная, с детства знакомая – дочь Шомбула.

В дверь нашего дома могли постучаться и в выходные, и вечером, и ночью. А выгнать пришедших, велев приходить в больницу послезавтра, не позволяло чувство врачебного и человеческого долга: больше ведь им в нашем отдаленном районе помочь было некому.

Я умоляла председателя Монгун-Тайгинского райисполкома Шой-оола Иргитовича Намы походатайствовать перед Минздравом и решить вопрос о направлении в наш район хотя бы еще одного детского врача. Но во всей республике в начале девяностых годов была нехватка врачей-педиатров.

Командированные врачи не выдерживали даже полмесяца. Они спрашивали у меня шепотом: «Есть в этом поселке хоть один туалет внутри помещения?» Услышав отрицательный ответ, вздыхали: «Скорей бы командировка кончилась. Надо было эту Монгун-Тайгу отдать Монголии».

Да, у нас в селе Мугур-Аксы жизнь суровая. Зимой бывают такие выюги, что даже взрослые ничего не видят на улице, могут стукнуться о столб, дом. Даже был случай со смертельным исходом: от сильного удара о двигающуюся машину во время пурги погиб Кан-оол, сын нашего соседа Содуна. А лето очень короткое, прохладное, может даже выпасть снег. В таких трудных климатических условиях долго работать приезжие врачи не смогли. А я здесь выросла, привыкла.

В августе 1992 года муж прочитал в газете «Шын» объявление: в только что созданном Чая-Хольском районе требуются врачи-педиатры, лор-врачи.

Прочитав, задумался и сказал: «Ты болеешь из-за перегрузок на работе. Надо ехать в Чая-Холь, там совсем близко аржаан Ажыг-Суг, исцеливший тебя. Нас здесь не привязали силой, мы свободные люди. Везде можно работать, было бы здоровье. Сейчас же напиши письмо на имя главного врача». И я написала.

Друг за другом пришли три телеграммы: «Срочно приезжайте с семьей. Работой и квартирой обеспечим».

Земляки сначала не верили нашему предстоящему переезду. Они удивлялись: «Оба местные. Оба занимают высокие должности: Кара-оол Биче-оолович – заместитель председателя администрации, Зоя Шомбуловна – главный врач. Зачем в какой-то Чаа-Холь переезжать? Жили и работали бы здесь на свое счастье».

А я не могла с каждым откровенничать, жаловаться, что больна. Врач не должен болеть. Но доктор – тоже живой человек. Когда уже были загружены две машины, нас долго не отпускали – прощались, мы уехали только ночью...

1 сентября 1992 года мы всей семьей торжественно отправились в новую для детей Чаа-Хольскую среднюю школу: Кара-оол, я и наши школьники: Аяс, Азиата, Аян, Надя.

Мы шествовали по улицам под заливиштый лай всех окрестных собак, которые бросались на чужака – сопровождавшего нас Барбоса.

Я испугалась: «Они же загрызут Барбоса!» Муж успокоил: «Не бойся, наш Барбос пересилит всех». И действительно наша огромная собака, которой очень гордились дети, особенно – Аян, в этих драках на каждой улице выходила победителем. Привлеченные лаем, сопровождавшим нашу процессию, люди выходили из домов и с любопытством смотрели на новых жителей села Чаа-Холь.

Особая праздничность этого дня заключалась в том, что всеми любимая Надя стала первоклассницей, поэтому после торжественной линейки мы с мужем пошли именно в ее класс. Когда классная руководительница Клара Дондуп-ооловна Хорлуу спросила у родителей, кто и чем может помочь школе, Кара-оол – единственный мужчина среди родительниц – вызвался сразу: «Буду у вас завхозом. Вот вижу – форточка у вас не в порядке, буду ремонтом заниматься».

Я подняла руку и сказала, что буду учить детей тому, что знаю и люблю – шахматной игре, и в течение всего учебного

года вела кружок для первоклассников. А в конце года купила призы для победителей – шоколадные батончики, тетради, ручки – и устроила соревнования. Надя шахматами не увлекалась, только из-за моей спины следила за игрой.

А когда после турнира первоклассников все призы были вручены, дочка горько заплакала:

– Я думала, ты эти шоколадки для меня купила. А ты даже ни одного батончика мне не оставила!

– Награды даются победителям, а ты даже не участвовала.

– А если выиграю, ты и меня наградишь, как их?

– Конечно!

Наша сладкоежка не была обделена шоколадками – папа баловал ими младшую дочку, но возможность получить их не просто так, а в качестве заслуженной награды за победу, вдохновила ее. Надюша энергично взялась за шахматы, выучила все ходы, стала занимать призовые места.

Кружок в ее классе работал четыре года, а когда Надя перешла в пятый класс, директор школы Светлана Кыспай-ооловна Соднам предложила мне вести шахматный кружок для ребят всех возрастов, и не бесплатно, а за целых 66 рублей в месяц!

Согласилась, такие деньги просто так не валяются, но уходили они, в основном, на подарки для победителей. Награждала ребят, а среди них было много детей из неблагополучных семей, сирот, полусирот, всегда торжественно – на общешкольных линейках, а на видном месте при входе в школу, чтобы сразу бросалось в глаза, обязательно вывешивала объявление с именами лучших шахматистов. Ребят это окрыляло, они начинали верить в свои силы и возможности.

Мы ездили на шахматные турниры в Кызыл, Шагонар. Особенно запомнился шахматный турнир в Шагонаре, посвященный трагически погибшей талантливой девочке Лире Моковой.

Быт наш в селе Чая-Холе налаживался непросто. Целая череда краж, которых мы и представить себе не могли в Мугур-Аксы, где у нас никогда ничего не крали.

Летом 1993 года, во время отпуска, мы снова уехали на лечебный аржаан Акыг-Суг, теперь уже с детьми. Дома остался только старший сын Аяс. Пока он смотрел кино в клубе, из нашей квартиры стащили всю добротную одежду мужа и сыновей. Соседская девочка сказала, что ворами были двое подростков. Сразу заявили в милицию, но воров не нашли.

Потом отравили нашу любимую собаку – Барбоса, затем украли мотоцикл «Урал». Купили корову, ее тоже украли. Обращались в милицию – без толку.

Вдобавок в старом доме на самой окраине села жить было неуютно. Сколько мы ни утепляли его, он оставался очень холодным.

Муж предложил: «Давай поедем обратно в Монгун-Тайгу, по контракту будешь работать, там уже один педиатр по договору работает, не одна будешь. А здесь мы, получается, чужие. Обворовывают – милиция бездействует. В доме этом холодном жить невозможно».

Действительно, так как в то время добровольцев для работы в Монгун-Тайгинском районе не находилось, в Минздраве республики начали заключать с врачами-педиатрами договоры: после трехгодичной работы в районе предоставляется благоустроенная квартира в городе Кызыле, автомобиль «УАЗ-469».

Когда сообщила об этом плане главному врачу, он категорически отказался отпускать меня: больнице нужны специалисты. Нам предоставили благоустроенную трехкомнатную квартиру в центре поселка, недалеко от больницы и администрации. Быт наш стал налаживаться. Муж и сыновья построили около дома баню, гараж. Посадили огород.

Кара-оол заочно окончил в Красноярске сельскохозяйственный институт, получил специальность зооинженера, поэтому лучше меня разбирался в огородных делах. До переезда в Чая-Холь наша семья, единственная в то время в Монгун-Тайге, имела теплицу. А здесь – в Чая-Холе – все росло без теплицы, только трудись. Работали всегда вместе – всей семьей.

Плоды нашего чаа-хольского огорода удивляли земляков-монгунтайгинцев. Помню один забавный случай: летом, проездом на аржаан Ажыг-Суг, монгунтайгинцы остановились у нас. Увидев в огороде кабачок, один из них закричал: «Смотрите, какой большой огурец!»

Муж-шутник, подмигивая мне и детям, говорит: «Да, это специальный сорт огурца, срывайте, кушайте на здоровье!» Гость очищает с кабачка кожуру, отрезает кусок, кладет в рот и выплевывает: «Это не огурец, есть невозможно, что вы мне даете?» Когда мы, объяснив, что это действительно не огурец, пожарили кабачок с картошкой, всем гостям это впервые отведанное блюдо очень понравилось.

Председатель администрации района Камбаа Дамчатович Биче-оол дажеставил нашу семью в пример на заседании руководителей района:

«У них в огороде все растет, даже арбузы. Картошку посадили и возле своего дома, и в Шолук-Хову. А ведь они приехали из Монгун-Тайги с суровым климатом, где ничего не растет. А у нас, несмотря на все условия, в огородах некоторых семей растут одни сорняки».

Когда муж рассказал об этой похвале детям, которые очень любили вместе с нами копаться в огороде, они стали еще усерднее трудиться на грядках.

Когда дети уставали, я действовала по примеру мамы, которая, чтобы поддержать нас в детстве во время особенно трудной работы, всегда пела.

Осенью 1994 года мы собрали богатый урожай картофеля – свыше тридцати мешков. Начали рассортировывать: травмированные картофелины – на срочное съедение, маленькие – на семена, большие – запас на зиму и на отправку родным в Монгун-Тайгу, в первую очередь – семье Зои Хуурак, родной сестре мужа, муж которой умер от перитонита, она одна поднимала шестерых детей.

Сначала все работали с большим энтузиазмом, потом дети замолчали, поникли. Я и сама устала. Как моя мама когда-то, ре-

шила поддержать работников пением, объявила конкурс песен и тувинских народных частушек. Что тут началось! Дети запели наперебой. За пением мы даже и не заметили, как наша утомительная работа закончилась. Наградили за частушки старшего сына Аяса, который перепел всех.

Кара-оол тоже любил музыку, играл на гармошке. Еще в Монгун-Тайге купил пианино: пусть дети учатся играть.

Ох, каких усилий стоило перевезти инструмент из села Мутур-Аксы в Чая-Холь, одна погрузка-разгрузка, в которой участвовали восемь мужчин, чего стоила! Зато и усилия были оценены. Известный в Туве композитор Каадыр-оол Бегзи, уроженец Чая-Холя, придя в наш дом, похвалил мужа: «Молодец, Кара-оол Биче-оолович! Я по всему Чая-Холю искал пианино, и только в вашей семье нашел. Музыка окрыляет, воспитывает человека. Учите своих детей музыке».

А потом композитор, аккомпанируя себе на пианино, спел песни, написанные им на мои стихи: «Расцелую от души», «Отец моих детей», «С восемнадцатилетием».

В селе без своего хозяйства — никак нельзя. И наше хозяйство постепенно увеличивалось.

Выменяли на мясо сарлыка двух кроликов. Кролики быстро размножались, через год их уже двадцать.

Аян попросил купить гусят. «Сынок, мне некогда за ними ухаживать, да и чем кормить, не знаю». А он в ответ: «Ты только купи, а остальное — я сам». В Кызыле купили малюсеньких желтых гусят: мои коллеги-врачи — по десять, а я — только шесть. У коллег все гусята погибли, а шесть наших малышей благодаря стараниям Аяна через полгода превратились в больших белых красавцев.

Был у нас десяток куриц и один петух-драчун, который нападал на незнакомых людей. Он даже на нас — хозяев — кидался. Однажды, когда я доила корову, подкрался сзади и клюнул в затылок. На мужа тоже напал, когда он выдергивал гвоздь. Кара-оол долго гонялся по двору за увертывающимся хулиганом, а в результате вместо него поранил безвинную курицу.

Прослышиав о вздорном характере петуха, все гости опасались его больше, чем собаки. Прежде, чем открыть калитку, спрашивали: «Где ваш страшный петух?» В конце концов пришлось опасного забияку сварить и съесть.

Вместо украденной купили новую корову. С ней повезло больше, ее тоже украли, но пропажу удалось найти с помощью жителей: помогли напечатанные мною и развешанные на видных местах объявления с приметами. Муж и сыновья косили сено для нашей буренки, я научила дочек доить ее.

Однажды хотела погнать нашу корову к коровам соседей в том же поношенном, забрызганном молоком пальто, в котором доила ее. Кара-оол категорически воспротивился:

«Не уйду от калитки, пока не наденешь приличное пальто. Разве может доктор в таком грязном наряде по селу идти, даже за коровой? Помнишь, как даже в Монгун-Тайге твои кирзовыесапоги из своего дома люди выбрасывали?»

Действительно, в селе Мугур-Аксы был такой случай. Я в старых кирзовыесапогах занималась ремонтом на веранде дома. Вдруг — рев мотоцикла, сидящий на нем, кричит: «Зоя Шомбуловна, мой ребенок умирает! Фельдшер скорой помощи оказывает помощь, но судороги не прекращаются! Не переодевайтесь, быстрей, так садитесь!»

Выбежала, в чем была, села за спиной мотоциклиста. Он на полной скорости — к своему дому. Вошла в комнату, скинула заляпанные кирзовыесапоги у двери, побежала во вторую комнату. Там шестилетний ребенок: весь синий, судороги. Спрашиваю фельдшера, что ставили. «Внутримышечно седуксен». Ввела внутривенно реланиум — судороги прекратились. Кожа порозовела, ребенок открыл глаза, на мой вопрос ответил. Кризис миновал, родители успокоились, а бабушка с радостью пригласила меня к столу, стала угощать чаем.

Во время чаепития бабушка вдруг бросает взгляд на пол у двери, молча встает, грозит пальцем своим детям и выбрасывает мои грязные сапоги за порог.

Спрашиваю удивленно: «Это же мои сапоги, зачем вы их вы-

бросили?» Отец-мотоциклист подтверждает: «Это не я их в комнатае оставил, мама. Это сапоги Зои Шомбуловны, она ремонтом занималась, я очень торопил, она не успела переобуться». Бабушка-чистюля извинилась, и сама занесла мои сапоги в дом.

Когда, вернувшись домой, рассказала об этом, дети и муж от души смеялись. Такой хохот стоял! Вот об этом уроке, который преподала мне пожилая женщина, Кара-оол к месту и вспомнил: доктор, руководитель должен быть безукоризненным во всем и всегда. Такой он был!

Я начала работать в Чаа-Хольской районной больнице, а муж Кара-оол Донгак – заместителем председателя райисполкома. Только что в созданном районе у мужа очень ответственная работа – отвечать за жизнеобеспечение района. Радовала меня материально-техническая база больницы: в двухэтажном благоустроенном здании – терапевтическое, хирургическое, родильное отделения размещены на втором этаже, а на первом – поликлиника с администрацией, пищеблок, рентген – и физиотерапевтический кабинеты, лаборатории. Больница была полностью обеспечена мягким и твердым инвентарем, в отделениях – чистота и порядок. Также главный врач Болат Балчый и его заместитель по лечебной части Лидия Даржай – тоже выпускники Томского медицинского института, 1978 года выпуска. Я их знала с института, они учились на два курса младше.

Рядом в одноэтажных зданиях – детское соматическое отделение и станция скорой помощи, морг, гараж. Все в одном месте, не то, что в Монгун-Тайге. В гараже – три машины скорой помощи, один УАЗик. Все четыре – на ходу, а в Монгун-Тайге – одна единственная машина была в рабочем состоянии, хотя числилось три.

И, самое главное, больница была обеспечена квалифицированными врачебными кадрами: хирург Эдуард Доре, акушер-гинеколог Римма Кызыл-оол, терапевт Татьяна Севек, фтизиатр Дарья Наксыл, стоматолог Севээн Монгуш, педиатр Павел Суван.

Вот так с самых первых дней работы заметила, что в Чаа-Хольской больнице всех тяжелобольных детей и инфекционных

больных не лечат, а сразу переводят в Шагонарскую центральную. Это удивило: таких больных в Монгун-Тайгинском районе не отправляла в Кызыл, а лечила у себя. Ну, представьте себе: больного с вирусным гепатитом отправляю из далекой Монгун-Тайги в Кызыл, там врачи-инфекционисты меня просто засмеют! А здесь это объяснялось тем, что Чая-Холь только что отделился от Улуг-Хемского района, близостью города Шагонара, отсутствием инфекционного отделения, нехваткой необходимого медицинского оборудования и инструментария. Отсутствовал и лор-кабинет для больных с заболеваниями уха, горла, носа.

На второй день работы на новом месте во время приема в поликлинике главный врач вызывает меня к себе: «Зоя Шомбуловна, быстрей идите в детское отделение! Заведующий отделением Павел Тулушевич у меня на сегодня отпросился, а с чабанской стоянки поступил грудной ребенок в тяжелом состоянии – с кишечной инфекцией».

Побежала в детское отделение. Там – совсем молодая мама с шестимесячным ребенком: лицо осунулось, глазки запали, губки сухие, потрескавшиеся. Ребенка рвет, стул жидкий, как вода. Продолжая осмотр и обследование, прошу дежурную медсестру подготовить капельницу и «бабочку».

Капельница настроена, но медсестра виновато шепчет: «Я не умею маленьkim детям внутривенно вводить и „бабочку“ не нашла. Павел Тулушевич таких тяжелых детей здесь не лечит, сразу направляет в город Шагонар. Вы тоже лучше напишите направление туда».

«Бабочка» – это маленькая медицинская иголочка с синими крылышками, в Монгун-Тайге ее все мои медсестры знали. Попрыгала в шкафу с медицинским инструментарием, нашла ее там. Отыскала на головке ребенка хорошую вену, сначала ввела лекарства внутривенно, затем подключила капельницу. Всю ночь и на следующий день наблюдала за больным. Постепенно выходила его.

Внесла свои предложения и вскоре заметила, что к ним администрация больницы прислушивается внимательно, принима-

ет меры. В середине здания, где размещалось детское отделение, установили перегородку и таким образом обеспечили два входа: один — в детское отделение, другой — в новое инфекционное, начались ремонтные работы, и вскоре инфекционное отделение заработало.

Удалось создать и лор-кабинет. В первое время инструментов не хватало, но с помощью главного врача достали и оборудование, и инструменты.

Мы начали комплексные осмотры детей района. Участковая больница в селе Ак-Туруг, фельдшерско-акушерские пункты в поселках Булун-Терек (ныне Кызыл-Даг), Шанчы, школы, детские сады, чабанские стоянки.

Выявляли многие заболевания, но преобладал диагноз зоб — заболевание щитовидной железы. В связи с этим приезжала специальная комиссия из Кызыла, после работы которой Чая-Холь был признан эндемичным по заболеванию щитовидной железы, то есть районом, в котором это заболевание присутствует постоянно. Широко стали употреблять йодированную соль, йодсодержащие препараты, а в тяжелых случаях — гормоны щитовидной железы.

К моему приезду в районе числилось только три ребенка-инвалида. Но обследования показали: их гораздо больше. Родители сами на прием детей не приводили, детей с запущенными формами заболеваний выявляла во время посещений домов и юрт, оформляла им инвалидность согласно приказу Министерства здравоохранения РСФСР.

На чабанской стоянке близ поселка Шанчы заметила глухонемого подростка. Его мама, отвечая на мои вопросы, пояснила: мальчик — глухонемой с рождения, пенсию по инвалидности не получает, они и не слышали ничего ни о какой пенсии.

Оформила мальчику инвалидность. И что вы думаете? Через полгода благодарная мать приехала в наш дом с живой козой. Мы с мужем удивились: зачем коза?

А мать стала благодарить: «Я сначала не поверила вам, что сын пенсию будет получать. До вас много раз врачи приезжали

в нашу юрту, делали осмотры, но никто никогда о пенсии не говорил. Сейчас мы пенсию ежемесячно получаем, это большое подспорье для нас. Если бы не вы, мы ничего и не получали бы. Пожалуйста, возьмите козу. Это подарок от чистого сердца, для детей ваших. Это коза хорошая, породистая, ежегодно рожает двойняшек, и молоко у вас для детей будет».

Как мы ни отказывались, женщина категорически отказывалась забрать козу назад, чуть было не обиделась. Пришлосьпустить козу в загон к четырем черноголовым овцам тувинской породы, которых подарили нашим детям родители мужа. Эти овцы из Монгун-Тайги отличались от местных, в то время в Чаа-Холе были только овцы-мериносы. А коза действительно оказалась плодовитая.

В девяностые годы, в годы кризиса, многие семьи в Чаа-Хольском районе, да и в других районах Тувы, выживали только благодаря пенсиям и пособиям. Частая картина, которую замечала, посещая детей на дому: кроме ребенка-инвалида в семье много несовершеннолетних, а отец и мать не работают, все живут только на пенсию по инвалидности.

В таких случаях часто приходилось защищать права пациентов на заседаниях ВТЭК – врачебно-трудовой экспертной комиссии. Выездная ВТЭК приезжала к нам из города Чадана. Она принимала окончательное решение: оставить ребенка на учете или снять с него, лишив пенсии по причине улучшения здоровья.

Приходилось неопровергимо доказать, убеждать, яростно отстаивать интересы пациентов-инвалидов, после чего члены комиссии соглашались и продлевали срок получения пенсии. В то время на комиссиях ВТЭК учитывали социальные условия семьи.

Тяжелых детей мы стали выхаживать сами, не отправляя в больницы Шагонара и Кызыла, применяя комплексную терапию. Как и в Монгун-Тайге, здесь тоже была большая смертность от воспаления легких среди детей раннего возраста.

По опыту лечила в больнице детей с тяжелой пневмонией, с выраженной дыхательной недостаточностью, а также больных,

проживающих в неблагоприятных бытовых условиях, а легкую и среднетяжелую пневмонию – в домашних условиях, активно посещая малышей до самого выздоровления. В результате смертность от пневмонии у детей грудного возраста снизилась.

Я рада, что благодаря старательной работе мужа и его коллег, район обеспечен очень важными отраслями хозяйства, особенно райгазом, райтопливом...

После переезда из Монгун-Тайги в Чая-Холь наша семья приобрела авторитет и уважения среди чаа-хольцев и много новых друзей.

АЛЕКСАНДР КОРОЛЕВ

ПУГАЛО

Смородина еще не совсем созрела. В этом году урожай черной смородины будет плохой, так как во время цветения ударили заморозки.

— У нас еще с прошлого года варенье осталось. Зато красная уродилась. Желе наделаем! — говорила жена, разглядывая еще не совсем созревшие ягоды. — Через неделю будем обрывать.

Когда мы приехали на следующей неделе, то больше половины ягод как не бывало. На липе и сосне сидели дрозды и весело чирикали.

— Бандиты! — возмущалась жена.

Как же сохранить остатки урожая? Василий Иванович решил сделать пугала и установить их на участке. Пугала получились замечательные! Одно в старом плаще с гербовыми пуговицами лесника, с пятилитровой пластиковой бутылью на месте головы. На бутыль была надета старая шляпа, приделаны усы из пакли. Загляденье! Второе обрядили в старый женский плащ, также надели пятилитровую бутыль и повязали платок. На ветру платок и рукава разевались на ветру, что должно было напугать дроздов и другую птичью банду.

На следующей неделе на пугалах сидели дрозды и весело гомонили. Из кустов смородины выпорхнула молодая поросль и уселась на проводах. Они возмущенно чирикали, видимо ругались на нежданных гостей, прервавших их пиршество.

Смородины как не бывало...

Пугала стояли на участке и никому не мешали, так что Василий Иванович решил их не трогать. Пусть стоят.

Через некоторое время Василий Иванович приехал один. Жена была занята и не поехала. Но на пятый день неожиданно приехала и закатила скандал.

— Это кто к тебе по ночам ходит? Колись старый паразит!

Василий Иванович таращил глаза на жену и никак не мог вспомнить, кто к нему приходил. Вспомнил, что на второй или третий день отпуска, к нему приходила Надька, которой он отбивал косу и попросил ее обрезать на помидорах какие-то пасынки, о которых он не имел никакого понятия.

— Так вот кто к тебе по ночам шляется! И не стыдно?

Василий Иванович клялся и божился, что это бабы сплетни. Жена верила и не верила. Пошла к соседке.

Через некоторое время пришла и чему-то улыбалась. Принесла две баночки пива.

— С чего это? Пиво откуда?

— Жена весело рассмеялась и поведала Василию Ивановичу историю сплетни, о которой он и не ведал.

К соседке приехала дочь на выходные. Смеркалось. Она вышла в сад и увидела женщину, которая что-то делала у кустов смородины.

Пришла домой и рассказала матери, что к деду Василию пришла какая-то женщина.

Эта весть тут же облетела ближайшее окружение... кто же эта счастливица? Был найден старый бинокль и началось наблюдение... КТО? КТО? КТО?.. Ничего не было обнаружено. Но весть уже разнеслась по всему селу и дошла до жены Василия Ивановича.

— Сними ты эти чертовы пугала!

Василий Иванович пугала снимать не стал. А вдруг пригодятся? Будет на кого свалить...

ЛАРИСА КРАВЧУК

ПЕРЕЕЗД НА ДАЧУ

Алеша шесть лет. Он живет в большом городе среди домов-великанов, гула машин, сверкающих витрин. Прогулки от подъезда до соседнего сквера, городской шум у мальчика давно не вызывают никакого интереса. Алеша знает, что есть совсем другой мир, с журчащими ручейками, тенистым лесом, цветами, ягодами, пением птиц, забавными лягушатами, таинственными растениями. Мечтатель-фантазер заранее готовился к долгожданной поездке на дачу и к встрече с лесными чудесами. В боковой карман своего рюкзака Алеша положил цветные карандаши и блокнот для рисования. Разноцветные стеклышики, коробочку из-под конфет, баночку для светлячков, старинный театральный бинокль, компас и лупу до весны хранил в дедушkinом деревянном сундучке, сначала под диваном, потом под старым шкафом.

Переезд на дачу оказался суетливым. Мама с бабушкой постоянно что-то искали, несколько раз перекладывали вещи из одной сумки в другую.

Несмотря на то, что Алеша считал себя почти школьником, заботливая мама, на случай похолодания, положила в сумку теплую шапку. Стоило маме с бабушкой отойти на кухню, как Алеша незаметно спрятал шапку с пушистым помпоном под подушку своей кровати.

Утром к подъезду подъехало такси. Мама с папой загрузили вещи в багажник.

— Теплая шапка пригодится. В ближайшие дни намечается резкое похолодание, — напомнила мама.

— Здоровье надо беречь, — согласились бабушка и папа.

Алеша с бабушкой доехали до вокзала, купили билеты на электричку и отправились в долгожданное путешествие.

Поезд весело посвистывал, постукивал, иногда замедлял ход и даже пыхтел. За окном мелькали дома, деревья. Солнце пряталось за пригорки, сверкало сквозь стволы сосен, укрывалось за пушистыми облаками, ныряло в ручьи и словно поддразнивало: «Не догонишь! Не догонишь!»

Бабушка обрадовалась, когда машинист объявил станцию «Подосинки».

— Ну, вот и приехали! Алеша, мы выходим.

Двери электрички открылись, путешественники вышли на платформу, спустились по ступенькам на лесную тропинку. После растаявшего снега земля подсохла, на пригорках уже зацелтели первые цветы мать-и-мачехи. Листочки на деревьях еще не совсем распустились. Лес казался прозрачным, светлым.

По дороге попадались большие и маленькие лужи. В них отражались облака, солнце и едва зазеленевшие верхушки деревьев. От ударов Алешиной палки, словно хрустальные осколки, в разные стороны разлетались брызги, что очень забавляло и веселило маленького городского жителя. Он так увлекся необычной игрой, что не слышал строгого голоса бабушки:

— Алеша, ты совсем промок и забрызгался грязью!

— Как такой покладистый, послушный ребенок в один миг, превратился в неуправляемого, слишком подвижного мальчишку?

— Дойдем до нашего домика, сразу переоденемся, — успокаивала себя бабушка.

Наконец подошли к калитке дачного участка. С трудом открыли заржавевший замок и оказались в просторном саду. Дорожка, покрытая нежной ярко-зеленой травой, вела к небольшому деревянному домику, точно такому, как в детских книжках. На входной двери в дом висел массивный железный замок. Открыть невиданный для Алеши запор, тоже оказалось непросто. Бабушка долго приспособливалась. Ключ в отверстии замка поскрипывал, прокручивался и наконец, открылся. После долгой,

холодной зимы, сырость и прохлада пронизывали весь дом. Бабушка долго искала спички, чтобы растопить чугунную печку. Алеша с радостью помогал носить березовые поленья, собирать разбросанные у крыльца щепки, сухие прошлогодние ветки. Вскоре в печке что-то защелкало, затрещало, комната наполнилась необычным запахом разгорающихся дров. В доме стало тепло и уютно. Особенный интерес у маленького городского жителя вызвали переливы синевато-фиолетовых, оранжево-красных язычков пламени.

Заботливая бабушка достала старый чемодан с игрушками и вспомнила, с каким интересом прошлым летом Алеша любил с ними заниматься. На этот раз детсадовские забавы не вызвали у внука никакого интереса. Ему и без них было не скучно.

Алеша несколько раз выбегал на крыльцо, чтобы полюбоваться, серовато-прозрачным дымом, его устремленностью к высоко проплывающим облакам.

На крыльце искателю приключений понравились покатые перила. С них, как с горки, можно было кататься.

Запыленный за зиму подоконник, с множеством запутавшихся в паутине мух, комаров, жучков, стал для юного следопыта открытием. Из дедушкиного ящичка Алеша достал увеличительное стекло и внимательно рассмотрел неподвижных, с прозрачными крыльями «пленников». Юного исследователя удивило скопление «парашютов» — семян. Они еще поздней осенью приземлились в укромном месте подоконника. Стоило слегка подуть на сухие семена, как они взлетали, вместе с грузом накопившейся за зиму пыли до самого потолка, и медленно оседали на куртке.

В огороде, в небольшой луже, внимание юного следопыта привлекли головастики. Они были живыми, суетливыми и проворными. На клумбе для цветов маленький исследователь обнаружил ветвистый щетинистый стебелек, он заметно отличался от других растений широкими, упругими листьями. Смельчаку на влажной земле никто не мешал набираться сил. Любопытный внук, с радостью сообщил бабушке о своей находке.

Увидев «незнакомца», удивленная бабушка всплеснула руками:

— Батюшки! Незваный гость!

Засучив рукава, она схватила беззащитное растение за его «пышную бороду», изо всех сил потянула, приговаривая:

— Только тебя и ждали!

Упрямец не поддавался. Его острые зубчатые листья напрягались и кололи пальцы.

— Тыфу! — сплюнула бабушка и на секунду отпустила непокорное растение. Потом еще раз потянула «самозванца» из земли, продолжая сердиться. Наконец выдернула его, вместе с длинным, глубоко вросшим в землю корнем.

— Барин! — с облегчением вздохнула, измученная и уставшая бабушка, отбрасывая несчастного в дальний угол, к забору.

Услышав про «незваного гостя», Алеша подбежал к грядке. Бабушка с видом победителя стряхивала с рук прилипшую влажную землю и приговаривала:

— Вот как забираться туда, куда не следует! Так тебе и надо!

Алеша посмотрел на бабушку, затем на беспомощно лежавшего «незваного гостя», осторожно расправил его поникшие листочки и подумал:

«Зачем этот храбрец забрался на грядку для бабушкиных роз?»

Он осторожно присыпал корень бедного растения рыхлой землей и решил, что папа, когда приедет на дачу, увидит растение и обязательно расскажет о «незваном госте», и почему бабушка рассердилась и так жестоко с ним обошлась.

День, как никогда, пролетел быстро. Солнце почти скрылось за высокими деревьями, его ярко-оранжевые лучи еще дотягивались до окон веранды и растворялись в вечерней прохладе. Бабушка снова вспомнила о детсадовской шапке

— Алеша, где твоя теплая шапочка?

Опустив глаза, Алеша тихо произнес:

— Шапка под подушкой.

— Где? — переспросила бабушка.

— Под моей подушкой, — тихо произнес Алеша.

— Под подушкой дома? В Москве?

Алеша, не поднимая глаз, согласно кивнул.

— Как, дома, этого не может быть! Мама положила твою теплую шапочку в сумку. Ну, что ж, едем в Москву, домой. Без теплой шапочки на даче оставаться нельзя.

Бабушка быстро собрала необходимые вещи, закрыла дверь домика, посмотрела на часы и строгим голосом сказала:

— Алеша, мы опаздываем! Опаздываем на электричку.

Как нарочно, во двор вбежала маленькая собачка и уселилась перед верандой, словно хотела познакомиться, но бабушка крепко взяла внука за руку, и они быстрым шагом направились к станции. Алеша заметно отставал от бабушки, спотыкался и постоянно оглядывался.

Обратная дорога в город показалась скучной. За темным окном электрички мелькали небольшие домики, деревья, огоньки. Под монотонный стук колес мечтатель-следопыт дремал и с грустью вспоминал таинственный, загадочный, какой-то совсем другой мир и маленькую соседскую собачку.

Домой путешественники вернулись поздно. Мама с папой уже готовились ко сну. Когда в прихожей показались бабушка с Алешей, мама с испуганными глазами подбежала к ним.

— Что? Что случилось? Вы здоровы? — с тревогой в голосе еле выговорила мама.

— Шапка, теплая Алешина шапка, где она?

— Какая еще шапка?

— Детсадовская, — Алеша опустил голову, подбежал к своей кроватке и достал потерю из-под подушки.

Ему было не только стыдно, но прежде всего жалко маму, бабушку и папу.

— Больше никогда, никого не буду обманывать, — решил Алеша. На следующий день к подъезду снова подъехало такси. Только устроились на заднее сидение машины, пристегнули ремни, как бабушка вспомнила, что на столе забыла свои очки.

Мама с папой быстро поднялись на пятый этаж, вошли в квартиру. Очков на столе не оказалось.

— Ох, уж этот переезд на дачу! — тяжело вздохнула бабушка.

МИХАИЛ КРОМИН

ЭТО МЫ НА ДАЧУ ПРИЕХАЛИ?

За свою жизнь я много раз переезжал — и с квартиры на квартиру, и на разные дачи, съемные и свою. Но больше всего мне почему-то запомнились переезды на дачу, особенно один. В 50-х годах эти переезды были весьма знаковыми событиями, аналогичными новоселью. В те времена на даче на зиму не оставляли ни постельные принадлежности — матрасы, одеяла, подушки, тем более, белье, ни кухонные принадлежности (кастрюли, мясорубки, ведра), ни посуду. Причина этого мне неизвестна — так было принято. Видимо, опасались воров, пожаров и прочего.

Переезд обычно намечали на конец мая, когда у школьников младших классов (у меня) начинаются каникулы. Готовиться к переезду начинали дней за десять — доставали дачные матрасы, подушки, одеяла, сворачивали все это в тюки, перевязывали веревкой. В последние выходные перед переездом мы с дедом ездили на дачу проверить, все ли в порядке, немного прибирались. Накануне переезда мама и бабушка собирали кастрюли и посуду. В день переезда вся прихожая была завалена вещами.

Наконец, наступал день переезда. Грузовое такси тогда не заказывали, по-моему, их и не было. Иногда пользовались услугами знакомого шоferа, но, как правило, в восемь утра дед ходил к Белорусскому вокзалу и «ловил машину». Часов в девять он приезжал на «пойманной» машине, они грузили вместе с шофером вещи, и все ехали. Первая партия дачников — дед, моя мама, мой пятилетний брат и я. Отец служил в армии и приезжал в отпуск только в начале августа, бабушка стерегла своих трех кошек. Дед сидел в кабине, показывал дорогу, а мы — в ку-

зове на откидных лавках или тюках. Ехали недолго — километров сорок по Ярославскому шоссе. Наконец, приезжали к своему участку и начинали разгружаться. С нами часто ездил наш знакомый Кудякин — он помогал с вещами, приходил помогать «дядя Витя» — тоже знакомый, он снимал дом недалеко от нашей дачи.

*

В тот год дед решил провести на участке поливочный водопровод и накупил много труб. При их разгрузке Кудякин взял на плечо несколько труб и пошел было на участок, но его окликнул дед, Кудякин повернулся и концами труб задел дядю Витю по лбу. Дядя Витя хотел ему сказать что-то, поругаться, но, поскольку сильно заикался, кроме мычания ничего не получалось. Кудякин постоял, послушал, потом сказал:

— Ладно, приду, доскажешь, — и ушел с трубами. Дядя Витя страшно обиделся и тоже ушел, держась за лоб.

Наконец, все разгрузили, расстелили матрасы, подушки, одеяла. Упакованное в чемоданы белье еще не доставали — поздно. В тот год майские дни, а особенно вечера были холодными. Печки не было, и спать ложились во всей одежде, сверху покрывались одеялами и какими-то пальто, которые жили на даче. Брат устал и уснул раньше всех, а мы немного поговорили и тоже заснули.

Проснувшись утром, брат увидел на себе гору одеял и всяких вещей, почувствовал, что холодно и спросил:

— Мама, это мы на дачу приехали?

НИНА КРОМИНА

СОЛДАТИКИ

После очередной болезни Сашеньку с Донской отвозили к бабушке на Новослободскую. Выходили из подъезда, проходили двором до остановки пятого автобуса на Ленинском проспекте у булочной и прямиком до места назначения, до «Обувного». Переходили улицу и через темную арку и тополиный двор поднимались на второй этаж старенького флигелька. Коммуналка встречала запахами, клетчатой дедушкиной рубашкой и гречневой кашей из заботливых бабушкиных рук. Сутки через трое бабушка уходила на дежурство, и до пяти часов вечера мальчик оставался с дедушкой. В пять приходил отец, выходил с сыном на прогулку, а позже, уложив Сашеньку на бочок, уезжал на Октябрьскую. Утром приходила бабушка и начинался день.

Завтрак, обед, ужин, прогулка, во время которой они нет-нет да заходили в «Юность» на Лесной. В небольшом отделе игрушек мальчик выбирал себе маленькую машинку и одного-двух солдатиков в добавок к тем, которые хранились у него под кроватью в старинной со следами светлого лака деревянной коробочке. Этот, зеленый, крупнее других, с красным знаменем, дядькин, побывал когда-то в подводье, отправив бабушкиных рыбок; этот — весь оловянный, не раскрашенный — мелковат, но прильнул к пулемету, очень нужный типаж в тайных играх возле оклеенной обоями голландки; этот — от родственников, так понравился, что был зажат в кулачке, они и отдали. Были еще и отцовские, один-два, его родители больше взять не разрешили: приедешь к нам, во что играть будешь... А другие, штук десять, собственные, бабушкой купленные в том же магазине, что и машинки.

Дед часто лежал, у него давление зашкаливало, а Сашенька — все больше в солдатиков... Правда, деду иногда поболеть не удавалось. То Сашеньку покормить, то проследить, чтобы в форточку не выглядывал: ишь, что придумал после отита, только течь прекратилась, на реабилитацию, так сказать, привезли к деду с бабкой, а он стул подставил и давай задвижку крутить, в форточку высунулся, дед к нему, а он возьми деда и оттолкни, дед упал, хорошо, что в тот день с Молодежной тетка, сестра деда, приехала. Она деда и поднимала.

А тут еще переезд нагрянул, уже и ордер получили, и квартиру обглядели. На деда и бабушку однушку выделили. Правда, кухня большая, можно считать, что и двушка. Далековато от центра, конечно. От Рижской полчаса на автобусе. Вот дед, пока бабушка на работе, старье, что за шестьдесят лет накопилось, сортировал, что на выкидку, что с собой, уж, так не хочется старьем новые забарахлять, да и не поместится все их добро в одной комнате. Много мороки у старика с переездом.

А тут еще лето нагрянуло, июнь. В семейных традициях — переезд на дачу. Съемную. Чтоб Сашеньку оздоровлять. Два грузовика друг за другом протянулись. В одну, дачную, Сашеньку на колени к отцу в кабину, в другую деда, тоже в кабину. Вдруг дед сорвался, руками первому машет, мол, подожди, подожди и бегом по лестнице. Ну, что же солдатиков-то забыли?

— Сашок, Сашок, на, держи! — и коробочку деревянную со следами стершегося лака в кабину внуку из рук в руки и передал.

Тронулись грузовики через старый двор тополиный, по которому дед с фронта, внук из роддома. Один свернул за Савеловский, другой покатил по Волоколамке. Разошлись пути. Детеныш в жизнь, старики в смерть. Больше не виделись. Старики всего три дня и прожил. А Сашок в то лето на двухколесном научился, по лужам гонял, в пруду купался. Правда, в июле, а в июне опять ухо...

ЛАРИСА МЕЗЕНЦЕВА

АНГЕЛ БОРЯ

— Ну зачем ты так переживаешь, — говорил один Ангел другому — все будет хорошо.

— Ты просто не понимаешь, я с Катюшой с самого рождения, с самых пеленок. Можно сказать, вырастил, выпестовал. А тут это назначение к другому сложному ребенку.

И полились слезы из его глаз, которые на лету превращались в жемчужинки и тихо стукали по полу.

— Боря, не волнуйся. Я буду выполнять все твои инструкции.

— Вот видишь — Боря. И имя она мне придумала, что даже вы меня стали так называть.

Ангелы улыбнулись.

— Возьми мои записи для тебя, — и Боря протянул длинный исписанный листок. Коллега взял его, и листок как бы впитался в руку.

— Принято, все изучу. Ну а сложно было с ней?

— Не представляешь, как сложно. Непоседа. Ни минуты на одном месте. Как моторчик внутри. То куда-то залезет, то куда-то провалится, то дома что-то натворит. Глаз да глаз. Не один раз спасал ее жизнь.

— Расскажи.

— Когда ей было пять лет, она с родителями отправилась на речку на пикник. Родители увлеклись приготовлением шашлыка, а Катя бегала вдоль берега. А берег у этой реки глинистый и крутой. Ее внимание привлекла кувшинка. Она попыталась ее сорвать, но не удержалась и плюхнулась в воду. Плавать в этом возрасте не умела. Страх сковал ей уста. Молча цеплялась за береговую траву, пыталась выбраться, но трава обрывалась, и она

опять погружалась с головой в воду. Когда я понял, что сама она не справится, схватил за одежду и вытащил. В этот момент она меня увидела в первый раз.

– Так она тебя видела?

– Видела. Она может меня видеть в момент сильного эмоционального потрясения или когда просыпается, между сном и явью. С тех пор Катя поняла, что у нее есть Ангел-хранитель.

– Здорово! А родители что же?

– А родители увидели, только тогда, когда она к ним пришла вся мокрая с головы до ног. «Ох и ах», но ребенка-то не досмотрели.

– Не досмотрели. А еще расскажи.

– Да что рассказывать. Всегда в трудную минуту с ней. Когда болела простудами с высокой температурой, я садился рядом, брал ее за руку и дул на лоб, чтобы сбить жар. В эти моменты она тоже могла меня видеть. Мы даже немного разговаривали. Тогда она и придумала мне имя. Учился вместе с ней. Науки ей нелегко давались. Приходилось ночью нашептывать стихи, которые никак не запоминались, повторять математические формулы. Ходил с ней вместе на экзамены, подсказывал.

– А это честно?

– Честно. Учителя-то меня не видят...

Ангелы засмеялись.

– Ну, она уже замуж собралась. Здесь тоже твое участие?

– А как же! Что я только не делал, чтобы их познакомить.

И в транспорте их пересекал, и театры водил, и в кино — никакого результата. Тогда поселил Вову в один подъезд с ней.

– И как?

– И опять никак. Ты же понимаешь, современная молодежь ничего не видит и не слышит вокруг: перед глазами смартфон, а в ушах наушники. Отключают себя от внешнего мира. А счастье-то совсем близко, стоит только руку протянуть или повернуть голову. За ним не надо ехать в тридесятное царство. Мы уже все устроили.

– И какие были твои действия дальше?

– Пришлось застрять им в лифте. И пока они не познакомились и не обменялись телефонами, ремонтная бригада ничего не могла сделать.

Ангелы опять рассмеялись.

– Ну да ладно, пора в путь. Пойду прощаться.

Ангел Боря появился в комнате Кати, которая сладко спала. Он присел на краешек кровати и взял ее за руку.

– Боречка, это ты? – девушка немного приоткрыла глаза.

– Я пришел попрощаться с тобой, – и слезы опять покатились из его глаз.

– Это как попрощаться?

– Я выполнил свою миссию и меня командируют к другому ребенку.

– А как же я?

– У тебя будет другой Ангел, он тоже очень хороший. Будет заботиться о тебе.

– Но я не хочу никого другого. Останься!

– К сожалению, не могу. Но в трудные моменты жизни, тебе стоит только произнести мое имя, и я буду рядом. Да и по секрету тебе скажу, что Володя чем-то похож на меня. Я не просто так его для тебя выбрал. Еще один защитник и хранитель.

Катя начала окончательно просыпаться, не понимая, приснилось или наяву. Потерла глаза – никого рядом не было, и только несколько жемчужинок лежали на одеяле.

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

КАЗУС ВАРДЫ

Кому пойдет имя «Маврикий»? Черному от солнца пахарю или лесному схимнику, чей звериный дух за давностью стал запахом увядших роз. О чем думала Хлоя Вардас, когда давала это имя своему младенцу? Ее мальчик родился светлокожим, голубоглазым, с курчавыми светлыми волосами. Такими были его древние предки, не смешавшие кровь с южными варварами. Таких почти не осталось среди современных эллинов, не отличимых от осман. Среди черных голов афинян его светло-золотистые кудри видно было издалека – белая овца в черном стаде. Овца с постыдной тайной, предатель в голодной, но гордой Элладе.

Его друзья в годовщину Фермопил и в День Освобождения рисовали синие кресты на щеках и лили вино под ноги пластмассовой Паллады. Они чертили на фанере плакаты и горланили у посольства Республики Эквиций, виновной во всех эллинских бедах, а Маврикий тайком выводил в тетрадке: Мауриций Варда. Это имя звучало иначе, в нем бился на ветру тугой пурпур с золотым орлом – Маврикий мечтал об Эквииции.

Этим утром желание стало особенно острым – его уволили. Начальник, хозяин мелкой contadorки, клепавшей на коленке приложения для торговых точек, вместо последнего жалования выдал ему на всю сумму список выдуманных штрафов. Выбор был невелик – идти домой с пустыми карманами целым или с переломанными ребрами – карманы в любом случае останутся пусты. Маврикий выбрал первое.

Он шел по разбитой дороге, мимо облупленных стен, сплошь заклеенных политическими плакатами и объявлениями

дешевых гетер, мимо торговцев — крикливых, с подгнившими фруктами, и тихих, с бутылками самодельного узо за пазухой, мимо пекарен с дурманящим запахом горячих лепешек, где руки сами тянутся к хрустящему горячему боку, и лучше не доставать их из карманов.

Мауриций вывернулся из переулка на Патисион и врезался в толпу. Тысячи злых и веселых эллинов шли к центру столицы. «Свобода или смерть!» — крикнул кто-то, и старый клич показался по толпе в обе стороны. Эти слова что-то значили, когда Эллада была частью Османской империи, а какой смысл в этих словах теперь? Свободы — хоть топись в ней, в смерти тоже никто не ограничивает, а ничего про хорошую жизнь в этом кличе нет. Криком люди глушат бурчащие животы, которые могли быть полны, не отвернувшись от Эллады Эквиций.

Когда эллины восстали, Эквиций помог. Сильно напрягаться не пришлось: несколько легионов встали лагерем на османской границе во Фракии, и этого хватило, чтобы Константинопольский султан охладел к своей мятежной окраине. Не вмешайся Эквиций, османы утопили бы Элладу в крови, но Эллада получила свободу. Как женщина, избавившаяся от мужа-тирана, она уничтожила все, что напоминало о прежней жизни, посыпала мечети с минаретами, и теперь гордилась быть единственной страной в мире, где нет ни мечетей, ни минаретов.

А Эквиций полностью потерял интерес к освобожденному народу. Освободил и не накормил. Как его было не возненавидеть? Да поделись Маврикий своими мечтами с окружающими земляками — его разорвут на части и пойдут спокойно дальше, пятна кровавыми подошвами асфальт. Все эти Яннисы, Йоргосы, Демисы вовсе не кровожадны — кровожадна толпа, а они, влившись в нее, оставили имена снаружи.

— Парень, пошли с нами! Врежем им! — ткнул его в плечо какой-то здоровяк. Маврикий не хотел никому врезать, он хотел уехать.

В Эквиции — широкие проспекты и густые парки, там вежливые вигилы сдержанно улыбаются прохожим, а прохожие ис-

полнены достоинства, потому что сыты и уверены в завтрашнем дне. Там по дорогам ездят роскошные автомобили, а не бродят толпы обезумевших бедняков. Там никто бы не выбросил на улицу человека, не выплатив жалованье, потому что в Эквации закон и справедливость, а в Элладе только право сильного.

Бессильная ярость голубем билась в горле, Маврикий и сам отрастил бы крылья и улетел на запад. Прямо сейчас взмыл бы из этого смрада в свежий воздух и умчался, но не на чем, не растут, даже между лопаток не чешется.

Дома ждали мама и старший брат в инвалидной коляске. По виноватым глазам Маврикия они сразу все поняли.

— Почему? — спросила мама.

— Просто не заплатил, насчитал штрафов ни за что.

Мама молча встала и ушла в свою спальню.

— Мам, а что я мог сделать? У него брат полицейский! — крикнул Маврикий в закрывшуюся дверь. Ответа не было.

— Опять без ужина, — вздохнул брат и взялся за ободы колес.

— Маркос, это несправедливо!

— Хочешь справедливости? — брат зло качнул головой. — Давай по справедливости. В почтовом ящике я сегодня нашел интересное письмо. Такая марка на конверте красивая — бордовая, с золотым орлом.

— Пурпурная... — поправил Маврикий, скрипнув пересохшим горлом.

— Да хоть фиолетовая. Значит братик сбежать от нас решил, бросить — выживайте, как хотите! Не, я тебя прекрасно понимаю, и сам бы сбежал, если б было на чем...

— Ну все же не так! Я не бросаю вас, я буду помогать! Каждый месяц буду присыпать деньги. Больше, чем мог бы тут заработать!

— Ну да, конечно. Начнется новая, сырьяя жизнь, ты и думать о нас забудешь. По справедливости, мне б это письмо порвать. Мать тебя родила, выкормила, вырастила, тряпки покупала, учебу оплатила. И я, братик, тоже на тебя пахал, пока ноги не отнялись. Ты нам до смерти должен!

Маврикий хотел возразить, но брат угрожающее нахмурился, на крепких руках, сжимающих ободы, вздулись вены.

— Молчи! Если я письмо порву, тебе придется снова писать своему хозяину в Эквиций — потратишься на пересылку, потеряешь время, а, может и работу — зачем ты ему, такой неорганизованный?

— Что ты хочешь?

Маврикий вдруг осознал, что очень хочет ударить брата, не просто ударить, а бить, колотить со всей дури, пока тот не потеряет сознание или даже умрет. Лицо брата расплылось до неузнаваемости, кровь стала водой, а сам Маркос Вардас — бездушным препятствием. Это нелепое существо с руками толщиной со свиной окорок и неуклюже вывернутыми ногами перегородил своей коляской выход в новую жизнь. Кулаки сжались сами, и брат это заметил.

— Выкинь из головы, — сказал он. — Я даже без ног намного сильнее тебя. За письмо я хочу тысячу драхм. Я знаю, они у тебя есть.

— Откуда? — задохнулся Маврикий.

— Откуда есть или откуда я знаю? Вот тебе третий урок справедливости. Я нашел твой тайник и исписанные бумажки. Подпись себе придумываешь, Мауриций Варда? — это имя он произнес, как на пурпурное знамя плонул. — Тайник я нашел, а деньги не взял: я не вор, не краду даже краденое. У нас с мамой краденое!

— Это мое, я откладывал на отъезд!

— Паршивое оправдание, братик. Выживаем мы вместе, и все, что у нас есть — общее. Неси деньги, мы есть хотим.

— На что же я уеду?

— Укради, ограбь, убей — сделай то, что никогда не делал! Если хочешь уехать — придумаешь.

Маврикий так и сделал, со стыдом и ненавистью к себе. Когда в салоне третьего, но невероятно роскошного для него класса стюардесса терпеливо показывала Маврикию, как застегнуть ремень, его брат Маркос открыл дверь кладовки, где хранились

теплые вещи. Вместо дорогой кожаной куртки к вешалке был прицеплен конверт. В нем лежали четыреста драхм и короткая записка: «По справедливости. У нас все общее». Маркос хмыкнул и выкатился в кухню. Он положил деньги на обеденный стол, а конверт с запиской покрутил в руках, поднес к носу, даже на просвет глянул.

«Все б тебе под горку...» — усмехнулся он и спрятал его под сиденье коляски — на память.

В огороженном углу зала прилета аэропорта Аугусты сгрудились эллины. Они жались друг к другу, маскировали смущение громкими разговорами и натянутым смехом. Несколько увешанных дутым золотом женщин с жадными черными глазами, пара десятков смуглых мужчин в куртках из свиной кожи и туфлях с загнутыми носками и Маврикий Вардас — тоже в коже, тоже в ультрамодных для Афин туфлях, но светлокожий и белокурый. Чужой.

Он держался в сторонке, стыдливо пряча голубые глаза. Мимо проходили граждане Эквиция. Тихо шуршали их простые, свободные одежды. Свежие лица, неяркие цвета. Романы держались с привычной уверенностью, как держат себя люди, никогда не знавшие бед, разговаривали негромко, как говорят, когда привык, что тебя слышат. Романский язык, открытый и стройный, музыкой звучал в ушах Маврикия, но его заглушали взрывы фальшивого хохота и бормочуще-шепелявый говор его земляков. Маврикию было стыдно, но не стоило беспокоиться — ни один взгляд не был обращен в их сторону. Глаза граждан Эквиция облетали эллинов по касательной, не желая задерживаться на вульгарных приезжих.

К барьеру подошел служащий аэропорта в синей робе. Лицо его закрывала маска. На эллинском языке с сильным романским акцентом попросил приезжих выстроиться в очередь и проследовать за ним. Маврикий неслышно шевелил губами, повторяя про себя то, как по-особенному, свистяще и немного гортанно служащий произносит эллинские слова. Первое место за служа-

щим занял пузатый эллин с брезгливо надутой губой и пальцами, унизанными перстнями. Маврикий пристроился в самый конец очереди, он не хотел ни с кем разговаривать.

В свой черед Маврикий вошел в комнату досмотра, сдал анализы и образец ДНК, показал багаж. Таможенники в респираторах к его вещам не прикасались. Он сам доставал каждую вещь из чемодана, разворачивал и показывал офицеру, стыдясь ее убогости. Ему прокатали пальцы, считали радужку. Под камерами он прошел вдоль прямой белой линии, нарисованной на полу, потом пробежал вдоль нее же.

В следующей комнате за простым пластиковым столом сидел чиновник, уже без маски. За его спиной, на стене, выкрашенной в квинакрионовый пурпур, топорщил золоченые крылья орел.

Значение государственной геральдики Эквиция Маврикий знал, как Символ веры. Знамя особого оттенка, похожего на сок черного винограда, смешанный с кровью, символизирует преемственность традиций Римской Республики. На гербе Эквиция орел держит в клюве весы, они означают равновесие преступления и наказания — главный принцип правовой системы Эквиция. Орел смотрит не вбок, как орлы на других гербах, и глаза у него не завязаны, как у эллинской Фемиды. Романское правосудие немигающими глазами смотрит тебе в душу — оно не слепо, оно все видит.

Орел мог сколько угодно смотреть в душу Маврикия — она была чиста. В новой жизни Маврикий решил, что не станет нарушать закон даже в мелочах, даже пустую в оба конца улицу он будет переходить только на зеленый сигнал светофора, ведь из таких мелочей и складывается справедливый порядок.

— Ознакомьтесь с правилами поведения для приезжих, — чиновник протянул ему брошюру и тонкую корочку зеленого цвета. — Пермит на временное проживание постоянно носите с собой и будьте готовы предъявить его по первому требованию.

Маврикий открыл книжечку. Под его цветным фото было выведено по-романски: «Мауриций Варда». Он старался вести себя

с достоинством, быть серьезным и спокойным, но губы задрожали и сами разъехались в счастливой улыбке, и ничего он не мог с ними поделать.

— Приятного пребывания в Эквиции, — сказал чиновник и нажал кнопку. Справа открылась дверь и в помещение хлынул яркий солнечный свет.

Его первый день в Аугусте прошел в пьянящем дыму и блеске, если не считать одного неприятного происшествия. Он вышел из таможни на автостоянку, прошел по указателю к остановке. Огромный двухэтажный автобус с зеркальными стеклами вбирал в себя пассажиров. Не оглохни от счастья Мауриций перед последним чиновником, да будь он повнимательней сейчас, заметил бы, что среди пассажиров нет ни одного приезжего. Он подошел к турникетам, склонился над сканером, но на экране появился красный крест. Он попробовал еще раз — все так же безуспешно.

— Под землю, — сказал чей-то голос сзади.

Мауриций обернулся — за ним стоял роман. Он ткнул в Мауриция пальцем:

— Ты! Идти! — громко, как глухому, сказал он и показал пальцами, как ходят, потом ткнул под ноги: — Под землю. Автобус — для граждан. Ты — перегрин.

— Я хорошо говорю по-романски! — возмутился Мауриций, задетый высокомерным тоном.

Роман моргнул, но вульгарно одетый приезжий, говорящий на романском, не исчез. Тогда он закатил глаза и терпеливо повторил:

— Ты! Идти! Под землю! Там суб. Чух-чух для неграждан.

Роман сдвинул его каким-то неуловимым движением, даже не коснувшись, и склонился над сканером. Пикнуло, открылись дверцы, и он зашагал к автобусу.

— В сторону, пожалуйста, — сказал кто-то.

Вереница местных прошла мимо. Солнце палило, ветер хлопал их просторными одеждами, но не мог забраться под куртку

Мауриция из толстой кожи, под его плотные штаны, в пыльные туфли с загнутыми носами. Проходящие романы смотрели друг на друга, в небо, под ноги, куда угодно, но не на него. Так культурные люди избегают касаться взглядом голого дикаря. Мауриций стянул куртку, и ветер залепил спину потной туникой. Быстрым шагом, не оборачиваясь, он двинулся к туннелю подземки.

Суб был стерильно чист и пуст, его закругленные стены, выложенные светло-голубой плиткой лишены и намека на украшательство – в родных Афинах они мгновенно обросли бы рекламами и объявлениями. Сканер на входе одобрительно пикнул, двери для перегрина Варды открылись.

На платформе станции стояло несколько эллинов. Они увидели спускающегося земляка и замахали руками, но Мауриций сделал вид, что сосредоточенно ищет что-то в телефоне. Подошел локомотив со скошенной мордой, притянул вереницу низких бочкообразных вагонов с узкими окнами. Мауриций вошел, и поезд тронулся. Глянцевая полоса под ногами и светящиеся плафоны над головой пунктиром уходили вглубь поезда, пунктир подрагивал и изгибался, но тишина стояла абсолютная – ни стука колес, ни стрекота электродвигателя. В двух вагонах от него, по бокам сидели непривычно тихие эллины.

На станции «Виа Юстиниана», указанной в адресе, Мауриций вышел. Поезд увез его соотечественников дальше на север, в район Германика. Там для беженцев из бедных, но гордых стран, выстроили квартал пятидесятиэтажных капсульных инсул.

Мауриций видел в сети, как выглядит Германика. Узкие башни инсул стоят там так близко, что солнечные лучи почти никогда не касаются земли под ними. Как в настоящих тропических джунглях, лианы коммуникационных кабелей и труб оплетают стволы, на разных этажах прокинуты открытые железные переходы, на которые снизу и смотреть страшно, но там ходят люди, играют дети, на веревках сушится белье. В коридорах танцуют полудикие даки, бродят вечно пьяные германцы, эллины боятся с османами до крови, а то и до смерти – никто не станет их пересчитывать, ни одна бри-

года криминалистов сюда не приедет. Эквиция там не было, он оставался за оградой. Зато дешевле жилья в Аугусте не найдешь

На виа Юстиниана, где Маурицию предстояло работать, эскалатор вынес его в небольшой закрытый двор-колодец. Когда Мауриций вышел из арки, у него перехватило горло. Широкий проспект ветвился уровнями и терялся вдали. Зеркальные небоскребы по его краям расплывались в дымке. Все было огромным, новым, монументальным... идеальным.

Эквиций был огромным государством с множеством доминиконов и протекторатов, и не было на планете стран богаче и могущественнее его, но только здесь, на одной из центральных улиц столицы, в густом запахе разогретого мрамора и травяного сока с тонкой сладковатой примесью отработанного топлива, под стеклянными башнями, сияющими жидким золотом в разрывах густых крон, Мауриций осознал, как слаба и примитивна его родная Эллада.

Он быстро нашел нужное здание — стеклянную башню с мраморным портиком. Брезгливо, по-романски, избегая своего отражения, вошел. Внутри его ждали.

Новый начальник принял его в кабинете на сорок шестом этаже. Он сказал звать его просто по имени, без родовых имен и регалий и усадил в кресло у окна. Под левым локтем Мауриция, на умопомрачительной глубине двух стадий мчался поток машин, мимо окна сновали дроны. От непривычной высоты кружилась голова. Вошла секретарша, улыбнулась Маурицию, будто он был консулом, а не бедным кодером-перегрином, поставила на столик чашку с крепким абиссинским кофе.

Патрон был первым романом, кто не избегал смотреть на Мауриция. Он ходил по кабинету, суетливо потирая руки, появлялся то за левым плечом, то за правым, заглядывал в глаза, и левое веко его нервно подергивалось. Он говорил, говорил: как высоко он оценил тестовую работу Мауриция, каким блестящим он видит будущее Мауриция в его компании, как прекрасна Аугуста, в которой Маурицию предстоит жить.

Мауриций... Мауриций... Мауриций... Романский язык, красивый и мелодичный, лился песней, голос то взлетал, то падал, и в нижней точке все время звучало «Мауриций».

— Вы недолго будете перегрином, Мауриций, попомните мое слово...

Патрон ходил вокруг, Мауриций мешал ложечкой кофе, черная жидкость закручивалась в водоворот, клубился ароматным смерчем пар над чашкой, кружилась голова от романской речи, кружила голову нежная улыбка секретарши, автомобили на за-кольцевавшейся виа Юстиниана кружили внизу вокруг стеклянной башни.

— Вам надо сменить гардероб, Мауриций...

Пиликнул тревожный сигнал. На телефоне, слишком старом для новой жизни, высветилось сообщение о переводе.

— Это подъемные, Мауриций, небольшая сумма, чтобы вы смогли дотянуть до первой зарплаты, возвращать их не надо, — пояснил откуда-то из-за левого плеча патрон.

«Небольшая сумма» в пересчете на драхмы превышала его жалование в Афинах в десяток раз.

— Жить будете в инсule нашей компании, Мауриций. Жилье в столице дорогое, а за эту студию вам платить не придется. Останутся только расходы на доступ к сети, электричество и воду, но это сущие ассы, Мауриций, вы их даже не заметите.

Мауриций... Он — Мауриций, его так зовет настоящий роман.

Патрон вызвал водителя. На мягкой коже, в салоне, пахнущем незнакомо, но очень приятно, Мауриций уехал к своему новому дому. Его нетронутый кофе остался на столике.

Удивительно, но молчаливый водитель повез его не в Германию. С виа Юстиниана он свернул на юг, через полчаса затормозил перед симпатичной инсулой. За тенистым бульваром в паре стадий блестел широкий Ринус. За рекой лежал старый город, там был Форум, где заседал сенат и жил консул. Перегринов, тем более беженцев, здесь почти не было. Водитель достал из багажника сумку Мауриция и молча протянул ему электронный ключ с номером.

Студия оказалась маленькой, но все же это была не капсула в Германике — здесь хватило места для широкой кровати, рабочего стола с современным терминалом и кухоньки с барной стойкой. За сдвижной стенкой Мауриций нашел уборную с душевой кабинкой. Все было чисто, красиво, функционально, но главным было не это. Дальняя стена студии была полностью застеклена. За ней, далеко на юге, белели вершины Гельветских альп.

— Тихея любит меня, — восхищенно прошептал Мауриций в окно и до того, как очистилось запотевшее стекло, поправился: — Фортуна.

Первое, что он сделал, нашел магазин готовой одежды. Мауриций вышел из него в светлой льняной рубахе и легких полотняных штанах. Старую одежду он сложил в пакет. У мусорных контейнеров он заколебался: когда вся жизнь проходит в крайней нужде трудно просто взять и выкинуть добротную еще одежду, но Мауриций упрямо мотнул головой, и пакет с кожаной курткой, османскими туфлями и прочим эллинским тряпьем полетел в мусор. В новой жизни старью места не было.

Утром его разбудил солнечный свет. Вчера он пребывал в радостном возбуждении и не заметил, что на окне нет штор. День едва начался, он не выспался, но куда страшнее было бы проснуться снова в своей узкой кровати в афинской комнатушке рядом с парализованным братом. Мауриций умылся и отправился на пробежку.

Он весело здоровался с такими же ранними бегунами, и они приветливо махали ему в ответ. Мостовая мягко светилась розовым, прозрачный воздух пах речной свежестью. Радость переполняла его, свободная романская туника хлопала за спиной, как отросшие крылья, ноги в легких сандалиях едва касались ровной дороги без единой трещины или рытвины. Еще чуть-чуть, и Мауриций взлетит. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым и свободным.

Рабочий день прошел прекрасно. Он сделал все и заслужил похвалу патрона. Коллеги не сторонились, приняли почти

на равных, только когда вечером собирались в термополию опрокинуть по кружке божемского пива, его не позвали, но Мауриций не унывал — все впереди. Он добьется и уважения, и дружбы.

Вечером, укладываясь спать, он вспомнил, что его разбудило утром. Идти в магазин было поздно, и тогда он просто прилепил к окну клейкой лентой покрывало. Вечером следующего дня в его дверь постучали.

В коридоре стоял вигил, за его спиной маячило незнакомое лицо. Вигил посмотрел через плечо Мауриция и сдвинул брови:

— Гражданин Игнаций, вижу, что вы были правы. Благодарю за бдительность. Мауриций Варда? — спросил он, сверяясь с экраном планшета.

— Да, — нерешительно ответил Мауриций. Роман в коридоре весело ему подмигнул.

— Эдикт консула Теренция Интеллектора запрещает занавешивать окна в домах.

— П-почему?

— А вы не знали? Недавно приехали? Если собираетесь задержаться в Эквиции, вам следует соблюдать наши законы и традиции. Гражданам и гостям Эквиция, если у них нет преступных замыслов, нечего скрывать. Немедленно снимите это с окна и постарайтесь больше не нарушать. В первый раз я выпишу вам минимальный штраф в семьдесят денариев. При повторном нарушении будет тюремный срок с последующим выдворением из страны. Вам понятно?

Мауриций кивнул, и роман, которого вигил назвал Игнацием, показал ему большой палец. Под холодным взглядом вигила Мауриций отлепил покрывало и аккуратно его сложил. Вигил кивнул и удалился, а Игнаций вбежал в комнату и сжал руку Мауриция.

— Я ваш сосед, Левий Игнаций.

Мауриций в полном недоумении уставился на него.

— Это вы вызвали вигила?

— Да! — радостно кивнул тот.

— Вы что, позвонили и сказали, что я занавесил окна?

— Представляете? Еду домой, вижу: что-то с нашим фасадом не так. Присматриваюсь, а это новый сосед чудит! Вы приезжий, да? У нас уже больше сотни лет не вешают шторы.

— Но солнце же светит...

— Есть повязки для сна, зачем эти тряпки? Ну зачем прятать от глаз такие великолепные пейзажи? Вы ведь знаете, что у нас самый низкий уровень преступности в мире? Это в том числе потому, что мы ничего друг от друга не скрываем. Ради безопасности можно потерпеть некоторые неудобства, правда? Скоро и вы привыкнете.

— Постойте, я не пойму, а чему вы так радуетесь? Вы же донесли на меня вигилам!

— Сообщил, — поправил Игнаций.

— Вы что, гордитесь этим?

— Конечно. Каждый житель Эквиции, гражданин он, или пегррин, обязан не только соблюдать закон, но и следить за его соблюдением другими.

— Вы могли мне просто сказать...

Улыбка Игнация потускнела.

— Слова не учат, мой неблагодарный сосед. Воспитание бывает болезненным, но оно делает человека гражданином. — Уголки его губ скорбно обмякли. — Глупо было ждать понимания от приезжего эллина...

Левий Игнаций развернулся на месте и скрылся за дверью квартиры напротив. Мауриций уперся лбом в злосчастное окно. Пролетавший мимо дрон завис на месте, и Мауриций вяло помахал ему.

— Это все ради порядка, — тихо сказал себе Мауриций.

Через полтора месяца, в Афинах, Маркос Вардас распаковал посылку с золотыми орлами на марках. В ней лежала новая кожаная куртка. В кармане Маркос нашел конверт с тысячей денариев и запиской: «Ты ошибся». Черная полоса семьи Вардас кончилась.

Дела шли лучше некуда. Мауриций завершил очень сложный проект раньше срока и получил к своей должности приставку сениор. Теперь под его, эллина-перегрина, началом работали одиннадцать граждан Эквиции и его доминионов. На радостях патрон вызвал Мауриция в кабинет.

— Я не ошибся в вас, Мауриций, — сказал он, нервно пощелкивая пальцами. — Все только начинается. Будьте благородны, и скоро станете гражданином. Я слежу за вашими успехами, зорко слежу. — И снова он пытливо заглядывал в глаза, и веко его подергивалось, а пальцы правой руки крутили запястье левой

От попыток не морщиться у Мауриция немели скулы. Ничего в его взгляде не увидев, патрон отошел к столу. Пиликнул сигнал. На экране телефона появилась неожиданно крупная сумма.

— Мы хорошо заработали на этом проекте, Мауриций, вы заслужили премию.

Премии хватило на давнюю мечту.

Перед входом в автомагазин Мауриций задержался на несколько секунд: в затененной витрине отразился молодой роман со светлыми курчавыми волосами, одетый неброско, достойно гражданина величайшей страны на планете. От эллина в пыльных черных туфлях и кожаной куртке не осталось и следа.

К дому Мауриций подкатил на новенькой Беренике Фалько — таких машин на афинских улицах не встретишь: слишком дорогая для бедных, слишком простая для богатых, а среднего класса, который может ее купить, в таких странах, как Эллада, просто нет. Он вел не слишком уверенно — практики не хватало — но очень осторожно.

Через три месяца, к июльским нептуналиям, патрон объявил Маурицию, что подал прошение в префектуру о досрочном предоставлении гражданства.

— Это большая честь, Мауриций, но и большая ответственность, — сказал он. — Вы к ней готовы?

— Да, патрон, — без раздумий ответил Мауриций.

— Готовьтесь к экзамену. История, основы права, значение государственной символики — время есть... Время еще есть.

Мауриций был аккуратен и осторожен, он не нарушал правила и жил по закону. Теперь ему надо быть еще более аккуратным — любая случайность может перечеркнуть мечту о гражданстве, любой мельчайший проступок. Люди в Эквиции так беспечны!

Игнаций, его заботливый сосед и зоркий гражданин, с которым Мауриций теперь здоровается с вполне искренней теплотой, не всегда убирает за своей собакой. Двое парней из команды Мауриция в рабочее время писали программу для взлома ключей. Увидев сениора, они свернули окно, но Мауриций читает код быстрее, чем обычные люди книги. Водителя патрона на служебной машине он видел у ночного клуба — тот был не в форме и высаживал из салона совсем не патрона. Все они, граждане по рождению, могли себе позволить мелкие шалости, но перегрин Варда — нет.

Ну вот опять: взрослый человек, солидный роман, но ленился пройти лишний десяток шагов до перехода. Дорога пуста, и ни на что его мелкий проступок не влияет, но ведь порядок складывается из мелочей! Осуждающие покачав головой, Мауриций двинулся к машине.

Следующим вечером в дверь позвонили. В коридоре стоял уже знакомый вигил.

— Мауриций Варда? — строго спросил он, сверившись с планшетом. — Кажется, вы до сих пор не уяснили, насколько важно соблюдать закон?

— Вы о чем? — Мауриций не мог взять в толк, что он сделал не так. — Это какая-то ошибка, я ничего не сделал...

Дверь за спиной вигила приоткрылась, но выходить сосед не стал.

— Вот именно, что ничего, а должны были. Вчера, в восемнадцать часов двенадцать минут на виа Солона вы были свидетелем правонарушения...

— А-а, — с облегчением выдохнул Мауриций. — Вы меня напугали. Да, действительно, я видел, как какой-то человек перебегал дорогу в неподложенном месте.

— То есть вы не отрицаете, что были там.

— Я был там... — сказал Мауриций уже менее уверенno.

— Согласно записям с камер, взгляд ваш был сфокусирован и направлен на нарушителя. Вы подтверждаете?

— Ну да, я же уже сказал: я видел.

От настойчивых уточнений вигила у Мауриция вспотели ладони.

— Плохо, Варда, очень плохо. День прошел, а вы так и не нашли время сообщить о правонарушении.

— Я... Я разве обязан это делать?

Вигил склонил голову набок и изумленно взорвался на Мауриция.

— Долг каждого жителя Эквиция, и гражданина, и перегрина, участвовать в поддержании общественного порядка и законности! — отчеканил он. — Если житель Эквиция стал свидетелем правонарушения, но не воспрепятствовал ему или не сообщил о нем властям, он считается виновным наравне с нарушителем!

— Виновным в чем? В переходе улицы в неподложенном месте?

Маурицию бы промолчать, но абсурдность этого обвинения лишила его осторожности. За приоткрытой дверью соседней квартиры застонали.

— Перегрин Варда! За злостное нарушение законодательства Эквиция я накладываю на вас штраф в размере тысячи двухсот денариев. В случае, если вы не в состоянии оплатить этот штраф в течение трех дней, он может быть заменен на месяц общественно-полезных работ в городских термах. — Он пролистал записи в планшете. — Та-ак. Вижу на ваше имя прошение о предоставлении гражданства. Должен сказать, что с таким отношением к закону положительное решение под большим вопросом.

— Вы... Вы не можете...

— Я и не буду. Решение принимают другие люди, намного строже и непреклонней меня.

Вигил резко выбросил руку в приветствии и ушел. Из щели высокользнул Игнаций и зашептал, опасливо поглядывая на лестницу к лифту.

— Неосторожный мой сосед, ты с ума сошел — с вигилом спорить?

— За что? Я не понимаю...

— Я говорил тебе: учи законы! Ну ничего, ничего. Это не тяжелое правонарушение, все забудется. Ты главное больше так не поступай!

— Как?! — вспыхнул Мауриций. — Мне нужно бегать к вигилам с доносами на всех?

— Да, — с готовностью кивнул Игнаций, — бегать, но не с доносами...

— Тогда, может, мне сейчас догнать вигила и сказать ему, что мой сосед Левий Игнаций не всегда убирает дерьмо за своей собакой?

Игнаций испуганно затряс головой.

— Нет? А где справедливость?

— Где камеры, там и справедливость, а если нет камер, то зачем? — торопливо зашептал Игнаций. — Выбрось это из головы, не отвлекай гражданина вигила от важных дел... Вообще не ожидал от тебя! Совсем не ожидал! Зря ты, мой подлый сосед, нельзя так с добрыми людьми поступать!

Разочарованно покачивая головой, Игнаций скрылся за дверью своей квартиры и щелкнул замком.

Тысяча двести денариев — почти все, что осталось у Мауриция после покупки машины. Он хотел, как обычно, отправить тысячу маме, а на остальную мелочь протянуть до следующей выплаты, а теперь у него не будет денег даже на еду. И не платить штраф нельзя: если из-за общественных работ он не сможетходить на основную работу, патрон его уволит, несмотря на заслуги. Воздух вокруг Мауриция сгустился, как в духовом шкафу.

Дергая ворот туники, Мауриций сбежал в подземный гараж, сел в машину, открыл все окна.

Выехав с парковки, свернул на трассу, уходящую на восток, вдоль течения Ринуса. Ветер ураганом метался по салону, взбивал волосы, трепал тунику. Он был холодным и резким, бил по щекам наотмашь — то, что было нужно Маурицию. Когда впереди показались огни Констанции, сгостились сумерки. Въезжать в город не хотелось, и Мауриций решил вернуться по сельской дороге, тянувшейся между трассой и Ринусом.

Здесь фонари не горели. По правую руку за лесополосой неслись на восток машины, справа, в просветах между стволами, лунным светом поблескивала река. Изредка попадались загородные домики небогатых горожан, темные и пустые. Мауриций перебирал варианты. Напряжение немного отпустило, голова остыла, и положение больше не казалось безнадежным. Штраф он оплатит, маме с братом объяснит, что возникли проблемы, и в следующем месяце он пришлет больше. Сам посидит на просроченных продуктах, их выкладывают в конце дня крестьяне у рынка в паре кварталов от работы. Ничего страшного, в Афинах и не такое приходилось терпеть.

Мауриций поднял стекла и с облегчением вздохнул. Он захмурился на краткий миг, а когда открыл глаза, увидел лохматую собаку. Пес стоял на полусогнутых лапах, прижав уши, посреди дороги, слишком близко, чтобы отвернуть или затормозить. Его пустые глаза блеснули отраженным светом, и резкий удар сотряс машину, более сильный, чем можно было ожидать от столкновения тонны стали с полусотней фунтов податливого мяса. Мауриций запоздало ударил по тормозам. Подскочили передние колеса, потом, слабее, задние. Он бросился к сбитому псу, но тот был уже мертв.

Стоя перед телом собаки на коленях, глотая слезы, Мауриций искал в своде законов, загруженном пару дней назад, чем грозит ему сбитый пес. Когда нашел, обомлел: лишение прав и штраф в десять тысяч денариев или полгода общественно-полезных работ.

«Где камеры, там и справедливость», — возник в ушах вкрадчивый шепоток Левия. Мауриций огляделся. Вдоль дороги не было ни фонарных столбов, ни линий электропередач — только стволы с густыми кронами по обочинам, насыпь к шоссе и пологий спуск к реке.

Мауриций сбросил одежду, закинул в салон. Тело злосчастного пса оттащил к реке и столкнул в воду. Пес зацепился за корягу, блеснула в лунном свете оскаленная пасть, язык, свесившийся беспомощной черной тряпкой. Широкий Ринус нес тысячи тонн воды, но не хотел принять и унести раздавленное тело в Германское море. Мягкосердый Мауриций, собачник без собаки, еще в школе подкармливавший своими завтраками бродячих псов. Он не вынес, бросился в воду, схватил пса и ощущил холод остывающего мяса. Судорога отвращения живого к мертвому свела пальцы, мокрая шерсть выскользнула из рук, и безымянная дворняга уплыла по течению.

Мауриций вернулся к машине. Подсвечивая фонариком, он осмотрел бампер и решетку радиатора. Ударом собаку отбросило вперед, потом он переехал ее передними и задними колесами. Крови натекло немало. Он съехал к реке и погасил огни. Обыскал салон и багажник — в новой машине не оказалось никаких тряпок, кроме его одежды. Тогда Мауриций нарывал травы и каких-то лопухов, и в лунном свете речной водой, подсвечивая телефоном, оттирал собачьи останки, понимая, что просто не может в такой темноте увидеть то, что обязательно вылезет днем или под лампами в подземном гараже.

На дороге послышался рокот мотора, и Мауриций спрятался за корпусом машины. Натужно взревывая задыхающимся движком, по дороге проехал грузовик. Мауриций ждал, что сейчас звук его мотора стихнет, хлопнет дверь, и его обнаружат, полуоголого, нелепого, скавшегося у окровавленной машины, но старая развалюха проехала мимо, не сбавив скорость.

Утром Мауриций спустился в гараж, помялся у машины, но сесть в нее не решился, поехал субом, а в обед в офис при-

шли вигилы. Под удивленными, а то и злорадными взглядами перегрина Мауриция Варду вывели к фургону и увезли в префектуру.

Когда профессионально-грозный чиновник префектуры развернул экран, у Мауриция онемел затылок. Вид сверху: по дороге вдоль реки едет грузовик с одной фарой, на обочине у реки — машина с погашенными огнями и крошечный полуголый человечек, скорчившийся за ней.

— Здесь почти ничего не видно... — запинаясь, сказал Мауриций и сразу, по глазам вигила, понял, что говорить этого не стоило.

— Грузовик ненадолго осветил вашу машину, перегрин Варда. Она была припаркована в водоохранной зоне, это привлекло дрон дорожной службы. Вы идентифицированы по регистрационному номеру автомобиля, биометрии и походке. Дрон провел вас до вашего дома. Камеры на въезде в Аугусту и на спуске в подземный гараж подтвердили, что это были вы, Варда. Неужели за полгода проживания в Эквиции вы не уяснили, что единственная верная модель поведения в республике — открытость?

— Боги, я испугался!

В тяжелом взгляде офицера не было ни грана понимания, и Мауриций поспешил добавил:

— Я был неправ, простите. Я конечно же ничего не отрицаю! Это было абсолютно неправильное решение, просто я растерялся... Что со мной теперь будет?

— Кажется, вы знаете это и без меня. В 22:43 вы искали ответ на этот вопрос в уголовном кодексе. Все запросы даже к загруженным базам данных фиксируются. Меру вашей ответственности определит суд. Скорей всего сыграют роль и отягчающие обстоятельства: это уже третье правонарушение, которое вы совершили в Эквиции, вы покинули место столкновения и попытались помешать следствию, сокрыв следы преступления.

Мауриций закрыл лицо руками. Жизнь стремительно катилась в Тартар. Чиновник поморщился.

— Ну перестаньте, Варда, ведите себя достойно будущего гражданина Эквиция! — смягчился он.

— Вы думаете это все еще возможно?

Мауриций с удивлением и надеждой посмотрел на чиновника.

— Все будет зависеть от вашего поведения на суде, от того, как вы примете заслуженное наказание. Стойкость и мужество, Варда! Впечатлите миграционную комиссию сената, и станете гражданином. После того, как искупите вину, конечно.

— Я искуплю!

— Я верю, Варда. Скоро к вам придет общественный защитник, обсудите с ним линию защиты. Уведите! — крикнул он ждущему в коридоре вигилу. Мауриция увели, и чиновник смахнул дело Варды в ящик.

В душевой одежду забрали, после мытья и дезинфекции выдали оранжевую робу, хрустящую от свежести, и резиновые тапки, завели в камеру. Здесь пахло хлором и озоном, блестела светло-голубая плитка, как в переходах суба. В углу, за белой тряпичной ширмой, стоял стальной унитаз и такая же раковина. Мауриций залез на кушетку и зябко поджал босые ноги. Он знал, что температура в камере соответствует санитарным нормам — для Эквиция не было несущественных мелочей, — но его знобило. Радовало, что кушетка была одна. Встречаться с настоящими преступниками ему не хотелось.

Время шло. Квадрат света переполз с пола на дверь. За крашеным железом шаркали ноги, лениво переговаривались охранники. От их будничного трепа мерзли ребра: казалось, что это монотонное глухое бормотание за толстой дверью, от которой нет ключа, будет всегда.

Впервые за все время жизни в Аугусте Мауриций захотел домой, в комнату с ободранными обоями и треснувшим стеклом в форточке, с деревянной дверью, где из-под одного облупившегося слоя краски вылезает другой облупившийся слой, где горит свечка перед пожелтевшей пластмассовой фигуркой Иисуса, растерзанного львами на романской арене.

Жизнь растрепала все, что там было, и впиталась в полированый шпон, масляную краску, вытертые ковры, а здесь жизни не было: новая хлопковая роба, идеальная плитка, безупречно стерилизованный металл унитаза, и среди всего этого — несовершенный теплый человечек. Никогда Мауриций не чувствовал себя таким одиноким. Мама веровала, мама могла бы сейчас поговорить с Богом, а Маурицию говорить было не с кем.

С лязгом открылась дверь, и в камеру вошел непривычно смуглый для романа человек в черном кителе с серебряными щитами в петличках. В руках он держал складной стул.

— Здравствуйте, я ваш защитник, советник Александридус, — сказал он.

Зализанными назад курчавыми волосами советник походил на афинских парней, развлекающих богатых приезжих дам. «Александридис», — подумал Мауриций, и его защитник сразу подтвердил догадку:

— Как узнал, что вигилы задержали земляка, сразу вызвался. Эллины своих в беде не бросают, — сказал он и перешел на элинский: — Ты ж, Вардас, из Афин, а я родился на Саламине. Эх, Афины, святая наша столица! Узкие улочки, белые стеночки... Здесь так не хватает этой душевной тесноты.

Советник подался вперед, и Мауриция обдало перегаром.

— Вы пили? — спросил он.

Александридус виновато вздохнул:

— Есть грех. Брат из Салоник привез рецину, здесь такую не купишь. Он у меня известный винодел. Ох, как же пьют наши дорогие земляки... Я уже и отвык. — Он снова перешел на романский: — Ну, вернемся к делу, Вардас.

— Я Варда, — поправил его Мауриций.

— Восторг неофита, — усмехнулся Александридус. — Что ж, Варда так Варда. Дела такие: доказательная база у керберов железная, не подкопаешься. Поэтому смело во всем признаемся. Судьям в глаза смотрим прямо, подбородок вверх, плечи расправить. Этакий легионер перед стадом разъяренных бегемотов — тупой, но храбрый. Твою вину, Варда, отягощает попытка

скрыть следы преступления, но я буду давить на эмоциональное состояние, вызванное твоим страстным желанием стать частью общества. Да, должен спросить: ты все еще гражданин Эллады, на этом основании я могу подать прошение на экстрадицию, тогда тебя будут судить в Афинах, а там суд — считай, что и нет его. Сбитый романский пес им нужен, как ослу панегирики. Правда, о гражданстве, Варда, придется забыть.

Мауриций яростно затряс головой:

— Я приму наказание, отсажу, отслужу, только бы в гражданстве не отказали.

Александридус посмотрел на него, как смотрят на неопасных душевнобольных: с жалостью и легким удивлением.

— «Литавр бой в сияньи меди твой разум помутил...» — прогекламировал он. — Хочешь — получишь. Значит, тянуть не будем, запрошу заседание прямо на завтра.

Челюсть Александридуса поехала вбок, он зажмурился и с трудом удержал ее на месте. Мауриций не хотел, чтобы его защищал пьяный адвокат, засыпающий на ходу, и он решился:

— Я могу попросить другого защитника? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Минуту, — поднял палец Александридус. Он распахнул дверь камеры и окунул взором пустой коридор. — Странно, здесь же должна стоять очередь из лучших адвокатов Эквиция, рвущихся защищать перегрина Варду, приехавшего из благословенной Эллады...

— Мой патрон может нанять...

— У тебя нет патрона, Варда, и работы нет. Ты уволен.

— Как?

— По закону. Если перегрин совершает правонарушение, работодатель имеет право уволить его в одностороннем порядке без предупреждения. Так что, Варда, единственный твой друг в Эквиции — это я, и я же единственные твои надежда и защита. Понял, Варда?

Слово «Варда» защитник говорил слишком часто, громко и резко, со злым удовольствием задиры, хлопающего по щекам

забитого одноклассника. Мауриций и понимал, что разозлило Александридуса, и отказывался его понимать — если ты уже стал романом, зачем тащить за собой свое эллинское прошлое?

В кармане Александридуса завибрировал телефон.

— Да, — сказал он в трубку и сразу расплылся в улыбке. — Калиспера филе му! Перимене эна лепто... (Добрый вечер, дружище! Подожди минутку... [греч.]) — Брат, — пояснил он Маурицию. — Ну, мы с тобой все обсудили, прошение я подам. Суд скорей всего завтра, тут все очень быстро. Будь готов, а меня ждут.

Он вышел из камеры, оживленно обсуждая по-эллински, сколько мяса брать на сувлаки, и сразу вошел молодой охранник. Он был светлым романом, а не смуглым эллином, но чем-то очень напоминал Маркоса — прорастающей щетиной, колким и веселым взглядом, походкой. Так упруго и ловко ходил когда-то брат, и всегда он подшучивал над подпрыгивающей походкой Мауриция, даже после того, как навсегда сел в инвалидное кресло. Они никогда не были близки, временами думалось: убил бы брата, но сейчас до жжения в носу Маурицию захотелось услышать его ехидный голос.

— Нужен Квинту зять-голодранец! — крикнул кто-то из коридора.

— Это мы еще посмотрим! — охранник, подмигнув Маурицию, взял стул и с улыбкой сытого волка вышел за дверь. Мауриций уткнулся в стену, в пустой светло-голубой кафельный квадрат без единой трещинки в расшивке, и зябко подтянул колени.

Утром чья-то рука вцепилась Маурицию в плечо. Он проснулся, как в море с высоты упал — в ушах шумело, сердце билось под горлом, остатки сна с каким-то изможденным, смуглым лицом и черными одеждами разлетелись осколками. Над ним склонился охранник — тот же жених, что забирал накануне стул. Из коридора в темную камеру квадратом падал свет, кто-то покашливал, мерно стукая ложечкой о стекло.

— Заключенный Варда, вставайте, заседание назначено на семь утра.

Дрожа всем телом, Мауриций сполз с кушетки. Зажглись плафоны, и от их больничного сияния стало еще холоднее. Зажмурившись, Мауриций несколько минут грел под теплой водой руки, потом вспомнил, что говорила ему мама однажды зимой, когда у них не осталось ни обола, чтобы оплатить отопление, и сунул под струю локти. Дрожь прошла, он открыл глаза. Из зеркала на него испуганно таращился осунувшийся парень с примятymi кудрями, лицо его оплыло, как у покойника, губы обвисли. Разве таким должен быть Мауриций Варда, будущий гражданин Эквиция, в день своего суда?

Он взял полотенце, насухо вытерся и расправил плечи. Губы еще дрожали, но глаза смотрели прямо. Мауриций заложил руки за спину и выпятил подбородок. От этих простых движений уверенность вернулась. Полгода в тюрьме Эквиция — не так и плохо. Жилье бесплатно, еда — получше, чем то, что он совсем недавно ел в родной Элладе. Отсидит, что положено, может даже выпустят раньше за примерное поведение. Он докажет, что достоин звания гражданина. Он настоящий роман по духу.

Во дворе префектуры его усадили в фургон, повезли по сонным улицам Аугусты, вывернули на почти пустую виа Юстиниана. Солнце висело низко, и лица сидящих напротив охранников то загорались розовым, то серели в тени. Фургон переехал Ринус и подкатил к массивным воротам периметра вокруг Форума.

Его вывели, передали с рук на руки солнному преторианцу в пурпурном мундире. Они прошли пешком по широким, пустым мостовым мимо темного здания сената. От виллы консула тянуло сыростью — в густой тени пустого сада плескалась вода в никому не нужных фонтанах.

На центральном холме доминантой сиял Дворец Правосудия — восьмиэтажный стеклянный куб. Из-за римского портика с трехслойным строем дорических колонн он показался Маурицию распахнувшим пасть кашалотом с детского рисунка. На каждом этаже его крутого стеклянного лба горел яркий свет, везде

были люди: они бегали, стояли, сидели в залах заседаний. Здесь не спали – в единственном здании на Форуме.

Они вошли, кругом стекло: стеклянная стойка с пурпурным преторианцем за ней, стеклянные двери в стеклянных перегородках и сплошное остекление внешних стен без жалюзи и тонировки. Открытость, как главный принцип Республики, воплощенный в архитектуре. Его снова передали с рук на руки, и новый преторианец повел его по длинному коридору, между рядов небольших комнат.

В каждой на стеклянной стене топорщил крылья зоркий орел Эквиция, под ним сидели трое судей в черных тогах, перед их прозрачной трибуной – адвокат и прокурор в одинаковых черных мундирах, у одного в петлицах серебряные щиты, у другого – мечи, а между ними, ярким оранжевым жуком в стеклянном стакане, – подсудимый, и больше никого, только дроны под потолком. Комната за комнатой, и ни одна не пустовала.

В одной из комнат стакан был пуст, в него Мауриция и поместили. Через несколько минут – главный судья успел трижды посмотреть на наручные часы – в комнату вбежал Александридус. Он задержал дыхание, пробегая между прокурором и судейской загородкой, стукнулся бедром о свою стойку, выронил портфель, и не с первого раза ухватил его за ручку. Александридус улыбнулся подзащитному: улыбка косила, глаза смотрели мимо – адвокат был пьян.

– Мы начнем, если у защиты нет возражений? – ядовито осведомился главный судья.

– Да-да-да, прошу прощения у высокого суда, не ожидал, что наше прошение одобрят так быстро и так рано...

Встал правый судья и скороговоркой зачитал с планшета детали дела:

– Высокий суд Республики Эквиций рассмотрит дело о причинении смерти... – Варда вопросительно посмотрел на Александридуса, но защитник был спокоен. – ...перегрин Мауриций Варда, желаете ли вы подать прошение об экстрадиции в Элладу?

— Нет, гражданин судья, — ответил Мауриций. Александридус перевел на него взгляд и вяло кивнул.

«От него ничего не зависит, — напомнил себе Мауриций. — Пьяный, и ладно. Дело ясное! Дело ясное!» — повторял он, но успокоиться не получалось.

Его цилиндрическая кабинка была очень тесной. Фигуры судей расплылись, и Мауриций рукавом робы протер стекло. Механический голос произносил фразы, вникнуть в суть которых никак не получалось. «Восемнадцатое августа... причинение смерти... самовольно оставил... создавая препятствия следствию... интеллект-карты... опубликовано в «Вестнике Сената». Мауриций старался дышать неглубоко, чтобы не потела прозрачная стенка, от этого кружилась голова, и слова судьи, пробивающие сквозь шум в ушах, лишились связности и смысла.

— Контра! — вдруг вскричал Александридус, и Мауриций понял: что-то пошло не по плану.

— Изложите суть возражения, — сказал главный судья.

Мауриций протер стекло. Вся судейская коллегия с недоумением смотрела на Александридуса, а тот дрожащими пальцами листал страницы в планшете. На лысый череп судьи села муха, но он не обратил на нее внимания.

— Этого не было в рассылке! — выкрикнул Александридус.

— Это было в рассылке от восемнадцатого августа, в девять утра, — возразил судья. В полдень того же дня вышел номер «Вестника сената». Значит, к моменту совершения преступления поправка уже вступила в силу.

— Я не знал... Уведомления не было... Если бы мой подзащитный знал...

— То что? Он не стал бы давить собаку? И вообще, защитник Александридус, просветите нас, невежественных судей, по какой статье процессуального кодекса незнание вами законов освобождает вашего подзащитного от ответственности?

— Мы могли подать прошение об экстрадиции.

— Я не согласен с экстрадицией! — возмутился Мауриций.

Судья посмотрел на него с интересом.

— Поведение, достойное настоящего гражданина, — сказал он, и что-то странное слышалось в голосе судьи: то ли восхищение, то ли издевка, то ли и то и другое вместе. — В любом случае отказ от экстрадиции уже зафиксирован в протоколе заседания.

Судья достал из портфеля газету и протянул Александридусу.

— Ознакомьтесь, защитник. Вы, видимо, были очень заняты последние дни и не имели возможности... Берите, берите!

— Спасибо, гражданин судья, я уже нашел в сети.

Мауриций повернулся к адвокату и одними губами спросил:

— Что происходит? — но Александридус отвел глаза.

— Перегрин Мауриций Варда, вы признаете, что в неустановленное время, но не позднее 22:43 восемнадцатого августа, на дублирующем шоссе трассы Аугуста-Констанция на личном автомобиле сбили разумное существо?

— Разумное существо? Я сбил собаку. Она выскочила совершенно неожиданно...

— Ответьте на вопрос!

— Да, признаю. Собаку...

Краем глаза Мауриций уловил движение. Он скосил глаза на Александридуса. Его защитник стоял, закрыв лицо руками и медленно, еле заметно мотал головой.

— Перегрин Мауриций Варда! — повысил голос судья. Муха доползла до его брови. — На основании предоставленных улик и вашего признания, высокий суд Республики Эквиций признает вас виновным... — Мауриций подался вперед, и стекло сразу запотело, — в убийстве разумного существа и приговаривает к смертной казни. Приговор будет приведен в исполнение двадцать второго августа в восемь часов утра. Уведите приговоренного.

— Разумного? Это же был пес... — пролепетал Мауриций.

Александридус спешно, роняя бумаги, набил портфель. Не глядя на подзащитного, он боком проскользнул наружу.

— Защитник! — крикнул главный судья ему в спину. — Вам придется многое объяснить вашему подзащитному.

Муха слетела с его лба и села на стеклянный стол. Второй судья замахнулся «Вестником сената», но главный судья перехватил его руку и покачал головой. Муха доползла до края и улетела. Все вышли, последним уходил прокурор.

— Глупо, но храбро, — сказал он, задержавшись в дверях. — Если Александридус подаст прошение о досрочном предоставлении вам гражданства до казни, я его поддержу.

Почти бесшумный воздушный хлопок от двери, закрывшейся за прокурором, был последним звуком, который Мауриций воспринял и обработал. Все, что было после, походило на пьяный полусон. Мауриция отвели в лифт, команд «налево», «направо», «вперед» и «стоять» он не понимал. Два преторианца, сопровождавшие его, вначале профессионально-сочувствующие, в конце, потеряв терпение, направляли его тычками, щелкали пальцами, махали пурпурными рукавами, один сказал: «Орбита, ответьте Центру», второй: «Браток, тебя ждут на Олимпе, или что у вас там?...», на что первый парировал: «У него рыбка на шее, какой Олимп, придурок?».

Их издевательские реплики влетали в уши и падали зернами, брошенными на асфальт. Преторианцам было бы проще гнать осужденного электрическими хлыстами, как гонят скотину на бойне, но гуманистическая правовая система Эквиция оставила им лишь голые руки и ничего не стоящие слова.

Мауриция доставили в камеру на одном из подземных этажей Дворца Правосудия. Когда дверь за конвойными закрылась, до его ушей долетело:

«Так и не скажешь, что эллин», и ответ: «Мамка, небось, с романом покуыркалась», — еще пара зерен в кучу на окаменевшей коре его мозга.

Утром пришел Александридус — осунувшийся, мрачный, постаревший. Ему пришлось силой поднять Мауриция с кушетки. Он склонился так близко, что стали видны тончайшие капилляры, лопнувшие в белках его глаз, и Мауриций услышал его несвежее дыхание, в котором уже не было ни грана виноградного перегара.

— Варда, к Бахусу, ты не мог сбить этого пса днем раньше? — он перешел на эллинский: — Ну вот правда, зачем это все? Боги, я только начал строить карьеру!

Он суетливо забегал по камере, то влево, то вправо, исчезая за краем зрения и снова появляясь. Его зализанные волосы блестели гелем, изнеженные пальцы с неровным маникюром тянулись к зубам и снова прятались в карманы.

— Восемнадцатого августа римский институт мозга опубликовал статью об интеллектуальном тестировании собак, — сказал он. — По их исследованиям получается, что у собак интеллект, как у трехлетнего ребенка. Боги! «Римские ученые»! Звучит как глупая шутка! Они опубликовали материал в семь утра. В восемь принципс созвал экстренное сетевое совещание.

Он снова возник в поле зрения Мауриция, заслонив противоположную стену лицом с дергающейся в нервном тике щекой.

— Варда, почему ты такой невезучий? Это же недоступно человеческому уму! Эй! Ты меня вообще слышишь?

Александридус защелкал костяшками перед носом Мауриция, и тот, поморщившись, отшатнулся.

— Слышишь, уже хорошо. Ты знаешь, что принципсом в этом месяце выбран председатель сенатской комиссии по защите животных? Это феноменально! Как? Как?! Знаешь, Варда, боги ненавидят тебя! К восьми тридцати утра сенаторы большинством голосов приняли поправку к уголовному кодексу, в девять сделали рассылку, в полдень ее напечатали в «Вестнике сената», и закон вступил в силу. Через десять часов ты сбил собаку! Через! Десять! Часов! Эквиций огромен! За эти десять часов десятки псов сдохли по вине других людей, но ты — чемпион! Ты смог попасться первым!

— Я же не хотел.

— Это могло бы сработать, если бы не было превышения скорости. Эксперты замерили тормозной след, ты ехал слишком быстро.

— Что со мной будет?

— Казнь. Я подал апелляцию, но это бесполезно. В кулуарах уже обсуждают твой случай. Вряд ли это тебя утешит, но первое

правоприменение нового закона получило твое имя: «Казус Варды», а моя фамилия теперь навеки рядом!

Он застонал:

— К Аиду такую славу! Удовлетворить апелляцию сейчас — создать прецедент, который даст возможность другим нарушителям избежать ответственности. На это сенат не пойдет.

— А консул?

— Тем более!

Мауриций подобрал босые ноги, по-улиточни медленно свернулся в клубок и отвернулся к стене.

— Варда! Я с тобой разговариваю! — окрикнул его Александридус.

— Зачем? Вы меня уже убили, — тихо сказал Мауриций светло-голубому кафельному квадрату.

Несколько секунд он слышал напряженное сопение адвоката за спиной, потом лязгнул замок, и камера опустела.

Утром открылась дверь. В проеме показалась мать, за ее спиной мелькнуло и пропало перекошенное лицо Александридуса.

— Мама? — удивился Мауриций.

Хлоя Вардас вошла в камеру. Охранник поставил складной стул и удалился. Мауриций соскочил с кушетки и пошатнулся — ослабевшие колени не желали держаться прямо. Мама шагнула вперед и порывисто обняла, слабые пальцы до судороги сжали его плечи. Через несколько секунд Хлоя Вардас высвободилась и опустилась на стул.

— Присядь, — она запнулась и твердо сказала: — Мауриций.

Он повиновался. Мама сидела перед ним неестественно прямо, с губами, сжатыми в тонкую линию, с сухими красными глазами.

— Господин Александридус...

— Мам, здесь говорят «гражданин»...

— Гражданин Александридус сказал, что сегодня вечером ты станешь гражданином Эквиия.

— Зачем это ему?

— Он беспокоится о тебе.

— Завтра меня казнят, мама, меня убьют по его вине.

Хлоя моргнула. Пальцы ее сухих рук разжались и вновь обхватили колени.

— Мой сын, ты совершил преступление и за него понесешь наказание, — сказала она почти твердо, только трудно разомкнулись скатые зубы и еле заметно дрогнул голос перед последним словом.

— Мам, я нечаянно сбил пса на темной дороге.

— Закон суров, но это закон. — Хлоя повысила голос: — Ни я, ни мой старший сын, не стали бы носиться на машине с такой скоростью!

Мауриций опустился перед ней на колени, уткнулся лицом в ее ноги.

— Мам, это же не ты, это сон. — Но душный запах розмарина и апельсиновой цедры, из которой Хлоя делала ароматные подушечки для одежды — аромат, которым всегда пахла редкая ее нежность, разбил надежду.

Мамина рука, бледная до пепельной серости, повисла на мгновение над его головой, и все же опустилась.

— Сынок, господин... гражданин Александридус сказал, что мы с Маркусом можем получить гражданство Эквиция, он поможет. Сказал, что теперь у нас есть основание. Маркус будет получать пенсию по инвалидности, она здесь такая большая, что даже не верится. А еще господин Александридус сказал, что Маркуса могут положить на лечение в больницу. Может быть, он даже начнет ходить. Здесь лучшие врачи в мире.

— Мама...

Пальцы Хлои сдавили его затылок.

— Нас поселили в гостинице на виа Юстиниана. Там есть пандусы для инвалидной коляски. Представляешь? Они даже об этом подумали. Еду нам приносят в номер, еда очень вкусная. В Афинах так и экзарха не кормят. Еще в номере есть большой телевизор. Мы с Маркусом романского не знаем, так, пред-

ставляешь, сотрудник гостиницы что-то сделал, и теперь внизу идет перевод на эллинский. Но мы учим романский, и Маркус учит, он очень старательный, совсем как ты.

— Уже Маркус?

— Ну ты же Мауриций. Маркус просил тебе передать, что он ошибался. Я не знаю, что это значит, у вас с ним свои секреты.

— Я тоже, мам. Он очень во многом ошибался, про что он сейчас говорит, я не знаю. Мама! — он преодолел слабое сопротивление пальцев Хлои и поднял на нее глаза. — Завтра я умру.

Хлоя вскочила, в два стремительных шага она подошла к двери, замахнулась кулаком, запнулась и постучала аккуратно, костяшками. За дверью снова мелькнуло лицо Александридуса. Не оборачиваясь, с болезненно-прямой спиной она вышла из камеры, дверь хлопнула, а Мауриций остался сидеть перед стулом, все еще не веря, что это не сон, хоть и запах розмарина с цедрой пока не выветрился, и боль в коленях была настоящей.

Вечером ужин принес не охранник, а сам Александридус. Он поставил поднос на столик и снял крышку.

— У тебя сегодня печеная барбунья. Ел барбунью? Наверное нет: она и в Эквиции дорогая, а в Элладе и вовсе мало кому по карману.

Мауриций лежал спиной к нему, и не хотел ни есть, ни спать, ни разговаривать. Он был ячменным зернышком, медленно сползающим в жерло мельницы — карабкаться вверх было нечем, останавливать механизм никто не собирался, оставалось смотреть в лязгающую темноту, которая была все ближе. После матери приходил сенатский чиновник с новым паспортом. То, о чем он так сильно мечтал, теперь валялось на тумбочке. За ним преторианец принес вечерний чай со свежевыпеченными булочками, следом — врач, снять электрокардиограмму. Варда заглядывал им в глаза, искал в них хоть каплю ужаса от осознания того факта, что завтра утром его — молодого, здорового, жизни не видавшего, не полюбившего, не оставившего потомства — убьют, но все они были

спокойны и деловиты: мельница мелет, перемелет — мука будет, из муки лепешек напекут.

Александридус потряс Мауриция за плечо.

— Варда, поговори со мной. В конце концов я многое сделал. Я оплатил перелет твоих родных, поселил в отеле за свой счет, добился гражданства для тебя, помогу получить им, поддержу первое время.

— Вам это зачем? — спросил Мауриций, не поворачиваясь.

— Представь, и у меня есть совесть, и она тоже любит взятки. Варда, послушай меня. Всегда есть надежда, даже сейчас. Перед казнью подключится консул, если он поднимет большой палец вверх, ты будешь помилован. Я не хочу тебя зря обнадеживать, но такие случаи были.

Мауриций спустил ноги и недоверчиво посмотрел на Александридуса.

— Да, это редко, но бывает. — Защитник поставил ему на колени поднос. — Ешь, вид у тебя, будто всю кровь высосали. Погляди на эту рыбку, Варда. Пока она плавает в море — рыба, как рыба, но когда ее вылавливают, когда она на палубе бьется в агонии, чешуя покрывается пурпурными пятнами. Стать пурпурным без боли не выйдет. Если ты не родился в Эквиции, за гражданство придется через многое пройти и многое отдать. Я тоже мучился, как эта рыба, ради пластиковой карточки с золотым орлом.

— И что ты отдал?

— Неважно. Раны зажили, а шрамы не болят.

Мауриций вилкой подцепил кусок рыбы и отправил в рот.

— Как твой брат? — спросил он, дожевав.

— Уехал. Сказал, что я стал надменным и скучным, как настоящий роман. Да и пусть катится! Два дня наслаждаюсь тишиной! Варда, я буду молиться, чтобы консул тебя помиловал. Не сердись, но твоя матушка — не самый легкий человек, а Маркос все время смотрит так, будто прикидывает, куда мне нож воткнуть. Ты совсем не такой. Да ты и не похож на них. Может, ты подкидыш? Ты улыбаешься, Варда, жуешь и улыбаешься, и я те-

перь рад. Я с удовольствием верну тебе заботы о твоей семье. Никогда и ничего в жизни я не хотел сильнее.

Сквозь легкую ткань светит солнце, оно яркое, а нити черные-черные, но видно, как они переплетены, а в дырочки между ними льется свет. Свету тесно в узких промежутках. Каждый лучик — как мохнатая звездочка в ночном небе, много-много звезд на черной ткани маминого платка. У мамы лицо совсем молодое в тени и старое в резком солнечном свете, там видны все мелкие морщинки. Шевелятся ее губы, шепчут что-то непонятное: какой-то Иисус, чей-то отец, какие-то муки за какие-то грехи.

Маврикий тоже часто мучается. В среду он разбил коленку, а в пятницу его заставляли есть кокореци. Мама говорит, что это вкусно и полезно, но он совсем не вкусный. Мама заставила его съесть два кусочка, и потом его тошнило. А в субботу Маврикий стащил две больших лепешки, спрятался в кладовке и съел их, и потом у него очень сильно болел живот. Мама отвезла его в больницу, там ему сделали клизму. Маврикий знает про муки все, может даже больше Иисуса. Иисус мучился за грехи, а у Маврикия грехов нет, он мучается просто так.

«Все, я устала, — говорит мама и опускает Маврикия на землю. — Беги, — говорит, — вон дедушка идет».

Маврикий не знал, что у него есть дедушка. Дедушка — это как старый и добрый папа, дедушки есть у всех мальчиков на детской площадке, а у него нет дедушки, и папы тоже нет... А теперь, оказывается, есть? Маврикий стоит в траве, сухие колоски щекочут голые коленки. Он прикрывается от солнца рукой: впереди много травы, а потом растут деревья, под ними темно. Оттуда выходит кто-то черный и идет к нему.

— Беги, что стоишь? — говорит мама и шлепает его по спине, но Маврикию страшно, он хватается за мамин платок.

На маме большой черный платок и черное платье, и на дедушке черное платье и черный платок. Дедушка похож на черную цаплю, идет — вперед качается, как клюнуть хочет. Ног под

черным платьем не видно, но Маврикий знает: там серые морщинистые лапы с острыми когтями.

— Ну не бойся, Маврос, ты уже большой! Дедушка добрый, дедушка тебя любит. Беги! — говорит мама.

Маврикий храбрый, он ничего не боится — ни кошек, ни ужолов. Он отпускает мамин платок и делает шаг. Дедушка улыбается, его коричневое лицо сжимается, глаза прячутся в морщинках, и он больше не похож на цаплю, он похож на папу, только доброго и старого. Теперь у Маврикия тоже есть дедушка, он пойдет с Мавриkiem на детскую площадку и всем там покажет. Маврикий бежит, что есть силы. Сухие стебли больно бьют по ногам, а дедушка раскрывает черные крылья и машет ими. У других дедушек нет таких крыльев.

— Не спиши так, Мавраки, а то успеешь, — смеется дедушка.

Маврикий с разбегу утыкается головой в дедушкин живот, он твердый, как старый хлеб, и пахнет похоже — кисло, с плесенью, землей он пахнет, и сеном с сухими цветами. Сзади шуршит подол по траве — подходит мама.

— Здравствуй, Маврикий, — говорит мама, только смотрит не на Маврикия, а на дедушку, а дедушка говорит:

— Здравствуй, Хлоя.

Потом они говорят что-то непонятное: про усачей, про поезд, про мост, про подарки. Подарки Маврикий любит, дедушка Маврикий, конечно же, тоже. Потом мама говорит, что подарки принесет Маркос, а дедушка говорит, что ему это не нравится, а мама говорит, что больше некому. Маврикий говорит, что хочет тоже приносить подарки, и дедушка веселится, а мама грустит.

Мама говорит:

— Пойди, погуляй, Маврос! Нам с дедушкой поговорить надо.

У ее ног стоит большая корзина, оттуда пахнет лепешкой и колбасой, это вкусно, а еще Маврикий слышит запах кокореци, и ему жалко дедушку, потому что ему придется есть эту гадость. Он не хочет отходить и заворачивается в дедушкино платье, а дедушка смеется и гладит его по голове и говорит, что он маленький и ничего не поймет, а он все понял: Маркос ночью при-

несет подарок усачам к мосту, где ходит поезд. Вот усачи обращаются! Лучше бы Маврикию подарил, брат называется! Потом мама говорит, что надо уходить, а дедушка поднимает Маврикия в воздух и прижимает к себе, на нем не платок, а капюшон, а под ним черная шапочка, и на капюшоне нарисована большая белая рыба и много каких-то непонятных значков.

— Прощай, Мавраки, — говорит дедушка, и Маврикий понимает, что на детскую площадку он с ним не пойдет, и никто не узнает, что у него есть такой дедушка. Горячие слезы текут по щекам Маврикия, а дедушка гладит его по голове. — Ну-ну, — говорит он, — со слезами утекает сила, — и Маврикий жмурится, чтобы ни капли силы из него вытекло. Мама берет его за плечи.

— Маврикий, — говорит она, — нам пора. — Ее голос густеет: — Маурикий... Мауриций... заключенный Мауриций Варда, проснитесь!

Мауриций проснулся. Никакая это была не мама — Хлоя Вардас сейчас спала в своем отеле. Над ним стоял преторианец. Его лицо над темно-пурпурной накрахмаленной стойкой в полу-тьме сливалось с плиткой.

— Приводите себя в порядок, жду вас снаружи, — сказал он и вышел.

Пока Мауриций чистил зубы, он вспоминал свой странный сон, и чем больше думал, тем меньше он походил на сон. Мауриций ничего не знал про дедушку по имени Маврикий, не помнил почти ничего из детства. В первом детском воспоминании он вышел из афинской подземки, держа маму и брата за руки, а вокруг прыгали и кричали люди. Они стреляли из ружей в воздух и махали флагами с синими крестами на белом поле. Это поле, лес, этого старика-схимника он не помнил, и ни разу не видел маму в черном платье, замотанную в черный платок до земли.

Получается, назвали его в честь деда, монаха, партизанившего в лесах под Афинами, но чьим он был отцом? Так вот откуда имя, которое он ненавидел, имя, за которое его, светлокожего блондина, в школе дразнили арапом!

— Заключенный Варда, вы скоро? — окликнули его из коридора.

Преторианец в коридоре нервничал, ему надо было куда-то вести арестанта, кому-то передавать, а Маурицию это нужно не было. Он мог спокойно хоть по минуте чистить каждый зуб, потом проработать зубной нитью каждую щель между ними, не спеша полоскать горло и греть локти в теплой воде. Когдана будь терпение преторианца иссякнет, и он применит силу, но до этого пройдет еще несколько бесконечно долгих минут свободы.

Мауриций плеснул в глаза и поднял голову. Он крепко сжал зубы и сильно напряг щеки. Он давил, и нехотя, постепенно, губы растянулись в улыбке — деревянной, натянутой, но Мауриций удержал ее достаточно долго, чтобы она превратилась в настоящую и оставалась на губах уже без всяких усилий. Он улыбался.

Он представил, как выйдет сейчас к нетерпеливому охраннику, гордый и сияющий, и как вытянется у того лицо под форменной фуражкой, и он проникнется уважением к гражданину Варде или даже восхищением... Или подумает, что Варда свихнулся... А если Варда сумасшедший, то его надо отправить на освидетельствование, и сумасшедших, наверное, не казнят... Какой смысл казнить сумасшедшего? Его обследуют и отправят в психиатрическую клинику. Там будет мягкая койка и питание по расписанию, и кусок неба в окне, и мама с Маркосом смогут навещать его...

Гордо расправленные плечи поникли, щеки обмякли, губы затряслись. Сила вытекла из тела Мауриция, хоть он и не проронил ни слезинки. Шаркая ногами, словно древний старик, он вышел из камеры. В проеме его качнуло, и преторианец заботливо подхватил Мауриция под локоть.

— Вам плохо? — спросил он. — Вы очень бледны.

Мауриций хотел ответить, но не смог. Вытаращив глаза, он хватал ртом пропавший воздух: газовый пузырь распер его горло — ни вдохнуть, не выдохнуть.

Преторианец отвел его к врачу, уложил на кушетку. Доктор посчитал пульс, заглянул под веко.

— Ну и ничего страшного не случилось, обыкновенная паническая атака. Для приговоренного обычное дело.

— Вы что тут новенький? — спросил он у охранника.

Преторианец кивнул, не сводя глаз с бледного Мауриция. Доктор набрал лекарство в шприц и закатил рукав его робы.

— Вам, может, тоже, для спокойствия? — он покрутил шприцом в воздухе, но преторианец замотал головой.

— Что вы собираетесь мне колоть? — Мауриций вжался в стену, подальше от сверкающей иглы.

— Ну вот и голос прорезался — значит, все прошло. Ну что, Варда, в обморок падать будем? Нет? Ну и хорошо. Давайте руку.

— Что у вас в шприце? — Варда прижал руку к телу и неподслушными пальцами раскатал рукав обратно.

— Успокоительное и витамины. Это поможет вам справиться со стрессовой ситуацией.

— Стressовой ситуацией? — взвизгнул Мауриций. — Вы называете это стрессовой ситуацией?!

— Так, — нахмурился доктор, — только истерик мне тут не хватало! Возьмите себя в руки, Варда! Вы гражданин, не теряйте достоинство! Постойте, вы думаете, что я вас отравить решил? Вы думаете, что это я приведу приговор в исполнение? Дорогой мой Варда, если бы я был палачом, приговоренные умирали бы мгновенно и безболезненно, но это лишило бы институт казни ограничительной функции. Представьте, сколько б невинного народу полегло! Это ж мечта суицидника, за такое и убить кого-нибудь не жалко! Нет, казнят вас иначе.

— Как?

— Не знаю. В каждом случае решение принимают индивидуально. Давайте руку, Варда. Все, что я хочу — это помочь вам. Давайте, давайте. Успокоим гормональный штурм. Поверьте, Варда, перед консулом спину лучше держать прямо.

Он умело нащупал иглой вену и впрыснул лекарство, залепил прокол пластирем.

— Все, идите на ЭКГ.

Мауриций побрел к выходу, но задержался в дверях.

— Доктор, как вы тут работаете?

— От Луны до Венеры — с девяты до семнадцати с двумя получасовыми перерывами на трапезу, — невозмутимо ответил доктор.

— Я не об этом...

— А я об этом. Идите.

В следующем кабинете ему сняли кардиограмму. Временами Маурицию казалось, что ничего еще не было, и он просто проходит медкомиссию перед вылетом в Эквиций, он может просто уйти отсюда и вернуться домой, живым и здоровым, но следом глаз замечал несоответствия: дорогой ремонт, новое оборудование, современные компьютеры, и возвращался шум в ушах, и сразу тяжелели ноги.

В очередном кабинете — полумрак, на стенах картины в напыщенных золотых рамках, в драгоценных курильницах дымятся шарики ладана, и деревянный Иесус по центру, расписанный свежей краской, тянет к нему окровавленные руки.

Мауриций сложил ладони лодочкой и коснулся их губами, принимая искупительную кровь. Из-за алтаря, похожего на золотой слиток размером с саркофаг, вышел священник в золотой ризе, в тиаре с оскаленной львиной пастью. Он протянул Маурицию руку, унизанную перстнями.

— Я схизматик, — сказал Мауриций. Он давно не думал о Боге, но рыбку на шее по привычке носил.

— Бог един, дитя мое, — мягко ответил священник. В его голосе и отпускающем жесте — спокойствие и уверенность благополучных веков.

В Риме у их Папы огромный дворец, битком набитый золотом, а эллинский Патриарх сидит в Константинопольской тюрьме. Эллинские священники служат в землянках, на лесных полях

нах, улицах — там, куда позовут. Они носят одинаковые черные одежды, от попа до епископа, они не строят храмов, не касаются денег. Даже когда Эллада стала свободной, привычка не обрасти земным, материальным, осталась — в ней немытые эллины в дырявых рясах находят близость к Богу.

— Господь да будет в сердце твоем. Когда в последний раз ты был на исповеди, дитя мое? — бархатным голосом спросил священник.

Мауриций должен был встать на колени, и не смог — они не согнулись. Пальцы романского священника нетерпеливо постучали перстнями.

— Дитя мое?..

Ладанный душный полумрак заполнил легкие Мауриция, он затряс головой, но стало только хуже — его замутило.

— Я не могу, простите... — просипел он и выбежал в коридор. Преторианцы удивленно переглянулись и повели его дальше.

Бесконечный коридор закончился стальной дверью с запорным штурвалом. Перед ней — деревянное кресло с колодками. Мауриция усадили, закрепили, и преторианец сковал ему ноги цепью. К цепи крепился стальной трос с толстым кольцом.

— Зачем это? — спросил Мауриций.

— Таков порядок, — сухо ответил преторианец. — Вставайте, заключенный Варда.

Он сунул ему в руки кольцо, и Мауриций чуть его не уронил.

— Тяжелое, — попытался улыбнуться он.

— Пятьдесят фунтов, — сказал преторианец. — Донесете, тут недалеко. Не мне ж его вместо вас таскать.

Босой Мауриций подошел к двери, тапки остались лежать у кресла. Преторианцы двинулись в обратную сторону. Медленно, с масляным лязгом, повернулся штурвал. Мауриций сжался. Он по-прежнему не знал, что его ждет: поток воды, а, может, дикие звери, вроде тех, что растерзали Иесуса на арене в Антиохии. Он обернулся, но преторианцы спокойным шагом уходили вдаль по коридору. Дверь откатилась внутрь и сдвинулась вбок, и Мауриций переступил порог зала,

залитого ослепительным светом. Вперед уходила толстая белая линия.

— Идите вперед по линии и встаньте в круг, — приказал чей-то голос.

Перехватив поудобнее кольцо, Мауриций двинулся вперед. Только надежда на помилование заставляла его передвигать обескровленные ноги. В ярком свете прожекторов бетон казался белым, полоса под ногами болезненно сияла. В уши лезло настойчивое жужжание, будто огромное облако шершней висело у него над головой, но сколько Мауриций ни вглядывался, разглядеть что-то в плотном до вязкости свете не получалось.

— Стойте, Варда! Шаг назад! — с привычно-усталым раздражением приказал голос и добавил негромко в сторону: — Каждый раз одно и то же! Света им, может, не хватает?

Кто-то хохотнул, послышалось несколько сухих хлопков.

Мауриций растерянно оглянулся. В шаге за ним остался белый круг со щелью посередине.

— Заключенный Варда, вернитесь в круг и вставьте кольцо в прорезь!

— Зачем? — спросил Мауриций.

— Затем, что таков порядок! — отрезал голос.

Мауриций осторожно опустил кольцо в щель. Лязгнул металл. Он дернулся, но кольцо оказалось заблокировано намертво.

«Если б помилование зависело от него, меня б точно казнили!» — подумал Мауриций, и сразу в голову пришла пугающая мысль: «А вдруг это и есть консул?».

— Гражданин Мауриций Варда! Вы стали причиной гибели разумного существа. Осознаете свою вину?

Мауриций оставил кольцо в покое и выпрямился. Свет был сверху, где-то за этой белой пеленой жужжали невидимые осы, негромко переговаривались, покашливали, шуршали бумажками невидимые люди.

— Да, гражданин... — он запнулся.

— Судья, — подсказал ему голос.

-
- Да, гражданин судья, виновен и готов понести заслуженное наказание.
 - Неплохо держится, — сказал мужской голос.
 - Такой хорошенъкий! — умилился женский голос.
 - Гриппа, лучше меня не зли!
 - Граждане, тут не место для семейных сцен! — возмутился кто-то.

— Что ж, пусть решится ваша судьба, Мауриций Варда, — сказал судья. — Консул Республики Эквиций Гней Домиций Венатор!

Резко погас свет. Прямо над головой послышался сдавленный шепот судьи: «О боги! Гриппа! Ну не здесь же!». Прошла минута, другая. Постепенно глаза привыкли к темноте, из сплошной черноты простирали круговая галерея, заполненная стоящими людьми, и кольцо дронов, висящее перед ними, а за плечами Мауриция, на высоте футов пятнадцати, балкон. Даже по лицам, подсвеченным золотисто-пурпурным сиянием, был виден их статус. Узнал Мауриций и судью. Впереди загорелся большой экран с золотым орлом на пурпурном фоне. Лица резко побелели, и судья сказал: «Доброе утро, гражданин консул».

Мужчина в мятом спортивном костюме угрюмо посмотрел в камеру. Мауриций не сразу узнал консула Эквиция, так сильно он отличался от обычной картинки на экране.

— Гражданин Республики Эквиций Мауриций Варда восемнадцатого августа на шоссе-дублере между...

Договорить судья не успел. Закатив глаза, консул ударил по какой-то кнопке, экран погас, на нем появилось изображение руки с опущенным вниз большим пальцем.

— Э-эм... Спасибо, гражданин консул! — сказал судья. — Что ж, пусть свершится правосудие.

— Подождите! — закричал Мауриций. — Как?! Почему? Он же даже не выслушал! Он даже не глянул в мою сторону!

— Приговоренный Варда, не устраивайте сцен! Вы сами видели — в помиловании отказано.

— Стойте, так нельзя! Какое же это правосудие?! За что вы меня хотите убить? Эта собака сама выскочила мне под колеса!

Мауриций вглядывался в лица стоящих на балконе, но на таком расстоянии они казались мертвыми масками. Несколько дронов, висевших вдоль галереи, нырнули вниз. Один завис прямо перед ним. Руку на экране сменило растерянное лицо Мауриция.

— Варда, вы же взрослый человек, должны понимать, что ваши выкрики ничего не изменят, — сказал судья.

— Квинт, ты не взял воды? — промурлыкала красивая романка, прижавшаяся к его боку.

— Ты не просила, Гриппа, — раздраженно ответил он.

— А сам догадаться не мог? — Гриппа надула губы.

— Это ненадолго, не засохнешь!

— Ну Квинт...

— Гражданин судья, я тут! Вы про меня не забыли?

Мауриций помахал рукой. На него снова волной накатило чувство свободы, как в те минуты этим утром, когда охранник ждал его за дверью камеры. Он был свободнее всех этих разодетых романов наверху — у них впереди неизвестность, а ему известно все. Что бы он ни сказал и что бы ни сделал, ничего не изменится, а им надо думать о своих словах и поступках. Жаль, свобода его была заключена в круге футов четырех в диаметре — на сколько хватало цепи.

Дроны включили фары, лицо Мауриция заполнило экран, засияли золотистым свечением густые кудри, солнечный отблеск лег на бетон, подсветил трибуны. Под экраном, в контрастной тени, угадывались массивные ворота, похожие на гермозатвор суба. Белая полоса ныряла под них.

— Гражданин судья, вам нравится убивать невиновных?

Судья повернулся к кому-то сзади:

— Советник, у вас дело Варды в руках? Посмотрите, пожалуйста, не было ли у убитого травматической ампутации языка?

На балконе загорелся огонек, осветил лицо Александридуса, зашуршали бумаги, рядом возникли и исчезли несколько любопытных лиц.

— Н-нет, гражданин судья, — услышал Мауриций испуганный голос Александридуса.

— Значит не будем изобретать колесницу. Офицер, заклейте приговоренному рот.

Застучали тяжелые шаги по ступеням, чьи-то крепкие руки сжали голову Мауриция, треснула, разрываясь, липкая лента.

— Хотите что-то сказать перед тем, как замолчите навсегда? — спросил судья.

— Да! — выкрикнул Мауриций.

— Говорите, Варда, только коротко.

— Я Маврикий Вардас!

В Германике, в инсуле восемнадцать-дзета, на тридцать втором ее этаже не прдохнуть. В круглом зале, где стены утыканы люками капсул в три ряда, столпились эллины. Они сгрудились перед старой панелью с круглым пятном от резиновой пули. На весь экран, крупным планом — лицо парня. Золотистые кудрявые волосы слиплись, на кончике носа висит капля пота, губы дрожат. Он смотрит в камеру, пурпурный отблеск красит его кожу в бронзу, темнит голубые глаза.

— Я Маврикий Вардас! — говорит он, и комната взрывается.

Что их так обрадовало — Аид не разберет, но эллины больше не могут стоять на месте. Пара рук стучит по столу, отбивая ритм быстрой, чем надо, но медленней сейчас не выйдет. Смуглые пальцы хватают смуглые плечи, смуглые ноги бьют носками в пол, кружится цепочка эллинов по круглой площадке в древнем боевом танце кассапико.

Грузный эллин, обреченно и радостно вздыхая, тащит из своей капсулы картонную коробку, достает тарелки. Завтра их заказчику везти, но пусть в Тартар катится, сейчас нужнее.

— Эллада! — ревут в голос все, когда он водружаet стопку на колено.

Цепь замкнулась в неровное кольцо — где-то двойное, где-то тройное — очень тесно. Льется со смуглых тел пот, пятнает пол, барабанит барабанщик по столу, толстяк тарелки колотит

на колене, стопкой, одну за одной, под хриплые крики. Ударная тарелка у эллина зажата в пальцах, на них широкие незагорелые полоски от перстней, и губа, презрительно надутая, поджалась, и в глазах больше нет того высокомерия, с каким он шел за служащим аэропорта в день прилета в Августу — только серые белки и лопнувшие капилляры.

— Свобода или смерть! — орут десятки глоток, как только разлетается об пол последняя тарелка, этот клич несется, стихая, по этажам через вентиляционные трубы и шахты лифтов, и османы гуськом, роняя тапки, бегут по решетчатым переходам в другую инсулу, где нет беспокойных эллинов, на всякий случай.

— Это очень ценная для всех нас информация, — сказал судья. — Заклеивайте!

— Насколько я помню детали дела, у убитого не был заклеен рот... пасть.

— Прокурор, оставьте это крючкотворство! Мы руководствуемся в первую очередь духом, а не буквой закона. Советник Александридус, вы хорошо себя чувствуете? Бледный, аж светитесь.

— Я в полном порядке, гражданин судья, просто тут очень душно.

— У кого есть вода? Дайте попить советнику.

— Я ж говорила, Квинт!

— Гриппа, уgomонись, добром прошу!

— Потрясающе! — восклицает бывший патрон Мауриция.

Он протягивает бокал с вином молодому светловолосому юноше. Юноша бледен и смущен, он сидит на самом краешке огромного кожаного дивана.

— Берите, Даго, — подбадривает патрон подчиненного. — Это прекрасное вино с вашей родины — с юга Галлии.

Даго берет вино, и держит бокал осторожно, за ножку, не решаясь коснуться губами. Он не сводит глаз с лица, запол-

нившего весь экран перед ним. Лицо смутно знакомо. Кажется, Даго несколько раз ездил с этим парнем в лифте. Картинка очень четкая: видны мельчайшие бисеринки пота, сплипшиеся брови, даже крошечная осинка на скуле под правым глазом, даже отпечаток грязного пальца на сантехническом скотче, которым заклеен его рот.

— Как вам это нравится, Даго? «Я Маврикий Вардас»! Какая черная неблагодарность!

— Это бумаги, которые вы просили... — Даго робко протягивает патрону папку.

— Да положите их на столик, потом, все потом! Посмотрите на это лицо, Даго! Какой печальный конец! А я ведь все для него сделал! Я дал ему жилье, выплачивал премии, даже подал прошение на досрочное получение гражданства! Он так мечтал стать гражданином! И что в итоге? «Маврикий Вардас»! Маврикий! Вардас! — повторил патрон, рукой отчеркивая каждое слово.

Он упал на диван, вино выплеснулось на кожаную обивку. — Эллин может уехать из Эллады, но Эллада эллина никогда не покинет, — сказал он с горечью. — Хорошо, что вы галл, Даго. Я верю в галлов. Галлы умнее, культурнее, ближе к нам, романам. Будьте умнее Вардаса, Даго, и недолго пробудете перегрином.

Последние слова отдаются эхом в ушах, Даго пытается спрятаться с волнением, но его грудь слишком сильно раздувается под тонкой тканью. Лицо на экране расплывается, Даго слышит тихий шелест золотых перьев, под ноги падает пурпурная тень — это орел Эквиция расправляет крылья над его головой.

В темноте под экраном лязгнул металл, шумно выдохнула пневматика. Дрон слепил глаза, и что там происходит за его угловатым корпусом — не разглядеть. Маврикий отвернулся, посмотрел наверх, на нависающий над ним балкон, там стояли романы, тесно, плечом к плечу. Подавшись вперед, они крепко сжимали поручень. Они, жадно раскрыв глаза, нависли над краем, всматривались, стараясь не упустить ни одного фотона, за-

помнить навсегда эту сцену: на круглой арене, залитой золотистым отраженным светом, маленький человечек в оранжевой робе, прикованный к кольцу. Те, кто не смог пробиться к ограждению, тянули шеи во втором ряду. Александридуса среди них не было.

В памяти всплыло еще одно почти стертное воспоминание: маленький Маврикий – в афинском зоопарке, перед толстым стеклом, а за ним – стая степных волков. Звери стоят, нетерпеливо переминаясь, роняют слону с вываленных языков на рыжий песок. «Мама! Собачки мне улыбаются!» – кричит Маврикий и кладет ладошку на стекло, и сразу несколько носов утыкаются с той стороны, жадно стучат клыками по преграде. «Они не улыбаются, мой малыш, они хотят тебя съесть,» – говорит Хлоя Вардас.

Глаза богатых и благополучных романов, собравшихся здесь, таращаются от голода, их голод острее, чем у давно не кормленных степных волков в афинском вольере. От него пальцы до судороги вцепляются в поручень – чтобы была опора, когда ослабнут колени, как только голод будет утолен. Помилования не могло быть не потому, что оно противоречит системе правосудия Эквиция, а потому что не кормить хищников опасно.

Снова лязгнул металл под экраном, но разглядеть, что там, за провалом между створками гермозатвора, Маврикий по-прежнему не мог. В темноте коротко рыкнуло, и Маврикий подумал, что его растерзают львы, значит, смерть будет мучительной и долгой, и даже облегчить боль криком из-за проклятого скотча он не сможет.

На экранах пассажиров в субах Аугусты, Рима, Лютеции, Лондры, Помпеи, Александрии, Антиохии, Вавилона, Иршалаима, на гигантских панелях городских площадей, на телевизорах в комнатах роскошных вилл и общих залах капсульных инсул для бедноты – везде Мауриций Варда.

В пятом классе школы при сенате Лукреция Севера всматривается в лица детей, они ничего не замечают, они смотрят толь-

ко на экран. В глазах ее учеников есть жадность, высокомерие, ожидание, презрение, нет только страха, и Лукреция одобрительно улыбается — она хороший учитель.

В уютной студии с видом на башни Базилеи, в кресле перед телевизором сидит Левий Игнаций. Он небрит и всклокочен, под ногами валяется бутылка из-под крепленого фалернского — адское пойло, быка свалит, но Левий вскрывает вторую, хлещет спиртуозную маслянную жидкость прямо из горлышка, давится, вытирает ладонью лицо.

— Дурак! Дурак! Дурак! — стонет он и молотит кулаком по колену. Перед ним — телевизор, там — крупно, на весь экран, лицо его соседа с заклеенным ртом. За окном зависает дрон.

— Что? — кричит Левий дрону. — Я дома! Я ничего не нарушаю! Дома можно!

Слезы градом катятся по небритым щекам, Левий запрокидывает голову, моргает, сбрасывая крупные капли.

— Слезы — потому что насморк у меня! — всхлипывает он, — Насморк! Аллергический! — и дрон вызывает терапевта на дом к гражданину Эквиция Левию Игнацию.

Окончательная ясность наступила, теперь жизнь стала прямой и идеально белой линией от босых ног Маврикия до обрубленной морды грузовика, и осталось ее всего полстадия, чуть больше сотни шагов. Взревел мотор, зажужжали лопастями дроны, разлетаясь подальше. Свет двух мощных фар ударил в глаза Маврикию. Прикрыл глаза ладонью, он накрутил трос на руку, насколько хватило длины. Потянул медленно, дернул с оттяжкой, дернул сильнее, до крови — никакого толку, кольцо намертво зажато в щели.

Грузовик сдал назад, будто присел на задние ноги носорог перед тем, как ринуться в атаку. Маврикий кинулся в одну сторону, в другую — цепь не пускала его дальше пары футов. Шанса увернуться от грузовика не было.

Картина на экране сменилась, теперь Маврикий увидел себя на расстоянии, в конце прямой белой линии, с перекошен-

ным от ужаса лицом, дергающего цепь, мечущегося на привязи. Гул разложился, Маврикий услышал все: рев разогревающегося двигателя, дробный рокот электромоторов дронов, тяжелое дыхание сотен людей в этом зале и миллионов за его пределами. Он отпустил трос.

Взвизгнули шины, и грузовик сорвался с места. Маврикий опустился на колени, уперся руками в бетон. В этой позе не было покорности: так израненный бык, загнанный в угол, выставив рога встречает смерть. Маврикий исподлобья, не жмурясь, смотрел на увеличивающиеся ослепительно-белые круги, мышцы напряглись до каменной твердости.

Оранжевый человечек на экране, залитый светом фар, стремительно приближался.

В номере дорогоого отеля на виа Юстиниана перед большим телевизором сидит Хлоя Вардас. Маркос накрыл ее руку своей.

— Смотри чуть выше экрана, — едва шевеля губами говорит он.

Хлоя смотрит. За окном проносятся расплывшиеся тени, ниже — оранжевое пятно, текущее и разбухающее, на которое Хлоя посмотреть не смогла бы даже если б ее сжигали заживо. Дроны снуют над улицами Аугусты, зависают перед окнами, поддерживая порядок в Республике Эквиций. До перегринов в номере одной из городских гостиниц им дела нет.

Сильный жар опалил лицо Маврикия, взбил и высушил его волосы — в нем был раскаленный металл и горячая смазка. Маврикий не выдержал, выставив лоб он кинулся вперед, забыв про сковывающую лодыжки цепь. Сухая трава впилась в стопы, твердая земля гулко стукнула по пяткам, Маврикий помчался навстречу жару. Бетон волнился, топорщился пустым овсом, низким и очень близким, Маврикий на бегу касался кончиками пальцев колких колосков, солнце окатывало жаром, кругом — желтые иссушенные холмы, древние камни, далекий лес впереди, и что-то большое, черное, спешит к нему, увеличивается,

но солнце слепит, и Маврикий просто бежит вперед, нахмурив лоб. Он хочет проторанить это черное пятно, сбить его с ног и бежать дальше, на свободу, без сковывающих цепей, подальше от всех жадных и голодных глаз, которых оказалось так много вокруг. Он вбегает в тень и врезается головой в мягкое черное сукно, в твердые кости. Крепкие руки подхватывают его под мышки, поднимают к хитрым, смеющимся глазам на сморщенном лице.

— Ну куда ж ты спешишь, Мавраки? — с притворной строгостью говорит дед. — Все б тебе бегать!

Маврикий обхватывает руками шею, прижимается к жесткому капюшону, исписанному загадочными письменами, гладит пухлой ладошкой белую рыбку с какими-то крестиками, палочками, кружочками.

— Голову ударил, больно, — жалуется он.

— Сейчас дуну и пройдет, — смеется дед.

Маврикий отрывается от его шеи, чтобы получить целебное дуновение. Позади, вдали, на гребне холма, — Хлоя и Маркос. Его брат, Маркос, стоит на своих ногах, еще худой, с широкими, но угловатыми плечами. Маврикий тянет к ним руку, но дед молча прижимает его к себе и идет своим широким цапельным шагом к лесу.

Экран погас, загорелся свет. Дроны ровными рядами потянулись в открытые ворота. На арену выбежали служащие в белых защитных костюмах, раскатали шланги.

— Я не дотерплю до дома, — подкатив глаза, пробормотала в ухо судье Гриппа. — Пойдем скорей в машину...

Судья приобнял ее и повел сквозь толпу людей с блестящими и мутными глазами. У выхода с галереи он наткнулся на Александридуса. Советник сидел на полу, раскрытая папка с делом Варды валялась рядом.

— Исторический документ, а вы так небрежно... — покачал головой судья, собрал выпавшие листки и сунул дело Александридусу в руки. — «Казус Варды»! И все благодаря вам! Гордитесь, советник.

— Эллин, что с него взять, — шепнул он Гриппе, спускаясь по лестнице в гараж.

ЕКАТЕРИНА ОСОРИНА

ПАРОХОД МОСКВА – ФРАНКФУРТ

Самое страшное в переезде – это не то, что тебя не примут, или будут считать человеком третьего сорта, или что ты не выучишь язык, или не найдешь работу, или с позором вернешься домой. Самое страшное в переезде – это неопределенность. Назойливо, как заезженная пластинка, крутится в голове: а правильно ли ты сделал, что переехал? И, может, лучше было бы остаться?

Сначала ты думаешь, конечно, ты все сделал правильно. Если бы не переехал, то всю оставшуюся жизнь тебя бы гладила мысль о потерянной возможности. Здесь, на новом месте, все так ново и интересно. Как говорится, новый challenge, выход из зоны комфорта. И вроде бы все хорошо – работа, жилье, семья, даже друзья появились. Нормально устроились. «Guten Tag. – Auf Wiedersehen.» Все у нас хорошо. Но с каждым днем, месяцем, годом, накапливается это чувство, что-то вроде тревоги, которая эхом отскакивает от любого события болью в сердце и усиливается самой мелкой неурядицей. И ты робко задаешь себе вопрос: а как бы сложилось, если бы ты остался?

Ты постоянно оглядываешься назад и пристально следишь за прошлым. А что там происходит в России? Как там мои друзья-товарищи поживают? Не загнили? Ах, у них все хорошо? Может и нам не нужно было «валить»? Нужно было как-то взвесить все, подумать... А не вот так вот, с бухты барахты – раз и уехать!

Я уже не москвичка, и еще не европейка. И не факт, что европейкой стану – многие ценности здесь мне чужды. И это не про геев и квиров, здесь просто жизнь по-другому устроена, и переучиваться мне уже не по годам.

Многие русские эмигранты, которые живут в Германии давно, как будто «застыли» в том году, в котором они уехали.

Одна моя знакомая — женщина из 1990-х. У нее до сих пор прическа типа «начес», словечки из того времени, вроде «клево» или «бурда», макияж и одежда в стиле группы «Комбинация». Местные девушки ходят в футболках, джинсах и кедах, с рюкзачком, волосы в гульку. Моя знакомая не захотела в такое ассимилироваться, и я тоже не хочу. Похоже я тоже застыну в своем времени — экземпляр из 2020-х: крашу волосы в блонд, донашиваю брендовую одежду старых коллекций, а когда накатит тревога, слушаю «Наутилус» и Шуфутинского.

Хуже всего то, что эта тревога направлена в будущее. Это сущее, мучительное чувство неопределенности рождает новые вопросы: ну, и что дальше? Насколько успешно мы здесь будем дальше жить и развиваться?

Хотела бы я попасть к гадалке, которая бы мне рассказала, какая судьба меня ждет здесь, на чужбине, и какая будет уготована, если я вернусь на родину. Вот тогда было бы легко принять решение. Но такой гадалки нет. Есть только тягучая трясина неопределенности, которая засасывает и сковывает движения, мысли, чувства.

Я живу в большом многонациональном городе. Это Вавилон наших дней — старинные особняки здесь соседствуют с небоскребами, лица всех национальностей и всех социальных классов снуют туда и сюда в поисках наживы. Слышны все языки мира, и на всех языках мира стены расписаны граффити.

Этот мир кажется притягательным и дружелюбным, потому что я ничем не отличаюсь от других ловцов счастья. Я такая же чужая в нем, как и все остальные. Даже немцы в этом мире уже становятся чужими — так много приезжих. Но от этого не менее тяжело в этот мир вливаться. Он выплевывает тебя, отталкивает, словно вы с ним намагничены одним зарядом. И иногда мне кажется, что он не примет меня никогда. Я навсегда останусь здесь чужой. Мы все здесь останемся друг другу чужими.

Ты вспоминаешь все эти ревнивые шепотки: «Уезжают они, видите ли...», непрошеные советы: «У меня там знакомый, двадцать лет там живет... вот его номер, обязательно ему позвони, он все расскажет...», порицающие высказывания, произнесенные с апломбом, вроде: «Где родился, там и пригодился».

Эти воспоминания тянут тебя назад в прошлое, такое теплое, уютное и знакомое. Такое «свое родное», что хочется кричать то самое чеховское: «В Москву! В Москву!»

Вернуться можно в любой момент. Но куда я вернусь? Той Москвы, которую покинула в 2022 году, больше нет. Я была там недавно: это уже чужой мне город — он смотрит на меня отстраненно и как будто не узнает. Бывают такие повороты в жизни, которые назад уже не откатить. Моя линия судьбы начертана. Я зависну между двумя мирами. Я буду писать письма на родину и сжигать их. Я буду вспоминать мою Москву с нежностью, иногда с грустью, но всегда с любовью.

Прощай, моя дорогая...

2024, Франкфурт-на-Майне

ЛЮДМИЛА ПРУСАКОВА

ПЕРЕЕЗД

Город, в который приехала Вера, представлялся ей именно таким: с широкими проспектами и многоэтажными домами, похожими на детские кубики, составленные из деталей Лего. Ласковый ветерок летнего утра шевелил ее непослушные волосы, и они разлетались, закрывая половину лица. При встрече Кириллу нравилось проводить по ним ладонью, заправляя за уши.

— Скоро увижу его, — с волнением думала девушка.

Вера пыталась связаться по телефону с ним, но безрезультатно. Решила действовать по схеме, которую он предложил когда-то: взять такси (адрес она знала) и, если его не окажется дома, позвонить соседям (старушке со старицком) и попросить ключ от его квартиры. Он обещал их предупредить.

Кирилл долго и упорно звал переехать к нему. Ей и самой хотелось оставить свой провинциальный городок, отца и мачеху, хотя тетя Валя всегда хорошо к ней относилась. Еще жалко было расставаться со своим трехлетним полукровным братом Лешкой, которого она обожала. Но любовь к Кириллу притягивала ее сильнее, чем родные, с детства любимые места.

Вера написала ему сообщение и решила еще немного подождать. В течение последнего месяца их переписка почему-то стала реже. Вероятно, он был очень занят. «А сделаю я ему сюрприз. Конечно, он удивится и очень обрадуется моему внезапному приезду», — размышляла девушка. После окончания педучилища поехала в турпоездку, там познакомилась с Кириллом и вскоре поняла, что они родственные души.

Ее мысли прервал водитель, который предложил свои услуги перевозчика. Девушка отказалась и вызвала такси. Таксист, как

и многие его коллеги, оказался разговорчивым. Вера рассказала, куда и зачем едет. Такими откровенными, так как уверены, что никогда больше не увидятся со своими попутчиками, обычно бывают люди в поездах дальнего следования. Она благополучно добралась до дома Кирилла. В доме был лифт, и Вере не сложно было справиться с огромным чемоданом. На звонок вышла молодая симпатичная девушка с модной стрижкой, в футболке и шортах.

– Вам кого? – спросила она.

– Кирилла, – ответила Вера.

На лице незнакомки Вера прочла удивление. В голове промелькнуло сразу несколько мыслей: перепутала адрес или Кирилл здесь больше не живет. Но девушка продолжала, как заученные фразы, задавать вопросы:

– Кто вы? Зачем он вам нужен? Вы его родственница?

Увидев чемодан, добавила:

– Откуда приехали? Мой муж, вернее будущий супруг, придет с работы часов в семь. Если вы родственница, можете распологаться. Я ему сейчас позвоню. Он меня о вас не предупреждал.

У Веры навернулись слезы на глаза. Лицо побледнело.

– Нет, не надо, – еле выговорила она. Быстро повернулась, вызвала лифт и в нем разрыдалась. Бедная девушка не знала, что ей делать, куда идти. Возвращаться домой не хотелось, оставаться невозможно. Она корила себя, что так необдуманно поступила. Вот почему Кирилл так сухо и редко писал в последнее время, а она, наивная, отнесла это на его занятость. В любом случае надо ехать на вокзал. Вера вызвала такси. Удивительно, но приехал тот же таксист. Он быстро подхватил чемодан, который в его сильных руках казался пушинкой.

– Он вас не ждал? – спросил таксист, когда они сели в машину.

– Да, – тихо ответила Вера.

– Вы не расстраивайтесь, – сказал Алексей, так звали таксиста.

— У вас все еще впереди. А как вас зовут?

— Вера, — ответила девушка, заставив себя улыбнуться и только сейчас обратила внимание, что глаза таксиста смотрели по-доброму, с теплом и сочувствием.

— А я вот тоже собираюсь возвращаться на родину, — с грустью произнес Алексей. Предстоит переезд. Мама болеет. Уход за ней нужен. Кроме меня — некому.

— А где ваша родина? Молодой человек назвал.

— Так это и моя родина. Я там живу! — радостно воскликнула Вера.

— Правда? На какой улице?

— На Советской. Дом у нас пятиэтажный, розового цвета.

Все — белого, а у нас розовый...

— Значит, скоро увидимся...

— Возможно...

Приехали на вокзал, Алексей сказал:

— Я вас, землячка, провожу, куплю билет. А сейчас обед. Да-вайте вместе пообедаем.

Только сейчас Вера ощутила голод, да и времени до отхода поезда было достаточно, и она согласилась.

Солнце было уже в зените, ветер ослабел. Пригревало, и на душе стало теплее.

И уже в поезде у Веры появилось чувство успокоения, когда все плохое и неприятное отодвигается на задний план, так же как предметы, деревья, здания, постройки за окном движущего поезда и будущее теперь видится по-другому.

ЮЛИЯ ПУЧКОВА

ПРОЩАЙ И ПРОСТИ

Как обнять стены? Можно обнять все, что они ограждают от внешнего мира, создавая тот неповторимый внутренний уют, который называется домом. Можно обнять стол и стулья, холдингильник и плиту, комод и платяной шкаф. Но стены? К ним можно только прижаться спиной или грудью, а лучше щекой; можно поцеловать их шершавую или гладкую кожу. Но как же ей хочется их обнять – объятия почему-то, как ничто другое на свете, передают отношение: сила объятий соразмерна важности обнимаемого. Ей, Оле, а по-домашнему Олененку, десять, и она берет с собой кровать, письменный стол и драгоценный проигрыватель виниловых пластинок, доставшийся ей от бабушки. Но как ей забрать стены, здешний, присущий только этому дому уют?

Новый дом, новая квартира... Она просторнее, она светлее этой, в ней аж две лоджии. Отец приседает на корточки рядом с дочкой, сскутившейся на кровати, и, утирая ей слезы и сморкав нос, говорит, что новая квартира не виновата в том, что она новая. Он говорит, что она ждет с нетерпением своих новых жильцов, что она долго готовилась к этому моменту, что все они вместе наполнят ее собой, и она тоже станет уютной. Но слезы продолжают капать из глаз Олененка. Отец отчаявается и от отчаяния начинает сердиться – он всегда сердится, когда Оля не может ему объяснить свою грусть, а она частенько не может. Грустно и все. Как объяснить, когда сама толком не понимаешь? Вот и сейчас – она понимает, что они впятером: родители, младший брат и пес Бася переносят свою семью и свой уклад (она не знает значение этого слова, но интуитивно догадывается) в другие стены. Она хочет и не хочет верить отцу, что они когда-

то станут для них такими же родными, как эти, которые она пока еще может потрогать и погладить. Она ощущает это, как предательство. А предательство, это ведь грех? Отец говорит, что это касается только живых существ. А разве дом не живой? Разве он не обладает человеческими качествами? Когда летом они уезжают на дачу, Оля скучает по дому, по его высоким потолкам, до которых не может дотянуться даже папа под два метра ростом, по своей уютной комнате. Не будь дом живым, разве она бы чувствовала все это? Даже когда она просто идет из школы домой, она уже с теплым трепетом предвкушает, как войдет в прихожую, где висит ее любимая трехрожковая люстра цвета неспелого абрикоса, обнимающая все пространство теплым желтым светом. Люстру они не берут с собой — родители говорят, что там, в новой квартире их ждет другая люстра, она почти такого же цвета. Зачем ей другая такого же цвета? Это предательство вдвойне. Как будто, если она такого же цвета, Оля сможет полюбить ее так же, как эту, старую, добрую, с только ей присущим светом. Это все равно что назвать нового щенка именем своей умершей собаки — так сделали соседи снизу. Она не обсуждала это с родителями — ей даже обсуждать это было больно. Как можно? Это снова предательство. Как можно кликать живую собаку именем умершей, не плача всякий раз при звуке ее имени? Да и новая собака будто и не она вовсе, а только тень ушедшей.

— Наша квартира ведь не умирает, Олененок, — говорит отец. — В нее въедут другие люди, станут здесь жить. Как мы привыкнем со временем к новой квартире, так и эта квартира со временем привыкнет к новым жильцам.

— Думаешь, она будет их любить так же, как нас? — спрашивает Оля. Отец молчит — дочь поставила его в тупик. Если он скажет «да», обесценит их семью, если скажет «нет», даст ей повод заплакать вновь.

— Она будет любить их по-своему. Не так, как нас, но будет любить, — говорит он.

— Она забудет нас? — спрашивает Оля, и слезы вновь застилают ей глаза.

— Нет, никогда, — не задумываясь ни на секунду, отвечает отец, — как можно? Ты ведь ее тоже никогда не забудешь. Помнишь Лялю из детского сада? Как ты плакала на выпускном? Помнишь?

— Лялю помню, — Оля удивляется тому, что Лялю помнит папа, — а как плакала не помню. А я прям плакала?

— Не то слово, — говорит отец, — затопила весь детский сад. Олененок чувствует, как у нее, помимо воли, на губах восходит улыбка.

— Но никто же не утонул? — спрашивает она.

— Нет, — отвечает он, — только ноги промочили, а потом сушили носки на лавке в раздевалке.

— Ну пап, — Оля толкает отца в плечо.

— Так все и было, — невозмутимо отвечает тот и серьезно кивает.

— Ну папка, — Олененок уже почти смеется. — Ты выдумываешь, да?

— Я никогда ничего не выдумываю, — с непроницаемым лицом говорит отец и смотрит на нее так серьезно, что та перестает улыбаться.

— Детский сад тебя тоже любил, и школа любит. Но так уж устроен мир, что нам приходится расставаться с привычным и приоравливаться к чему-то новому. Так что ложись спать, а завтра утром устроим прощание с нашей квартирой. Она ведь ничем не хуже детского сада. Правда?

У Оли блестят глаза, но не от слез, а от восхищения.

— Папка, какой же ты мудрый! — она обнимает отца и шепотом добавляет, — и добрый.

Отец желает дочери спокойной ночи, целует в макушку, поднимается и уходит, а та начинает стелить постель, не признаваясь себе в том, что теперь как будто даже немного радуется завтрашнему дню.

Утро субботы. День переезда. Оля просыпается рано — брат Вовка еще посапывает в своей постели — ему можно, он еще маленький. Она тут же вспоминает про вчерашний уговор с от-

цом, вскакивает с кровати и босиком выбегает в коридор. Рядом мгновенно возникает бьющий хвостом, словно веслом, огромный дог Бася. Она гладит его, поднимает глаза и теперь только видит разноцветные, бумажные стикеры, которые распестрили весь коридор. На стикере в углу возле ее комнаты написано: «Тут Оля и Вовка могли бы провести увесистую часть своего детства, если бы их родители были построже. Спасибо, что ты был в запасе». Она идет дальше — наклейка на двери туалета гласит: «Твою ручку мы пожимали чаще, чем руки самых преданных друзей. Спасибо, что выдержал». Олененок поднимает глаза к потолку, потому что периферическим зрением улавливает присутствие там красного стикера в форме сердечка, на котором написано крупными буквами: «Слава богу, что никто из нас до тебя не дорос. Спасибо за наши целые макушки».

Из ванной выходит отец. Смеясь, Оля чмокает его в щеку.

— Маму не забудь, — улыбается тот, — мы трудились вместе. Так что бегом на кухню, а потом умывайся и присоединяйся — квартира ждет твоих особых благодарностей.

Оля бежит на кухню. Обняв и поцеловав маму, летит в ванную, а потом, пока доходит каша, они все втроем расписывают стикеры и лепят их на те места в квартире, которые верой и правдой служили им всю их здешнюю жизнь.

Когда все благодарности выражены, Басю запускают будить пятилетнего Вовку. А после завтрака, отец проводит всем экскурсию-воспоминание «по Петровским местам» — ничего исторического: просто их фамилия Петровы. Оля с Вовкой хохочут — она от папиных шуток, а он от ее смеха, потому что шуток пока не понимает, а смех у сестры очень заразительный. А потом общее веселье пробуравливает гудок грузовика. Папа, не давая никому опомниться, отправляет маму с детьми на их машине на новую квартиру, а сам остается проследить за погрузкой и... снять благодарственные стикеры — не сегодня-завтра сюда будут вселяться новые жильцы и вряд ли оценят убранство квартиры.

Когда все погружено, отец на пару минут возвращается домой. Он аккуратно отлепляет все благодарности, а после этого

садится на пол. Он окидывает взглядом потерявшую почти всю обстановку, осиротевшую квартиру, шепчет одними губами: «как хорошо, что Олененок этого не видит», а вслух говорит:

— Прощай и прости, добрый друг. Спасибо тебе за то, что здесь мы были так счастливы. Пойми и не поминай лихом.

Он ощущает слезы в глазах, но не позволяет им выйти за приличествующие границы, поднимается, выходит из квартиры и тихо затворяет дверь. Квартира все понимает. Она пытается простить, но пока не получается.

НИКА СУРЦ

СЕ ЛЯ ВИ

С шатких ржавых перил навесного моста неуклюже свесился кудрявый, седовласый мужчина. Он раскачивал плоский ключик на длинной серебристой цепочке над быстрой рекой. Потом, оглядевшись по сторонам, медленно разжал костлявый кулак. Ключик сверкнул на солнце и молниеносно устремился вниз.

1

Парижский аэропорт Шарль де Голль монотонно гудел от непрерывного наплыва пассажиров. Сезон летних каникул продолжался, и люди оживленно сутились в просторном вестибюле.

Катя, вглядываясь в информационное табло, с трудом волочила большой чемодан к стойке регистрации. Она выделялась среди присутствующих своей непринужденной элегантностью: ее идеальное каре, загорелое лицо, стильный комбинезон и блестящие босоножки на высоком каблуке заставляли оборачиваться большинство пассажиров.

Катя остановилась, чтобы заколоть свои темные, прямые, как струнка, волосы, и услышала назойливое дребезжание мобильного телефона. «Родители! Пятнадцать пропущенных вызовов! Как же я не услышала столько звонков?» — с досадой подумала она, начав читать их сообщения.

— Катрин, вот ты где? — послышался сзади знакомый голос ее французского друга и однокурсника Кристофа.

Она радостно обернулась. Кристоф забавно кивнул ей и несмело протянул пышную бордовую розу на тонком стебельке.

Она звонко засмеялась, отчего Кристоф застенчиво расплылся в присущей только ему белозубой кривоватой улыбке.

Потом он вдруг, будто не замечая никого вокруг, ловко подхватил ее на руки и быстро закружил.

— Мы же еще увидимся? — спросил он, глядя на нее цепким, внимательным взглядом.

— Конечно, увидимся! Ты же сам обещал помочь мне с переездом! Буду жить в Париже, на соседней улице, и часто надоедать тебе, — ответила она, теребя его мягкие каштановые кудри.

Он оттянул свою модную мешковатую футболку и достал серебристую цепочку с плоским ключиком, висевшим у него на груди.

— Какую же дверь должен открыть этот таинственный ключ? — улыбнулась Катя.

— Помнишь, как мы с тобой выдумали карту наших будущих путешествий и решили поместить ее в камеру хранения Лионского железнодорожного вокзала, потому что именно с него начнется наш путь?

Катя кивнула и дотронулась до блестящего ключика.

— Так вот, наша карта уже в камере хранения, — перехватывая и целуя ее руку, сказал Кристофф.

— Тогда прошу тебя, бережно храни этот ключ и без меня не открывай!

Объявили посадку на рейс, и молодые люди стали наскоро и трепетно прощаться.

В тесном салоне самолета Катя пристроила розу в сетчатый карман на спинке переднего сиденья и достала свой новенький цифровой фотоаппарат — долгожданный приз за победу в конкурсе молодых дизайнеров. Она сразу включила его и, не спеша, пролистала несколько фотографий своих самых ярких творческих работ: низкие рельефные напольные вазы, изящные статуэтки и витиеватые подсвечники. Катя слегка вздохнула, вспоминая те бессонные ночи, которые пришлось провести за эскизами, и непростой процесс работы с керамикой.

Потом появились кадры уютного помещения творческой мастерской, где она с удовольствием проводила почти все свое

время. Далыше пошли забавные снимки с Кристофом, на которых он посыпал ей воздушные поцелуи, а потом были эмоциональные кадры сцены знакомства с его большой семьей. Ей сразу понравились родственники Кристофа. Катя ощущала себя такой же, как они: настоящей, искренней, позитивной – и впервые почувствовала, что наконец-то нашла своих.

Она незаметно улыбнулась, продолжая смотреть на дисплей. Там уже появилось фото совместной поездки с коллегами и ча-рующие виды юга Франции. Потом снова Кристоф.

Она остановилась и внимательно посмотрела на свою бордovую розу, потом сфокусировала объектив, осторожно положила палец на спуск затвора и затаила дыхание, готовясь сделать снимок этого роскошного цветка. Но неожиданно пассажир переднего сиденья резко толкнул свое кресло, сделав безуспешную попытку его откинуть. Роза задрожала и качнулась, а из ее середины выпало тонкое золотое кольцо с круглым блестящим камнем. На гладком обруче кольца красовался крошечный розовый бантик с какой-то надписью.

Катя замерла. Кольцо покатилось по стертому серому ворсу и остановилось у ее ног.

Сердце взволнованно забилось. Она посмотрела на своего соседа, чтобы убедиться, что он тоже испытывает восторженное удивление, но молодой бородатый мужчина закрыл глаза, слушая что-то в массивных наушниках.

Катя подняла кольцо и дрожащими пальцами развязала бантик.

– «Выходи за меня!» – шепотом прочитала она надпись на тонком розовом капроне. Потом рассеянно улыбнулась и тихо сказала: «Да!» А через секунду беззвучно зарыдала.

2

На провинциальный северный городок спускалась темная грозовая туча. Прохладный ветер неустанно теребил старенькие кухонные жалюзи. Они звонко ударялись о деревянную оконную раму и, подлетая, касались растянутой тельняшки еще крепкого пожилого мужчины:

— Ну, как там Катюха? — нервно буркнул он, доставая из кармана мятую сигарету. — Вылетела, поди?

Худенькая женщина аккуратно отхлебнула остывший чай из широкой чашки и кивнула.

— То-то! — пробормотал он, стряхивая пепел в переполненную стеклянную пепельницу. — А то ишь чего задумала. Единственная дочь и, понимаешь ли, собралась навсегда переезжать.

— Ваня, ты что? Неужели ты вызвал Катю не из-за того, что я ложусь в больницу?

— Конечно, нет. Я вызвал свою дочь из-за того, что она должна жить с нами в одном городе! У меня вообще-то бизнес, мне нужен помощник.

— Так ты же продаешь сантехнику, а Катя творческий человек. Она так упорно шла к своей мечте. Получается, ты обманом срываешь ее с любимого места?

Он раздраженно закатил темные выпуклые глаза и хрипло закричал:

— Моя дочь должна жить здесь, а не где-то там... в Парижах!

Женщина заерзала на скрипучем табурете, схватилась за сердце и перешла на шепот:

— Может быть, сначала надо спросить у нее, хочет она этого или нет?

Мужчина с силой стукнул кулаком по столу. Звякнула длинная ложечка в ее чашке, и женщина испуганно заморгала.

— Ты действительно ничего не понимаешь? Вот не будет тебя, кто мне в старости принесет стакан воды?

Женщина нахмурилась и отвернулась.

— Я все сделаю, чтобы она осталась здесь! Если понадобится сорвать — буду с радостью врать, — крикнул он, резко встал из-за стола, как бы подчеркивая неоспоримость принятого решения, и твердо зашагал к двери.

Молоденькая медсестра заглянула в полутемную больничную палату:

— Екатерина Ивановна, идите уже домой, я сама посижу с дедом Ваней.

Стройная женщина средних лет, к которой обратилась медсестра, покачала головой и бережно поправила одеяло, сползшее с кровати, на которой лежал старик.

— Спасибо, но папе не нравится, когда кто-то другой за ним ухаживает.

— Говорю вам, идите! Не обращайте внимания на его упрямство. Моя смена закончилась, но я все равно буду здесь, я должна подготовиться к зачету, времени нет бежать домой. Мне надо вечером в университет на пересдачу.

Женщина с легким любопытством посмотрела на медсестру.

— Я разве не говорила вам, что учусь на дизайнера? Это моя мечта!

— Не слышала об этом. А что же вы будете пересдавать?

— Вот! — Медсестра протянула женщине графический планшет с броской фотографией, на которой была изображена девушка-модель в роскошном нежно-голубом платье.

— Представляете, преподаватель сказал, что у него много вопросов к моей работе. Готовлюсь доказывать ему, что я права.

Женщина осторожно взяла планшет и внимательно рассмотрела струящееся голубое платье из тонкой шелковистой ткани и эффектную девушку, довольно статично позирующую на обычном белом фоне.

— Платье очень красивое! Но этот образ можно было по-другому представить: вложить в фотографию историю или смысл вашего изящного изделия, добавить эмоции и поработать над стилем съемки. Тогда, возможно, у преподавателя не появились бы вопросы.

Наступила продолжительная пауза.

— Пожалуй, вы правы, — удивленно проговорила медсестра, как бы заново рассматривая свою работу. — Но откуда вам знать, как должно быть? Вы же занимаетесь сантехникой.

Девушка положила планшет на тумбочку и с интересом подсела к женщине.

— Думаю, я воспользуюсь вашим советом, и у меня даже появилась идея. Вы знаете, Екатерина Ивановна, какая я упорная? Вот ни за что не отступлюсь!

— Это правильно, — вздохая, сказала женщина.

— Конечно, правильно. Я ради своей мечты готова хоть на край света, хоть в космос, наверное, поэтому не понимаю тех, кто сдается и отступает. Но, как говорят французы, «селя ви».

Старик приоткрыл мутные, сонные глаза и махнул бледной рукой в сторону тумбочки. Женщина быстро налила воду в прозрачный больничный стакан и осторожно протянула ему. Он сделал несколько коротких глотков, повернул голову в сторону медсестры и тихим, глуховатым голосом произнес:

— А как же твои родители? Или ты только о себе подумала, когда решила в космос полететь?

— Ну что вы, деда Ваня, — тут же отреагировала медсестра, поправляя свои милые светлые кудряшки, — мои родители понимают, что я стала взрослой, и во всем меня поддерживают. Я тоже всегда буду помогать им и сделаю так, чтобы они не чувствовали себя одинокими. Просто пришло время начать мне свою взрослую жизнь.

Старик недовольно закряхтел, раскашлялся и повернулся на другой бок, а женщина сделала вид, что поправляет ему одеяло. Но медсестра заметила, что одеяло лежало и без того ровно, а женщина просто прятала от нее свои крупные беззвучные слезы.

ГАЛИНА ТАЛАЛАЕВА

ПЕРЕЕЗД. МАРКИЗА ПРОТИВ?

Нет, конечно. Наша трехцветная кошка Маркиза, чуткое и ласковое существо, вместе с нами готовилась к переезду. Внимательно наблюдала за шумными передвижениями в доме. А мы двигали мебель, складывали вещи, упаковывали книги, посуду и детские игрушки, стараясь запомнить, где что лежит, чтобы потом сразу найти необходимое.

Забот было много, но мы существовали тогда на радостной и молодой волне: переезжаем! В новый дом, на новое место работы, навстречу новым друзьям. И еще, мы ждали прибавления в семье со дня на день. Так и получилось, наш сын родился через десять дней. А пока — все силы, внимание, энергия — сбоям.

Все получилось отлично. Позади трехчасовая дорога. И вот уже во дворе своего нового дома разгружаемся. Только муж тревожно посматривает на меня: не перетрудись! И отправляет нас дочерью и кошкой в дом, готовить чай и все такое. Послушно выполняем поручение. Двери настежь, вещи споро переносят подоспевшие товарищи мужа. А дочка беспокоится:

— Мама, давай закроем Маркизу, вдруг убежит.

И верно, пусть она посидит пока в детской, радуюсь я дочкиной внимательности.

Хлопоты, начавшиеся в тот день ранним утром, продлились до позднего вечера. Были добрые слова сослуживцев мужа, которые помогали с разгрузкой, были теплые приветствия соседей, наших будущих друзей на долгие годы. Да, замечательно было все. Переезд — дело радостное!

Утром наш папка отправился на работу. Девочки – на хозяйстве. Мы старались. Дочка раскладывала по местам свои книжки, рассаживала кукол и медведей. Маркиза обходила все комнаты, задержавшись на кухне. Я тоже не скучала. Надо было освоить пространство, где предстояло прожить не один год. Надо было изо всех окон рассмотреть, а что у нас там за поворотом. За поворотом была школа, в которой будут учиться наши дети, была дорога ко Дворцу культуры, где мне предстояло познакомиться и участвовать в жизни народного театра. Но ведь все сразу не увидишь, наберемся терпения.

И тут случилось непредвиденное. Легкие занавески, снятые нами с окон на прежней квартире, хотелось простирнуть и высушить до вечера. Что я и сделала. А вот когда выносила их во двор, чтобы развесить, не заметила, что Маркиза следует за мной. Для нас с ней в этом ничего особенного нет, она всегда где-то рядом.

Мы выходим, а вдоль дома – группа мальчишек. В догонялки играют или просто так бегают с веселым гиканьем. Тут моя Маркиза и кинулась на противоположную сторону улицы и пропала где-то между домами...

Пропала. Я звала ее, ходила по округе чуть не плача. Не отозвалась. Потом мы все вместе с дочкой и мужем искали нашу Маркизу. Без слез не обошлось. Бесполезно. Я во всем винила себя, дочка – горластых мальчишек.

И вдруг через несколько дней позвонили наши прежние соседи и сказали, что трехцветная Маркиза сидит на крылечке, ни к кому не подходит, на руки не дается, а ведь была такая ласковая, всех знала. И добавили, вы, дескать, не волнуйтесь, подкорим, не дадим пропасть.

Так оно и было, конечно. Вот только где-то через месяц, уже после того, как мы с сынишкой вернулись из роддома, мне показалось, что мелькает между домами знакомая трехцветная, по преданию, приносящая счастье...

Ни разу не подошла. А может быть, мне просто показалось. Вот уже сколько лет прошло-пролетело, а мне так и неведомо,

каким же локатором награждает природа этих таинственных и, на первый взгляд, обычных существ, что им под силу преодолеть полсотни километров пути, которым их привезли на новое место в корзинке. И не просто по шоссе, а через лес и железную дорогу. Вернуться к дому и еще раз проделать тот же путь, чтобы показаться хозяевам, с которыми развела судьба.

А может быть, Маркиза нам хотела сказать, что нужно помнить места, где ты был счастлив! И хранить в душе неповторимые дни. Хранить и делиться с другими. Теперь я это точно знаю. Спасибо, Маркиза!

ЛИДИЯ ТЕРЕХИНА

ПЕРЕЕЗД

В 1970 году после окончания восьмилетки мама решила, что мне надо уезжать в город, в ПТУ, а там и доучиться можно и профессию получить.

А я для себя еще ничего не решила. Мечтала быть учительницей, учила в игре кукол. Но была проблема: я панически боялась экзаменов, комиссию экзаменационную и до сих пор не люблю ни перед кем держать ответ. А еще страх перед неизведанным. Как же без матери одной в большом городе... «Как сама своей судьбой распорядишься, так и будешь по жизни идти; с высоко поднятой головой или с опущенной. С царем в голове не пропадаешь». Про царя это она имела в виду ум.

Сельский совет пошел навстречу, выдал справку о выписке, директор школы пожелал доброго пути и вот мы в областном центре на железнодорожном вокзале.

Народу всяко-о-го, — с сумками, с мешками, цыгане кучками то тут, то там. Только глаз да глаз. С детства и по сей день цыган боюсь. Обманут только так, и глазом не моргнешь. Мне даже сны часто снились, что цыгане меня преследуют, а я от них удираю, даже речку переплываю, чтоб укрыться на противоположном берегу.

— Ей, красавица, дай погадаю! Счастливая будешь, муж у тебя золотой будет, на руках будет тебя носить! — окучивали они девушку.

Все мы не без греха, любопытство так и затягивает в авантюру, вот и я, уши развесила, притормозила, навострила слух.

— Ты чего остановилась? Никогда не позволяй цыганам себя обмануть, проходи мимо, а если прицепятся, не стесняйся, гони их к черту, — напутствовала меня мать.

Но однажды я все-таки опростоволосилась и попалась на удочку. Не закрыла дверь в дом, они и зашли. Две цыганки, не молодые, в платках, цветных юбках, сверху потертые от страсти пиджаки темно-серого цвета. Я гладила белье. Обомлела, увидев их в дверном проеме. Рядом маленький сын.

— Ох, милая... Да на тебе порча. Нету в доме счастья... Вот она — ведьма, у нее хвост! — и показывает на свою подельницу.

А та быстро задрала на макушку платок сзади, вытащила из кудели волос тонкую плетеную косичку и стала ей размахивать, зажав большим и указательным пальцем руки. И я верю, что это дьявольский хвост. Не иначе гипноз.

— Сейчас мы будем снимать с тебя порчу. Дай стакан воды и полотенце.

Я наливаю в стакан воду, даю кухонное льняное полотенце, то, что им и надо, ткань у льна плотная. «Фокусница» натягивает полотенце на горло стакана и опрокидывает кверху дном. Вода пускает пузыри, но не проходит через ткань.

— Вот видишь, — снимает полотенце, опускает в воду кончик хвоста и брызгает хвостом, как поп на куличи венчиком, мне на голову. — Надо закрепить, давай сюда деньги, не бойся, верну назад.

И я достаю из кошелька 15 рублей, и отдаю обманщице все, что осталось от зарплаты. Деньги исчезли в отвороте рукава и все. Цыганки мигом развернулись и бежать в дверь, но остолбенели, на пути стояла разъяренная хозяйка дома. По моему рассеянному виду, она поняла, что меня объегорили.

— Мам, — промяглила я, — деньги у нее в рукаве.

— Ах ты, сволочь, а ну отдай деньги, — прижала она ту к стене, схватила за руку и сильно дернула.

Не ожидавшая напора со стороны женщины, цыганка вытащила смятые купюры и бросила на пол. Другая бросилась за ними, но мать схватила ее за волосы и вырвала «дьявольский хвост». Застыла взором на клоке волос в руках, кинула его вслед убегающим аферисткам. За изгородью они приостановились, и, разочарованные сорвавшимся кушем, визжали прокля-

тия в сторону победившей их женщины. Пережившая за свою горемычную жизнь в военное время голод сорок седьмого года, потерявшая в блокаду Ленинграда мать и брата, воспитавшая одна четверых детей она не пасовала перед трудностями и не боялась выглядеть грубой в нужных ситуациях.

Я стояла ни жива, ни мертвa. Развернувшийся драматический спектакль сначала ввел в ступор, потом ослабил ноги, и я присела на табурет, свесив в бессилии руки.

Но это произойдет на много лет вперед, а сейчас мы в поисках жилья. После долгих раздумий, куда мне идти получать профессию, решала мама. Сначала вроде на повара – всегда с куском хлеба. У поваров вся копеечка в целости, поэтому и жили в достатке. Но одна проблема, котлы тяжелые, не для хрупких костей, а в продавцы, ни-ни, можно угодить в тюрьму.

Тоже пример был, на всю жизнь запомнила, как продавцов продуктового магазина за растрату на восемь лет за решетку посадили. Как их дети бежали за машиной с криком: «Мамочка!»

В итоге она прислушалась к советам односельчанок. Их дочки устроились в городе. Работали на обувной фабрике. Зарплату неплохую получали, замуж повыходили.

– А там глядишь, и твоей повезет выйти за городского парня, и все у нее наладится.

ПТУ расположилось в пределах фабрики, а фабрика в самом центре города, у кремля древнего, площадь Ленина рядом, городской парк, где летом каждый вечер танцы под ВИА (вокально-инструментальный ансамбль) с живыми голосами певцов, цепные карусели, качели-лодочки. Рядом жилье искать стали. Сначала мама повела меня на квартиру, где моя старшая сестра квартировала. Она училась тогда в медицинском училище на фельдшера.

Улица Краснорядская до сих пор не поменяла свой облик. Стена из двухэтажных домов, с арками во двор. В центре арок с двух сторон вход. Лестницы деревянные, скрипучие. Поднимаясь на второй этаж – двери, окна, двери, окна. Напротив, по всей стене окна с видом на двор.

Стучимся в одну из дверей, не заперта, входим и прямо перед нами кухня узенькая, на стенах полки с утварью, покрытый kleenкой в клеточку столик стоит на возвышении двух ступеней у окна с геранью в глиняном горшке. Прямо на нас смотрит стеклянными дверцами посудный шкаф, выкрашенный голубой краской. А за столом сидит пожилая, грузная женщина, седые волосы забраны в пучок чуть выше шеи, но немного растрепаны на ушах, халат с завязками на спине, из-под халата торчит noctная рубашка, ноги в тапках со смятым задником. Она чистила себе яйцо, сваренное вкрутую, рядом лежал кусок черного хлеба и дымился чай в граненом стакане с торчащей из него чайной ложкой. За ее спиной проем двери в жилую комнату, сколько там комнат мы, конечно, не видим, нас никто не приглашает. Хозяйке и так понятно, зачем мы пожаловали.

— Здравствуйте, Марьниколавна, вот привела к вам младшенькую на постой, примете?

Марьниколавна лениво повернула голову, пригляделась ко мне. Мне показалось, что я ей сразу не понравилась. А восхищаться и правда было нечем: неказистая, угловатая, с редкими прыщами на лице, волосы зализаны в овечий хвостик, и вся я — какая-то испуганная. И город мне сразу не понравился, если тут такие неприветливые хозяйки. Стою, тереблю подол платьица. И жду вердикта: возьмут-не возьмут на проживание. С недоверием так рассматривает меня и заявляет: «Если чистоплотная, как ваша старшая была, полы будет мыть, кастрюли начищать, тогда возьму, если нет, ищи другую квартиру».

Мама посмотрела на меня, глубоко вздохнула, толкнула меня к выходу и закрыла за собой дверь со стороны коридора.

— Нашлась тут барыня, прислугу ей подавай. Вспомнила, видишь ли, пятнадцатилетнюю давность. Да та чистюля только и знала полы драить, — бурчала под нос мама. — Не знаю, другие квартирантки мыли или она одна за них отдувалась. Не переживай, найдем другое жилье.

И нашли в старой постройке, напротив кремля, одноэтажный стеновой деревянный дом, удобства во дворе. Вход прямо с тро-

туара через глухое крылечко с тазами и ванночкой на стене. Дверь открываяешь, и маленькая кухня: раковина с холодной водой, рядом газовая двухкомфорочная плита и хозяйствский стол, к нему прикасаться нельзя, табу. Дальше наша комната: три кровати, над одной прямоугольное зеркало, стол и нас, четверо: Я, Люба, Надя и Таня.

Наша кровать полуторная на двоих с Любой. Мы знакомы с ней по школе. Учились в параллельных классах, а жила она до выходных дней в школьном интернате из-за отдаленности родительского дома. Подругами тогда не были. Но встретились при подаче заявления в училище и решили искать квартиру вместе. И на два года стали не разлей вода. Жили мы с девчонками дружно и весело. Когда скучали придумывали деревенские байки, в деревнях народ колоритный, у каждого была история, надевали на голову чулок, показывали друг другу свиные рожицы и закатывались от смеха.

Хозяйку звали Екатерина Сергеевна, интеллигентная женщина, служащая в банке, ее дочь Нинель училась в мединституте, сын Миша старшеклассник, а хозяин — Михаил-старший, как два года лечился в ЛТП от алкоголизма.

Вся квартира, представляла собой вагон из трех комнат: наша, затем узенькая в ширину окна. В ней квартировала фабричный мастер Ольга Васильевна, по возрасту ей глубоко за тридцать, не замужем, не красавица, волосы красила рубиновым цветом, нос широкий с горбинкой, ноги слегка кривоватые, фигура больше на мужскую похожа, широкие плечи, зауженный таз. Мы редко пересекались с ней, разные смены.

А дальше огромная комната — зал, где и проживала хозяйка со всем семейством. Мы туда не заходили, видели фрагментами высокие потолки, на всех окнах шторы гобеленовые сверху до пола зеленого цвета, стол круглый с плюшевой скатертью. Все ходили через нас, мы были на виду, ни перегородки, ни шторки — запрещено. Единственная шторка завешивала наш стол, где мы хранили сыпучие продукты, хлеб, соленья, яйца. Потом стали замечать, что у нас стал уменьшаться сахарный пе-

сок. Подозревали друг друга в непорядочности, со временем пришли к выводу, что это хозяйкины проделки, но предъявить претензии боялись. Молодость скрашивала все неудобства.

Группа в училище №12 из тридцати человек, дружная. В начале учебы месяц в колхозе на заготовках турнепса, картошки, ходили в вечернюю школу, занимались плаванием в бассейне, я даже подавала надежды, и тренер готовил меня к областным соревнованиям, но что-то не сложилось, судьба повернула меня в сторону замужества. В город я переехала в пятнадцать лет, встретила парня, полюбила, нашла свое место в жизни. Поменяла обувную фабрику на оборонку и до самой пенсии не изменила ей. Мои пути к писательству, к общественной деятельности были с изгибами, но в правильном направлении. И как напутствовала мама, проживаю свою жизнь с высоко поднятой головой. А это значит, царь в моей голове все-таки есть.

16 августа 2024 года.

НИНА ШАМАРИНА

ЧАЙ НА ЗАСТЕКЛЕННОЙ ТЕРРАСЕ

(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ЧЕМ ПАХНУТ ЗВЕЗДЫ»)

Бывает, человек живет всю жизнь на одном месте, в одной квартире, в одном доме. А бывает, поменяет за непродолжительную жизнь десяток квартир. Что движет этим человеком? Жажда ли странствий так проявляется? Меркантильность — ищет и ищет, где лучше? Или ничего такого человек не хочет, просто такая выпала ему планида, так запрограммирован его путь. Здесь самое время задаться вопросом — а кто или что программирует путь человека? И, главное, может ли человек повлиять на это? Или так и будет перекати-полем носиться по миру, не пытаясь где-то зацепиться, даже если ему такое шатание не по нутру?

Я часто думаю об этом, потому что я — такая. Все мои подруги с детства или, по крайней мере, с юности живут в родительских домах, а я, родившаяся в Волоколамском районе, болтаюсь по Москве с чемоданами. Поменяла не менее восьми адресов, считала своим домом не менее пяти квартир. Вот теперь прибило меня в город Дзержинский, о котором до 2002 года я и слыхом не слыхивала. Думаю, что здесь я и останусь, хотя мечтаю жить на Филях или в районе метро «Академическая», назначать свидания у памятника Хо Ши Мину. Не смейтесь, свидания, ведь, не только романтические, всякие бывают встречи.

В надежде на новый переезд я вспоминаю самый первый.

На телегу погружены узлы, фибровые чемоданы, стулья и кухонные полки, посередине, возвышаясь над всем этим скарбом, круглый деревянный стол, на нем фикус в кадке, и девочка в ко-

ричневых чулках, синей вязаной регланом кофте, держит этот фикус изо всех силенок. Я. Моя семья, тогда еще полная — мама, папа, сестра и я — переезжает из барака в совхозную квартиру, именно ту, где и будет жить, постепенно уменьшаясь, до тех пор, пока не исчезнет совсем.

Барак — много-много комнатушек-коробочек, но каждая со своим крылечком, своею печкой, своей входной дверью с висящим замком.

На углу барака, аккурат под нашими окнами мок под дождями и гнулся в пургу тополь, даже, когда и барак снесли. Этот тополь посадил мой отец, когда я родилась, и дерево росло вместе со мною. Спилили его недавно, в его и мои шестьдесят пять. Конечно, посадки тополя я не помню. К тому же, совсем недавно я прочла, что детской памяти, в принципе, не существует, трехлетние дети, например, помнят лишь прошедшие полгода, а все, что мы знаем — каждый о своем детстве — рассказы взрослых. Я в это не верю — откуда тогда наши неуловимые, как взмах ресниц, тишайшие, как полет одуванчика, но такие ясные картины прошлого? И только для тополя я делаю исключение, допустив, что моя мама, посадив крошечное деревце, внушила мне, подросшей, что это сделал отец.

Любовь родителей — крылья человека, и, если у ребенка нет отца — каково ему — с одним-то крылом? И мудрые мамы придумывают сказку и убеждают детей, что это правда. Так, выросший до неба тополь помог мне обрести и второе крыло.

Новая квартира от комнаты в бараке почти не отличалась, но была, безусловно, больше. Комната с круглым столом посередине, устланная серыми половиками; металлические кровати с подзорами, пикейными покрывалами, подушками, затейливо укрытыми неизменной вышитой накидкой; диван с круглыми откидывающимися валиками, швейная машинка, темное зеркало в тяжелой раме, фотографии на стенах; на кухне кроме печки — деревянный стол, выскошенный ножом добела, внутри его полотняные мешочки с мукой, крупами, на отдельной чистой тряпице хлеб; разновеликие табуретки вокруг стола, в сиденьях

блестят шляпки гвоздей; у двери вешалка с пальто и телогрейками, в углу металлический рукомойник, раковина... вода стекает в подставленное ведро.

К зиме в окна вставлялись вторые рамы (летом они пылились на чердаке), и символическую фразу букваря «Мама мыла рамы», нам, детям шестидесятых, разъяснять не требовалось. Терраска, крыльцо в пять ступенек, сбоку навес, под навесом будка. В ней долго-долго жил беспородный пес Мока, а потом, когда он ушел помирать, сменилось много разных собак: добродушный Серый, злой угольно-черный широкогрудый Марс, в остервенелом лае сверкающий белоснежными клыками, молодой, сгинувший где-то Каплик.

На неотапливаемой террасе зимой валялся веник – обмести снег с валенок, здесь скользили лыжи, оставлялись санки. Промерзшие полы террасы визжали и стонали взахлеб, не давая тайно прокрасться, если вдруг понадобится.

Летом на терраске стояла кровать, велосипеды сестры: дамский с сеткой на заднем колесе, чтобы в спицы не попала длинная юбка, хотя, конечно, эта мода осталась со «старых» времен, в ту пору длинных юбок никто уж не носил, и второй – велосипед мужской большой. На нем мы вдвоем с сестрой иногда каталась по шоссе (я сидела боком на раме) и распевали «А у нас во дворе есть девчонка одна...», «Старый клен, старый клен, старый клен стучит в окно...»

Половину терраски занимал стол и по вечерам за ним часто пили чай, накрывать его иногда доверялось мне.

В чайник – металлический, большой, зеленый, литров на пять – я аккуратно, чтобы не пролить на пол, цедила воду, принесенную из колодца, прямо из оцинкованного ведра, через край. Двумя руками поднимая, ставила тяжелый чайник на электрическую плитку. Гибкая, плотно закрученная спираль, змейкой проложенная в керамических желобках, в одном месте чуть раскрутилась, и завитки, слегка вылезающие из своего ложа, перед включением плитки приходилось заправлять на место.

Сpirаль медленно краснела, наливалась алым цветом, как малина соком, становясь все ярче, все горячее. Конечно, когда чайник стоит на плитке, этого не увидеть, но что мешает приподнять чайник и любоваться этим до тех пор, пока лицо не обдаст жаром? По бокам чайника стекают мелкие капли и испаряются сначала с мягким шипением, потом с острым сухим треском; в его утробе зарождается глухое ворчание, перетекающее в тоненький свист. Из носика вырывается пар, и я выдергиваю вилку из розетки. Чайник остается на выключенной плитке, постепенно успокаиваясь, но долго ворча. Однажды я отхлебнула из слегка бормочущего чайника, прямо из носика (нестерпимо захотелось попить) но не ожидала, что вода так горяча. Пришлось потом катать во рту округлое подсолнечное масло, почти не ощущая обожженным языком его маслянистых боков.

Днем все на террасе оплывает от зноя, настежь раскрытая на улицу дверь и тюль на окнах от пекла не спасают. В стекло, нет-нет, бьется ленивая муха, и когда она прекращает жужжать, кажется, что ее сморило от расслабляющего зноя.

А вечером воздух остывает, словно твердея; становятся более четкими очертания предметов, глубокими и насыщенными цвета. Прямо у крыльца благоухают маттиолы — ночные цветы, они раскрываются к вечеру и источают дурманный запах.

На светло-синем небе загорается первая звезда маленькой точкой, без лучей. Тонюсенький месяц повисает на третьей снизу ветке яблони, и эта яблоня отделяется от остальных, выдвигается на первый план, солириует. Но вот высыпают звезды еще, и еще, и еще, словно зерна в посевную, рассыпанные по полу щедрой рукой. Кроны яблонь сливаются в общий шатер, становясь неразличимыми в темноте, и луна поднимается выше и выше. А вот и ковш сияет во все свои семь звезд.

Подружка Таня уверяет, что звезд в Большой медведице — восемь, но, якобы, только самые глазастые различают четвертую звезду в ручке ковша. Мне не хочется показаться близорукой,

и потому я киваю согласно: «Восемь, восемь, я вижу восемь! Во-о-о-он восьмая!»

Стрекочут на разные голоса кузнечики, и одинокий стройный тополь за калиткой изредка трепещет под мимолетным ветерком, что твоя осина.

Чай из желтой пачки с нарисованным на боку слоном давно заварен в фиолетовом с золотыми вензелями чайничке из сервиса «Кобальт», укрытым «бабой на чайник». Только «баба» совсем не баба, а изящная девушка с тонкой талией, пышной юбкой, в шляпке и с ажурным зонтиком. Я верю, что именно этот зонтик ловит аромат чая, как сачок бабочку, не давая ему улететь с чуть заметным сквозняком. Чашки из сервиса, чтобы не разбились, вынимаются из буфета только по праздникам, а заварной чайник несет свою службу ежедневно. На столе — пряники, сушки, карамель без оберточ в блестящих крупинках сахарного песка, но я очень люблю пить чай с сахаром. Его — плотный, разновеликими кусками — раскусить непросто, и я ма-каю его в чай, как, впрочем, и все остальные: мама, сестра, тетушка...

Очень важно не прозевать момент, когда сахар чуть подтаял, но не начал растворяться. Однако так заманчиво наблюдать, как образуется сироп, и две жидкости разной плотности, толкаясь и волнуясь, проникают друг в друга. Горячий чай все переливают из чашки в блюдце, и смачно прихлебывают.

Тихо спускается ночь, и мама зажигает свет. Взлетают и кружатся вокруг абажура ночные мотыльки, иногда глухо стукаясь о лампу. Взрослые изредка переговариваются, а я держу на согнутом локте клонящуюся к столу голову. Сон смыкает веки, но я упрямо таращусь: «Нет, я не сплю», но наконец, сдаюсь, и, ныряя в прохладу своей постельки, чувствую, как медленно плывет и вращается Земля, чтобы через несколько часов подставить Солнцу свой бок.

ВАСИЛИЙ ШИШКОВ

ПОВОРОТ

1.

— Мама, мою Лялю забыли! — воскликнула Света, разбиная игрушки, которые недавно высыпала из мешка.

— Не расстраивайся, доченька, у нас скоро будет настоящая ляля, и ты будешь с ней, точнее с ним, играть, и мне будешь помогать. Ты ведь хочешь, чтобы у тебя был настоящий братик, а не игрушка? — откликнулась мама Светланы, разбиная коробку с бельем.

— Ну, это да, а как я буду сегодня спать без Ляли?

— Зато у тебя есть мягкий ласковый Миша. Неси мне его! — мама девочки достала из коробки детскую подушку, подошла к дочери, взяла игрушку, положила на подушку, и запела:

— Спят усталые игрушки, мишки спят, одеяла и подушки, ждут ребят ... — она подошла к детской кроватке, в углу комнаты и, качая подушку с игрушкой, положила у изголовья. Вот и кровать папа тебе успел собрать, и у тебя будет уютный уголок, где можно спать и смотреть сладкие сны.

— Да... А где ты с папой будешь спать сегодня?

— Наверно, на диване, если папа сможет разгрузить свой прицеп.

В это время, в прихожей послышался шум.

— Наташа, подойди, ко мне... — мама Светы пошла на зов. В коридоре муж заносил связанные стенки и полки шкафа.

— Хочу с тобой посоветоваться. Где мы будем этот шкаф ставить?

-
- Так это же детский шкаф. Значит его надо в комнату Светы.
- Это понятно, а тогда, где будем делать детский спортивный уголок?
- Саш, а ты спрашивал у хозяев разрешение на сверление и установку спортивного инвентаря?
- Согласие хозяев на сверление есть, да там и немного дырок надо.
- А сам инвентарь где?
- Договорился, но... Но, пока, наверно, не скоро дадут, это же...
- Тогда не проще ли установить детский шкаф в комнату Светы, а когда получим все для спортивного уголка, тогда и решим, что куда?
- А вещи для маленьского, куда будем класть?
- Ну, наверное, в наш шкаф, а потом... А как ты диван наш потащишь? Я же боюсь тебе помогать.
- Правильно делаешь, что боишься. Так же, как и холодильник. Мне с холодильником Иван помог. Хороший мужик этот Ваня. Помнишь, еще первый раз, когда только приехали смотреть квартиру, мы тогда с ним познакомились.
- Да, он, по-моему, из Новошатска.
- Короче, он скоро на обед придет с работы, ну тогда и занесем по-быстрому.
- Успеете?
- Конечно, я же спинки открутил.
- А когда ты поедешь?
- В обед... Как только, так сразу. Разгрузимся, сложим все и вперед.
- И прицеп потащишь?
- Так он сам покатится, даже будет меня подталкивать: «Давай, давай!» Ну, а потом, как отец будет бросать хозяйство и уезжать без прицепа?!
- Саш, только обещай, что...
- О!.. Обещаю быть хорошим мальчиком не брать с собой по пути плохих девочек и тем более мальчиков, и тем более...

— Саш, не дури! Пожалуйста, мы тебя очень ждем, поэтому поезжай через Ламай, не поворачивай на этот Старо...

— Как захочешь поломаться и любимой улыбаться, то ты время не теряй, а скачи скорей в Ламай!

— Саш!.. ну правда! Ты ведь хочешь, чтоб у нас всех, а главное, у твоих деток было хорошо?

— Наташа, правда-правда! Я знаю то, что все у нас будет хорошо, это настоящая правда, да-да-да! — Александр потянулся к жене. Взял ее за кисть, перебирая пальцами выше к локтю. Жена откликнулась на его жест, приблизившись к нему, стала слегка придавливать мужа своим выпуклым животом.

— Саша, ты чувствуешь? — спросила Наталья. Александр мягко коснулся живота супруги левой ладонью.

— Да!... Так!... Видчуваю! Як цэ у вас говóрять?

— Саша, прекрати сейчас же! — жена несколько отстранилась от мужа.

— Мэні здаётся йнколи я чую,
як серце всéсвitu надрýвно стукотыть
и влásным серцем я йому́ втору́ю
лэчу́, лэчу́ у зóряну ту мить...

— Откуда ты берешь такие вирши, стишки? — воскликнула Наташа.

— А, все оттуда... — когда реабилитировался, при храме, где я по твоей протекции приходил в себя, после... Да ты ведь знаешь, что это недалеко отсюда. Мир так тесен... А там был такой же, как я, только с твоей Черниговщины и с большим стажем. Он был сильно повернут на всей этой кухне с самостоятельностью-самостийностью. Со всеми только на своей мове — суржике — размовлял, а по вечерам нас своими стишками коромил. Вначале это было, как испытание, а потом привыкли. Мне даже некоторые понравились. Слушай, у вас там все такие комические? — Александр снова потянулся к жене. Ведь ты... Ты же — Всéсвіт! Вселенная! Космос!

— Дураков везде полно и дур тоже, но в наших местах, кста-

ти, очень много русских сел, где старообрядцы издавна жили, а теперь...

— Теперь немножко другие времена. — А зáраз, вже йнъша зарáза! Алé... Ты такая мягкая... — Александр нежно погладил выпуклый животик жены, а Наташа прильнула щекой к груди мужа.

— Чувствуешь нашего малыша? — она подняла глаза, улыбаясь.

— Чувствую, что кто-то есть, — ответил ей Александр.

— Если чувствуешь, то ради малыша нашего, ради нашего чувства, ради меня, ради всех нас, пожалуйста, не поворачивай... Не делай поворот на этот Староберезов, — поезжай домой через Ламай!

— Наташенька, дорогая, это больше ста километров по забитой машинами трассе надо объезжать всю округу! Ты представляешь, сколько бензина, а главное, сколько времени это займет? Тогда я не успею на вечернюю электричку к вам. А еще, отец хотел по-быстрому смотаться в Новые, ты ведь знаешь, это — около Трех Сестер. Он хотел, чтоб внезапно так, резко забрать бабку Нюру с собой, пока она будет растерянной от неожиданности. Он собирался сегодня завидно доехать до нее и вернуться, а выезжать собирался сегодня в ночь. Без бабки Нюры никуда он не поедет.

— Да! Да! Слышу! Как это у вас говорят?

— Мне кажется, иногда я слышу,
как сердце Вселенной надрывно стучит,
и собственным сердцем я ему вторю,
лечу, лечу в звездное то мгновение...

— А сейчас уже другая зараза! Но...

2.

После сборки мебели и быстрого обеда Александр тихонько, поцеловал Свету, которая заснула в кроватке со своим Мишем. Взял барсетку с документами и ключами, вышел из подъезда. У любимой «четверки» его ждала Наташа. Она стояла с небольшим пакетом.

— Здесь в контейнерах домашние котлеты — вечером по-ешь, и домашних угостишь, а в бутылке компот. Ты ведь в дорогу не пьешь, так может потом выпьешь.

— Компот не водка, много не выпьешь!

— Саш, ну хватит про водку. Только обещай, что не через Староберезов, только через Ламай, хорошо?! — она напряженно всматривалась в его лицо.

— Если хочешь прямо в рай, то скаки скорей в Ламай...

— Саша, дорогой, — поставив сумку на капот, она потянулась к нему, обняла, уперлась спиной в водительскую дверь. Не через Староберезов... — выдохнула она.

— Дверь, Наталья, открывай, чтобы я скакал в Ламай! — ему никогда не нравилось долго прощаться. Поцеловав жену в лоб и мягко отстранив ее, он залез в кресло водителя. Пока прогревал машину, Наташа стояла рядом и держалась обеими руками за водительскую дверь, через открытое стекло. Она умоляюще смотрела на его профиль, а он, наверное, чтобы отвлечь ее, немного на-жал на газ, и к шуму двигателя присоединились грохочущие звуки.

— Опять глушитель начал разбалтываться, на яму надо. Придется с Ванькой потом переговорить насчет ямы.

— А ты доедешь с таким?

— Да, хоть без глушака, чтобы твоих земляков припугнуть, а вдруг я на танке...

— Не вспоминай больше ...этих! — воскликнула Наташа и как-то напряглась при этом, а он, почувствовав, что сказал лишнее невольно потянулся к ее тонким пальцам, которые держали дверь изнутри, наклонился и поцеловал их. Она тоже наклонилась, чуть приоткрыв рот. Александр потянулся в открытое окно, губы их встретились.

— Жду тебя, — чуть слышно прошептала она.

— Пора. — Ответил он.

Наконец, Наташа выпрямилась, отошла от шумного автомобиля, и он поехал.

Вот в боковом зеркале мелькнуло ее красивое лицо. В зеркале заднего вида поплыла ее фигура немного неуклюжая,

но такая любимая, с выпуклым животиком. Александру вдруг показалось, что он где-то когда-то уже видел это, а может, ему почудилось, что он снова увидит все это... Вот она исчезла за углом дома. Потянулись улицы, перекрестки... один, другой. Через некоторое время Александр медленно проехал мимо полицейского поста, на окраине, мимо танков и орудий, времен Отечественной, стоящих вдоль дороги. Потом потянулась длинная обездная дорога с высокими соснами, перелесками вдоль шоссе. Наконец, спустя четверть часа мимо проплыли голубые озера с редкими отдыхающими, несмотря на хорошую теплую погоду.

Перед выездом на трассу заправил полный бак и еще канистру бензина, чтобы отцу не надо было заправляться. Перед ним лежала хорошо знакомая трасса. Движение на ней было не такое плотное, как на окружной, но фур, как всегда, было много. В основном это были трейлеры с белорусскими и турецкими номерами. Прислушиваясь к шуму мотора, который иногда начинал сильно грохотать, Александр невольно вспоминал то, что прошло в этой жизни и что предстояло. Пока он тащился за длинной чередой турецких фур, почему-то начал вспоминать тетку Надю.

Она, как и вся его родня, жила в их районе, потом вышла замуж и уехала на Север. Много лет прожила там с мужем, родила сына и дочь, а когда муж умер, вернулась на родину, стала жить в райцентре. Тетка Надя не любила рассказывать о себе, но както раз, после хорошего застолья по случаю чьего-то дня рождения, она поведала ему историю о том, как ее лечили на Севере.

Вскоре после смерти мужа она попала в ДТП и пока лежала в больнице, долго не могла прийти в себя. Больше двух недель она лежала на аппарате искусственного дыхания. Тетя Надя подробно описала Александру все, что чувствовала и, главное, что видела, пока находилась в коматозном состоянии. Он не знал почему, уединившись именно с ним, Надежда рассказала ему в подробностях о своих ощущениях в состоянии комы. Спустя некоторое время родственники стали замечать, что Надежда часто правильно предсказывает разные события,

начиная от погоды и заканчивая серьезными бытовыми проблемами. Однажды, в узком кругу близких ей сказали об этом, но она попросила никому из чужих про ее способности не говорить. Когда же Александр встретил свою Наташу, а случилось это лет двенадцать назад, на фестивале у «Трех Сестер», на границе трех братских республик, то он решил посоветоваться со своей тетей. Он влюбился тогда в свою будущую жену с первого взгляда. Наталья на том фестивале выступала с песенным ансамблем из соседнего украинского района. Она многим нравилась: симпатичная, статная, звонкая, бойкая. Да и Александр, недавно отслуживший в армии, мало кому уступал в мужской силе и красоте. Он тогда для смелости выпил грамм сто и пошел к понравившейся ему девушке. Познакомившись, Александр потом все дни фестиваля уже ни на шаг не отставал от Наташи. Это было в конце июня, а в середине июля он уже засобирался ехать к ней в соседний район, который стал соседней страной. Дорога была не дальняя – еще ходили автобусы, электрички, поезда, да и отец дал ему доверенность на машину. Тогда, перед поездкой, немного побаиваясь, Александр решил зайти к тете Наде. Ему было и страшновато, и очень интересно узнать, что же она скажет о его выборе. Надежда долго рассматривала его самого, взяв в руки обе его кисти, всматриваясь в его глаза, а потом внимательно разглядывала две фотографии его любимой девушки, которые ему удалось сделать на фестивале. Он пытался уловить мимику своей тети, хотел заглянуть ей в глаза, но она, как обычно после таких процедур, долго сидела молча, немного наклонив голову и закрыв лицо руками. Потом, приподнявшись, взглянула на него и отвела глаза. Надежда сказала, что девушка поможет ему во многом в этой жизни, главное, что избавит его от змея, зеленого змея, который собирался просыпаться в нем. Гадалка говорила, что девушка эта должна спасти его от погибели, наконец, сказала, что он будет очень счастлив с нею, но... Потом тетя Надя почему-то отвела глаза, и ему показалось, что они засияли, затем она

резко поднялась, подошла к окну. Облокотившись об оконную раму, она долго смотрела во двор, где спокойно гуляли куры и что-то клевали, и вдруг Александр увидел, как тетя подняла руку к глазам, а голова ее, и плечи начали вздрогивать. Потом тетя успокоилась, и несколько минут они молчали. Наконец, не глядя в сторону племянника, Надежда сказала каким-то изменившимся хриплым голосом:

— Не знаю, что сказать. Ты будешь с ней счастлив, даже очень счастлив, не знаю, как... как долго, — не знаю... Время, так быстро летит, так быстро... Короче, все всегда когда-то за-качивается. Только не говори никому! — Александр встал и хотел приблизиться к тете, но она, почувствовав его движение и не обернувшись, замахала рукой. Продолжая смотреть в окно, она сказала, что хочет побыть одна.

Александр, глядя на высокие задние двери грузовой машины, вспоминал, вспоминал, вспоминал. Ему было стыдно теперь вспоминать, как Наташа вытаскивала его из пьяных компаний, как часто ездила к нему в общежитие для зависимых при монастыре, как несколько раз спасала его во время его буйств и отравлений от неизвестного алкоголя. Наконец сейчас, в такое непростое время, она нашла для них хорошую квартиру в аренду по скромной цене, в новом спальном районе областного центра, чтобы пережить надвигающуюся катастрофу. Большой город охраняется серьезнее, чем их деревенский райцентр, есть надежда на хорошую работу, и вообще есть надежда на жизнь, тем более что скоро должно быть пополнение в семье.

После крутого спуска начался знакомый подъем, Александр автоматически включил левый поворот, отъезжая от фур в среднюю полосу. В небольшом перерыве между встречными, Александр нырнул налево на небольшую асфальтовую дорогу, уходящую вглубь бескрайних полей. Он с облегчением вздохнул, когда избавился от напряженной трассы, забитой дальнобойщиками, и тут же вспомнил, о чем просила Наташа: «Только не через Староберезов!»

— Ну, а как иначе? — мысленно оправдывался он. — Опять до позднего вечера ползти за этими бесконечными фурами? Тогда никто и не выедет от нас, если поздно приеду, если просто опоздаю.

Он включил радио, которое еще с поездки из дома, было настроено на радио Чернигова. В приемнике был еле слышен голос диктора, перебиваемый шумом помех. Километров через пятнадцать-двадцать голос диктора стал четче, стали различимы возгласы про «вельки втраты ворога».

— Значит, приближаемся к братьям. Все как обычно, — мелькнуло у Александра в голове. За окном проплывали добротно отстроенные серые здания картофелехранилищ.

— Вот она вотчина нашего губернатора! — невольно вслух произнес водитель. Он сделал радио потише, готовый в любое мгновенье выключить, так как скоро должны были показаться посты.

— Боже, губернатора храни! Что бы мы делали без шикарных староберезовских сыров, что столица или, кто там еще, ели бы без нашей староберезовской бульбы? — воскликнул Сашка.

Наконец за лесополосой, после подъема, показался райцентр. Блокпост перед въездом в поселок задержал его минут на пять. Александр медленно ехал по ухабистым с крутыми спусками и подъемами улицам Староберезова. Ему невольно подумалось: «Деревня деревней, а ведь на несколько веков старше столицы!»

Наконец, за последними хатами с яблочными садами выехал на шоссе, где за поворотом — блокпост. Шоссе и обочины были перекрыты массивными бетонными плитами. Между плитами — шлагбаум, ежи. На этот раз к нему подошел офицер. Понтересовался: откуда, куда, зачем — осмотрел машину, салон, багажник, прицеп. Вопросов ни у кого не было. До дома оставалось километров тридцать, и асфальт здесь очень хорошийложен, несмотря на все события вокруг. Отличная трасса! Только один раз встретилась легковушка, и все — пустое шоссе.

— Можно и притопить! — Александр снова включил радио Чернигова.

По радио какой-то военный рассказывал о преимуществах американской военной и немецкой техники, по сравнению с оружием «вбогра». «Столетиями жили вместе, в одни школы ходили, одним мовой-языком говорили, а теперь?!... Ведь слышал, как один восточный предсказатель говорил, что мир пойдет не от столиц, не от других стран, а именно от Чернигова», — думал Александр. Над асфальтом низко склонились кроны деревьев, которые в некоторых местах, казалось, соприкасаются с обеих сторон шоссе ветвями. Машина не ехала, а летела, несмотря на прицеп, а мимо проносились деревья, с низко опущенными ветвями, где-то между кронами блистало голубое небо. До вечера еще далеко...

«Мир пойдет от Чернигова...» Как вдруг он почувствовал в какое-то мгновенье: что-то произошло. «Мир пойдет от...»

Какое-то пронзительное ощущение, чем-то напоминающее сильное до боли наслаждение, вдруг возникло внутри. На какой-то миг была непонятная задержка, а потом снова полет. За какие-то мимолетные мгновенья он вдруг увидел все. Он увидел всю свою жизнь: Наташу, сегодня провожавшую его в дорогу, Наташу с новорожденной Светой, Наташу, поющую на сцене красивую украинскую песню, Надежду, рассказывающую ему о нестерпимо сильном свете, умирающую мать, отца, пашущего поле и лес... Чудный староберезовский лес! Он почувствовал какое-то облегчение! Никогда такого не было. Мимо летели стволы деревьев, а их зеленые кроны кружились и кружились вокруг него... Наконец, он заставил себя посмотреть: а что же вокруг? Может, что-то там, внизу? А внизу лежала перевернутая на крышу его четверка, где-то лежал под березой опрокинутый прицеп. К перевернутой машине подбегали военные в камуфляжных одеждах с желто-голубыми повязками на рукавах. Они почему-то продолжали яростно стрелять, — в его дымящейся автомобиль. А стрелять уже было не в кого — он был свободен. И тут он невольно поднял глаза, и увидел на фоне очень яркого неба —

КРАСНАЯ СТРОКА

Солнце! Сияние этого Солнца было таким ослепительным, что невозможно было поднять взгляд. Это сияние Солнца и манило к себе, и страшило, и...

09.09.24.

Часть 2. Красивая жизнь

ГАЛИНА ТАЛАЛАЕВА

ПРЕДЧУВСТВИЕ СЛОВА

Моя красивая жизнь раскрылась неожиданно и ярко. Щедрым ливнем обрушилась она на меня! Нет, вначале никакого обновляющего дождя не было, не было звенящего солнца в разноцветных лужицах! Только тексты. Тексты очередного конкурса, в который включились отчаянные смельчаки литературной студии «Красная строка».

Пишем о красивой жизни, о своей красивой жизни, коротко прозвучало задание нашего руководителя. По своему обыкновению она добавила: сможете? И улыбнулась: сможем! Мы взялись за дело. И вот теперь почти все готово. Надо только осознать, что же у нас получается.

Мои товарищи по «Красной строке» не раз слышали от меня, что я не критик, не рецензент. И уж совсем не вижу себя наставником. Я — Читатель! В лучшем понимании этого слова, потому что не только впитываю информацию, но смело включаюсь в действие, развернутое автором, следуя за эмоцией, безоглядно влюбляюсь в героев повествования, способных увидеть и поделиться своим светлым ощущением жизни, даже в тревожные времена.

И чтобы не быть голословной, скажу о тех произведениях, которые порадовали.

«Месяц из долгой счастливой жизни» Елены Громовой и «Ave, Майя!» Татьяны Бирюковой рассказали мне обо мне самой, о моей любви к театру, бесконечной тревоге о своих детях и внуках, о желании быть ближе и понятнее им. Кто поспорит, что это и есть самая красивая жизнь? Конечно, это сделает Юлия Великанова, придумавшая небывалый литературоведческий тер-

мин — раннеутренний экспромт и дала ему название «Красиво и жизнь». Но если бы только это. Она, как горстку разноцветных камешков набрала в ладони понятия, так или иначе относящиеся к нашей теме, и стала подбрасывать их, как в цирке, чтобы мы успели выбрать в стремительно меняющемся разнообразии: короли и королевские особы, люди, обладающие властью, или бесконечные просторы искусства? «Красивое, — говорит она, — это суть, которую до конца невозможно нащупать. Но чувствовать можно.» И самое главное — искренность и щедрость. Доброта. Энергия покоя. Здоровье. Есть желание дополнить? Продолжайте.

Сразу откликнулась Юлия Пучкова, и мы вместе с ней поняли, что давно и безошибочно умеем чувствовать язык живой природы и откликаемся симпатией на доверие животных, которые участвуют в нашей жизни. Трогательная история «Две жизни» с легкой Юлиной руки помогла пережить страх потери близкого. И мы вслед за ней верим, что любовь, «даже ослабленная расстоянием, пульсирует вокруг нас», как поверил кот Матвейка дочери своего хозяина, когда она, вернувшись из больницы, сказала: «Папу выпишут, и вы снова будете вместе. А теперь поедем со мной.»

Такие истории хочется читать и пересказывать, но это потом когда-нибудь, а пока не станем, потому что впереди у нас замечательное путешествие в Большево, организованное для нас Ниной Кроминой. «Войдя в дом-храм Сергея Николаевича Дурылина, — пишет автор миниатюры, — я ощутила радость обретения и возвращения. Будто когда-то давно ушла, а теперь вернулась!.. Я узнаю забытые за жизнь предметы из утраченной старомосковской и пригородной жизни. Праздником стал для меня этот зимний день».

А для нас, добавлю от себя, — дружеским советом, не теряя попусту времени, окунуться в книги о культуре двадцатого века, о духовной близости людей, не потерявших лица в самые суроые дни, сохранивших нашу историю и русский язык. Я вновь процитирую Нину Кромину: «Здание построено в 1936 году

по проекту архитектора Алексея Викторовича Щусева. При строительстве использованы некоторые фрагменты Страстного монастыря. В моей памяти дух монастыря еще витал на Пушкинской площади, куда я совершила прогулки с дедушкой». Такая близость давно прошедших дней и нашего времени действуют, как освежающий всплеск свежего ветра, стоит открыть окно и почувствовать, что от твоего участия, от твоего интереса и любознательности зависит не только твой кругозор, но и понимание того, как прочны временные и родственные связи поколений. Только остерегайся скользить по поверхности, углубляйся в суть!

И если уж мы с нашей «Красной строкой» взялись постигать школу литературного труда, станем вникать и прислушиваться к тому, как строится литературный текст, напряженность сюжета и легкость одухотворенного замысла, с какими героями упорно движется к свету наш Автор. Подчеркну, и ситуации бывают разные, и характеры действующих лиц разные, часто диаметрально противоположные, если не враждебные, как в жизни. Но задача писателя показать светлую дорогу, чтобы помогать добрым началам.

Перед нами работа Сергея Мельникова «Капустница». С первых строк повествования мы включаемся в события, разворачивающиеся в приморском баре, где «перед самым открытием работает художник: к среде на пустой стене появились горы, лес, озеро. В пятницу из озера высунул морду крокодил, в прозрачной воде засверкала рыбья чешуя, на ветвях расселись птицы...» И останавливаться не хочется. Так будет на протяжении всего рассказа, потому что автор не выдумывает, не подстраивается под вкусы будущих читателей, не сочиняет на ходу, а рассказывает о том, что знает. А ведь это и есть главное условие успешной работы писателя. И мы чувствуем, что он выиграет тот самый бой, который мы называем предчувствием Слова. Выиграет, выведя на театральную, будто бы, площадку всех своих героев, распишет до узнаваемости каждого из них, распределит все зрительские симпатии-антагонии и не оставит малейшей лазейки для своего отступления.

Специально не пересказываю сюжет, вы прочитаете все сами и согласитесь со мной, а если спор предстоит, я буду рада побороть в этом споре, чтобы еще раз сказать о том, как все мы заждались такого Слова, которое выводит из мрака, даже если герою приходится выходить один на один с пьяной «породой богатырей, свининой откормленных, водкой проспиртованных — кулак с пивную кружку». А он выходит, чтобы заступиться за молоденькую официантку, которой сам же дал воздушное имя «Бабочка». И пусть этот шаг не изменит будущего девушки, ей предстоит пройти в своей жизни через многое. Но он сделал этот шаг, не отвернулся. Вот почему после первого прочтения рассказа я написала Сергею: молодчина! В самой будничной жизни прибавилось света.

Еще один веский вклад в нашу копилку света сделал Михаил Кромин короткой зарисовкой «Стоянка поезда пять минут». Ничего, казалось бы, особенно праздничного: поезд идет через снежную пустыню, стук стрелок, переезд с мигающими красными глазами, темные дома и несущаяся навстречу чернота... Однообразие пейзажа за окном и казалось, «что на всем пространстве огромной страны есть всего несколько ярко освещенных пятен, между которыми светящимися гусеницами ползли поезда, перенося людей из одного благополучного мира в другой».

«Сергеев взглянул на жену. Она спала с книгой. Он осторожно взял книгу, погасил ночник и прислонил руку к ее прохладной щеке. Она в полусне прижалась к руке губами и отвернулась. Сергеев часто думал о том, зачем жил. И только сейчас он понял, для чего живет — для того, чтобы вот так ехать с любимой женщиной в „знакомый до слез“ город, поселиться в любимую „Октябрьскую“ с видом на Лиговский, пройтись, держась за руки, по Невскому, а вечером в театр».

Предчувствие Слова нас не обмануло. Любовь! Конечно же, любовь. А без нее куда ж?

ЛЮДМИЛА БАЗУРОВА

ВЫБОР

В центре Москвы на улице Тверской, на втором этаже, в квартире №7 жила молодая пара: красавица блондинка Ната двадцати двух лет и ее муж Станислав – спортивного вида молодой человек, которому уже исполнилось тридцать лет.

Молодая семья наслаждалась жизнью и общением друг с другом. Ната очень любила своего мужа и называла его не иначе как уменьшительно-ласкательно – Стасик.

Роскошную квартиру Стас получил в наследство от бабушки, когда ему исполнилось двадцать лет и он учился на третьем курсе института. Она завещала ее единственному внуку. После окончания института его забрали в армию на год. Бабушка переехала к родителям Стаса. Закончив службу, он устроился на работу и стал жить в своей квартире не зависимым от родительской опеки человеком.

Однажды на улице он встретил своего одноклассника Сашку, которого не видел несколько лет. Все школьные годы они дружили, но потом их пути разошлись, и они долго не виделись. Друг пригласил его к себе домой, чтобы отдать фотографии с последнего школьного звонка. Стас в свое время не получил их, а потом решил, что они потерялись. С порога Сашка крикнул:

– Натка, иди-ка сюда!

Из комнаты вышла незнакомка в коротеньком ярком халатике.

– Стас, это моя сеструха. Она тебя чаем напоит, а я фотки пока найду.

– Я сейчас, подождите, – проговорила девочка и ушла в комнату.

Вышла она одетая в спортивный костюм.

Стас обомлел, такой красивой девочки-сестры у друга он никогда не видел. Ей было лет шестнадцать. На худеньком, почти прозрачном лице светились зелено-изумрудные глаза с поволокой. Белый высокий лоб делился на две части круто-изогнутыми линиями бровей. Точеный прямой носик, пухлые, красиво очерченные губы, по-детски мягкий овал лица и гладкая матовая кожа лица говорили о том, что эта юная особа еще не испортила себя декоративной косметикой. Фигурка у девочки была тоже хороша, но не модельная метр восемьдесят, а стройная и невысокая. Да Стасу и не нравились высокие и худые девушки, видимо потому, что он сам был поджарым и высоким — метр девяносто — весь в отца, как говорила мама. Она была маленькой, пухленькой, но властной и умело командовала своими высокими и сильными мужчинами.

— Маленькая женщина создана для любви, а большая для работы. Ты, сын, выбирай большую, пусть лучше работает, — смеялся отец.

Стас улыбнулся, вспомнив отцовскую шутку, и подумал, что эта девушка действительно создана для любви, хотя она еще, быть может, и не знает этого.

— Проходите в Сашину комнату, я вас сейчас чаем напою.

Она открыла дверь и ушла. Сашка сидел на полу, вокруг него большими кучами лежали альбомы, книги, два портфеля и рюкзак.

— Проходи стариk, где-то здесь фотки, сейчас найду их. Так тебя Натка чаем не напоила? — спросил он.

— Да несу уже. Я не стала его на кухне поить, ты, наверное, тоже голодный. Саш, я и тебе чай налила и пирожками вас сейчас накормлю. С утра напекла, но сама еще не попробовала. Вы поешьте и скажите, удались они у меня или нет.

Девушка поставила поднос с чашками и сахарницей на стол и ушла.

— Саш, а откуда у тебя такая красивая сестра взялась?

— Ты что, не помнишь, как я ее в школу водил? Это мой хвостик был. Родители работали, а я сестру воспитывал.

— Да, вспомнил, но ведь она тогда малюсявка была.

Сестра принесла пирожки. Румяная выпечка большой горкой лежала на блюде.

— Саша, если еще что-то надо, позови, — закрывая за собой дверь, проговорила она.

— Стас, ты, наверное, не знаешь, что два года назад наши родители погибли в автокатастрофе. Так вот, сестренку я продолжаю воспитывать, выросла она и, конечно, изменилась, и теперь мы идем с ней по жизни вдвоем. В Москве нет у нас родственников. Я за нее в ответе. Она классная девчонка, учится хорошо, у меня с ней нет хлопот.

— Саш, а можно с ней поближе познакомиться? Очень она мне понравилась!

— Ты охренел, что ли! Она пацанка еще, не целованная, а ты — мужик взрослый. Убью за нее даже друга! А вот и фотографии, — он кинул пачку на стол и встал с пола.

Стас почувствовал — Сашка изменился и стал хмуро поглядывать на часы, всем видом показывая, что засиделся гость. К чашке с чаем он не притронулся. А вот Стасу уходить совсем не хотелось, он съел три пирожка, выпил чашку чая, дождался, когда Натка придет за посудой, и сказал:

— Спасибо, очень вкусные пирожки! Ты хорошая хозяйка. Ребята, я приглашаю вас к себе на дачу, порыбачим, позагораем, я вас с моими предками познакомлю. Они у меня добрые. В этом году клубника уродилась, мама не знает, что с ней делать. Может, Натка поможет собрать ее? — обратился Стас к Сашке.

— Конечно, помогу и собрать, и варенье сварить, — отозвалась Ната.

— Посмотрим, я позвоню тебе, — сказал хмурый Сашка.

С этого дня все изменилось в жизни Стаса — он понял, что эта девочка его судьба, что пришла любовь. Это чувство не было похоже на первую школьную любовь. Тогда ему было тринадцать лет, и он влюбился в одноклассницу Леру, но она не ответила взаимностью. Он тяжело переживал свою неудавшуюся любовь.

Потом у него в институте была подружка, которая страстно любила его. Но их роман длился лишь два года и прекратился по взаимному согласию, так как девушке очень хотелось выйти замуж, а Стас еще не созрел для семьи.

Встреча с сестрой друга была полной неожиданностью. Вот о такой невесте можно было только мечтать. Но очень уж молода! Он на восемь лет старше ее и уже имеет хорошее образование, работу, живет отдельно от родителей. Ему двадцать четыре года. Конечно, пришла пора жениться! Но эта юная девочка еще учится в школе! А там, возможно, и в институт поступит, тогда ее можно потерять. Нет, только не это...

Стас стал часто навещать друга и все больше открывал для себя положительные черты характера юной барышни. Она стала отвечать взаимностью, ее глаза искрились, когда он приходил. Сашка контролировал их отношения и, конечно, видел зародившееся чувство сестры и крепко держал оборону.

Так прошли два года. Стас и Ната любили друг друга на расстоянии, общались по скайпу, так как Сашка запретил встречи без его присутствия. Лишь изредка, зимой, они втроем ходили на каток или в кино, а летом ездили на дачу к Стасу. Молодые мечтали о свадьбе и совместной жизни.

Поженились они, когда Натке исполнилось восемнадцать лет, а ему двадцать шесть. Родителям Ната очень понравилась, и они полюбили ее, как дочку. Она окончила после школы курсы и начала работать на почте оператором.

Молодые прожили три года, но детей не завели. Сначала их не хотел Стас: говорил, что надо пожить для себя, поездить, посмотреть мир. Потом Ната поступила в институт.

Они наметили программу — два раза в год ездить за границу. В первый и второй годы совместной жизни Стас и Ната проехали на автобусах, паромах, автомобилях всю Европу. На третий год они путешествовали по Азии и островам. Жаркие страны не впечатлили, очень большая температурная разница и чужая экзотика действовали как внешний раздражитель.

Шел четвертый год их совместной жизни, отношения молодых супругов стабилизировались, они привыкли друг к другу. Всеобъемлющая, бескорыстная любовь Наты сделала Стаса уверенным в себе человеком.

На работе дела шли хорошо, его уважали за трудолюбие, за умение принимать самостоятельные решения. Молодежная компания, которая возникла у них в тресте с приходом красивой практикантки Люси, стала часто устраивать встречи на природе после работы или в выходные дни. Люся была дочкой учредителя большого строительного холдинга, куда входил их трест, и молодежь понимала, что от ее внимания и отношения зависела дальнейшая карьера каждого из молодых сотрудников.

Все чаще на работе и на отдыхе Стас чувствовал пристальные взгляды красавицы Люси, но не придавал им значения, мало ли, что ему казалось. Никто из коллектива не догадывался о симпатии к рядовому сотруднику. Коллеги знали, что Стас женат, любит жену, многие гуляли на их свадьбе, и всем нравилась его скромная молоденькая жена Наточка.

Однажды Люся объявила, что на всю их кампанию заказала путевки в санаторий «Светлана» в Сочи, и выдвинула условия, что все едут без жен и мужей, только узким кругом. Стас, конечно, был не против провести отпуск в России, в кругу друзей, на побережье Черного моря.

Но было одно «но» ...Он не знал, как объявить жене, что едет на отдых один. Наконец-то придумал — она тоже приедет, но на неделю позже, в этот же санаторий. Он заказал по интернету путевку Натке, оплатил ее и со спокойной совестью уехал.

В самолете Люся села рядом со Стасом и два с половиной часа они проговорили: то она расспрашивала его о семейной жизни, то сама рассказывала о себе. Он узнал, что ей тридцать два года, но она только сейчас начала работать, и то, в качестве практикантки, чтобы увидеть весь процесс прохождения договорных обязательств и понять, что представляет из себя структура строительного треста, и как надо управлять им, на кого расчитывать в работе. Условия отца таковы — в течение года надо

выработать тактику перехода на новую ступень развития и смены руководства треста. До тридцати двух лет Люся с горем пополам окончила строительный институт, куда дочку определил папа, после того как ее отчислили из МГУ. Она дважды побывала замужем, попробовала в этой жизни все: алкоголь, наркотики, всякие сексуальные извращения, даже чуть не стала самоубийцей. Детей все эти годы она не хотела, и вот только недавно наступило прозрение.

Люся рассказала, что однажды, случайно, когда на душе было особенно скверно, она зашла в церковь рядом с домом и почему-то купила молитвослов. Дома открыла его и не могла оторваться от молитв, она читала их как интересную книгу о любви. Что-то повернулось в сознании, она поговорила с отцом о своем решении начать новую жизнь. Отец порадовался за нее.

Люся сказала Стасу, что, конечно, трудно стать другой, она эгоистка, но очень будет стараться исправиться, а помочь укрепиться ей в новой жизни должен он — Станислав.

— Почему именно я? — спросил Стас.

— Я долго наблюдала за тобой. Ты умный, порядочный, добродушный. Я могу полностью положиться на тебя. Ты должен взять шефство надо мной, всегда быть рядом и оберегать от непредвиденных ситуаций, как на работе, так и в быту.

— Но я женат.

— Одно другому не мешает. А там поглядим, что и как.

Она не спросила, согласен ли он ступить на скользкий путь то ли бойфренда, то ли камердинера. Какую же роль она ему все-таки отводит — любовника или личного слуги?

Конечно, в любом статусе он должен быть больше, чем служивец.

В самолете Стас промолчал, он не выразил своего согласия или несогласия, но заселившись в номер, подумал, что отказываться нельзя, ведь еще неизвестно, каких высот он может достичь в этой непростой жизни с помощью красивой женщины. О жене он как-то и не вспомнил в этот вечер. В честь приезда на отдых, в первый день, Люся заказала отдельный маленький

зал с живой музыкой для всей компании из двенадцати человек. Весь вечер все ели, пили, разговаривали и танцевали. Получилось так, что вся молодежь поделилась поровну — парней шесть человек и девушек тоже шесть, сразу организовались пары. Стас все время танцевал с Люсей, ему было приятно обнимать гибкое красивое тело, затянутое в темно-синее короткое платье с большим вырезом на спине. На шее, в ушах, на пальцах и даже на щиколотке правой ноги красовались массивные золотые украшения, выполненные в едином стиле, видимо, на заказ, каким-то современным ювелиром-дизайнером. Ему даже подумалось, что неприлично надевать на себя у моря такое количество побрякушек, хоть и золотых.

Все разошлись по своим одноместным номерам далеко за полночь. Станислав уже засыпал, когда в дверь тихонько постучали. Он приоткрыл дверь и отступил в темноту комнаты. Люся тихо проскользнула мимо него и села на кровать. Он растерялся и не знал, что делать.

— Прости, мне одной скучно, можно я побуду с тобой? Завтра все проснутся поздно, рано утром я уйду. Ну, что ты стоишь, Стасик! Садись рядом или даже ложись, и я тоже прилягу.

Больно кольнуло слово «Стасик», так называют его только мама и любящая молоденькая жена Наталия, которую со школьной скамьи все звали «Наточка» за ее кроткий нрав. Люся нырнула под простыню, отодвинулась к стене и позвала:

— Ложись, или боишься меня? Я не кусаюсь, а вот согрешить можно, если сам захочешь.

Стас нерешительно прилег на самый край кровати поверх простыни. Он не мог начать разговор, не мог шевельнуться, не знал, как вести себя с этой искушенной в жизни женщиной, ощущал себя подлецом и вором, ведь до сего времени он не нарушал супружескую верность, искренне любил Нату, уже хотел ребенка и приятной семейной жизни. И вдруг...

Простыня откинулась, и белое, горячее, пряно пахнущее тепло навалилось на него. От колдовского терпкого запаха он потерял голову, его тело откликнулось на зов самки, и они слились

в едином страстном порыве. Никогда так долго не длилось желание обладать женщиной, его силы не убывали, а, наоборот, с каждой минутой нарастало возбуждение. Ее тело было игрушкой в его руках, и он играл не останавливаясь. Наконец она выдохнула:

— Ну, все, хватит, ты, потрясающий мужчина. Мне пора идти, а то вдруг кто-нибудь зайдет ко мне. Я не прощаюсь, милый!

И она упорхнула, оставив свой неповторимый запах. Стас блаженно потянулся и сразу крепко уснул.

Проснулся он свежим и бодрым, но голодным. Взял пляжное полотенце, заглянул в столовую, но она была уже закрыта, и пошел на пляж. По пути Стас купил несколько пирожков, воду и разных фруктов. Он шел и мечтал, что наступит вечер и опять придет она. И теперь его уже не радовал, а огорчал приезд женщины. Вечером приходила Люся, и они до утра горячо любили друг друга. Это была какая-то животная страсть без насыщения. Время неумолимо бежало. Прошла неделя.

Ната приезжала вечерним поездом и позвонила, чтобы муж встретил ее. Ему впервые после приезда на юг захотелось быстрее увидеть жену и прекратить это сумасшествие. Накануне вечером он объявил Люсе:

— Приезжает моя жена, жить она будет в этом же санатории, так что встреч больше не будет. Извини, что не составил компанию до конца отпуска.

— Стас, но я не могу без тебя, ты мне нужен каждый день. Отошли ты эту тетку назад, зачем в Туле свой самовар? Она старая и толстая?

— Почему ты так подумала?

— Потому что ты такой жадный в постели, как будто у тебя никогда не было любимой женщины, с которой бы ты полностью удовлетворял свои желания.

— Завтра я вас познакомлю, только ты не показывай вида, что мы близки друг другу.

Опять была бессонная сумасшедшая ночь. Люся задержалась у него, и многие видели ее, в коротком халатике, выходя-

щую из номера Стаса. Коллеги явно догадывались об их связи, но никто ничего не говорил. У каждого из них был свой скелет в шкафу.

Перед ужином Стас уехал за женой. Встреча прошла как-то сухо: поцелуи в щечки и вопросы ни о чем.

Стас шел рядом с женой и кожей чувствовал завистливые женские взгляды и восторженные мужские. Ната была хороша: рассыпанные по плечам белокурые волосы, красивая точеная фигурка в белой открытой майке, в коротких белых шортиках, белых кроссовках. Она притягивала все взгляды. От ее мраморной кожи исходила чистота и молодость, наверное, поэтому, разомлевшие от солнца мужчины, оглядывались, останавливались, пытались заговорить, не обращая внимания на ее спутника.

Ната и Стас оставили вещи в номере и пошли ужинать. Коллеги кинулись со своих мест поприветствовать юную леди. Подошла к ним и Люся. Поздоровалась, оглядела с ног до головы и ушла.

Стас весь вечер провел с женой, показал ей всю территорию санатория, пляж, окрестности. Они погуляли по улицам Сочи и пошли спать в номер Наты. В постели Ната была стеснительной, и Стас поневоле сравнивал двух женщин — темпераментную без комплексов Люсю и флегматичную Нату. Сравнение шло не в пользу жены, но роднее и ближе человека нет и быть не может. Только она может так бескорыстно и нежно любить, а стыдливость, так это даже хорошо! Не загуляет, не предаст и ребенка правильно воспитает! Да и какие ее годы!

На следующий день Ната лежала на пляже, ей хотелось загореть так же, как Стас. Он играл в волейбол, Люся была рядом и украдкой шепнула ему:

— Я жду тебя, приди хоть на пять минут.

На ужин Стас пошел один, жена обгорела и есть не хотела. Чтобы облегчить болезненное состояние Натки, Стас попросил на кухне кефир, и пошел ее мазать. В холле сидела Люся и ждала, видимо, его.

— Пошли сейчас ко мне, надо поговорить.

Они быстро нырнули в ее апартаменты. Жадно прильнув к его губам, она выдохнула:

— Какая красивая у тебя жена и совсем молоденькая еще, но она созреет как женщина только к тридцати годам. Ты, наверное, ребенка хочешь?

Конечно, хочу, ведь четвертый десяток пошел. Крохотное родное тельце так хочется обнять и потискать!

— Да, все преимущества у твоей жены. Я, к сожалению, никогда не смогу родить. Скажи, ты будешь помогать мне в работе? Я не вижу кандидатуры лучше тебя на самую высокую должность в новой структуре треста.

Конечно, буду во всем помогать! Только давай без постели, найди себе молодого любовника! Я не хочу обманывать жену!

— Тогда я себе и директора найду! Понимаешь, мне нужен человек, который полностью принадлежал бы мне и за мной в огонь и в воду бы пошел! И в постели только ты мне нужен! Смотри, Стас, у тебя для выбора только один день, завтра вечером ты скажешь мне — да или нет. А жена пусть живет, рожает и воспитывает детей, и мы ей в этом поможем. Ну, беги, а то зајдалась тебя твоя молодая.

Стас вышел от Люси в мрачном настроении. «Как она распорядилась мной, как хорошо знает мужскую алчную натуру, ведь редкий мужик откажется от такого лестного предложения. Да некоторые мать родную продадут, лишь бы в денежный рай попасть. Она хочет сделать меня подкаблучником. Но ведь пройдет время, она влюбится еще в кого-нибудь, и тогда, ни семьи, ни детей — и одинокая старость! Дорого же придется заплатить за любовь к деньгам, за продажу души дьяволу. А Натка — эта нежная чистая девочка, надежная, любящая достанется кому-то другому? Нет уж, раз завтра надо принять решение, то я приму его сейчас», — так рассуждал Стас, подходя к номеру Наты.

— Натка, собирайся скорей, мы уезжаем. Прямо сейчас мне позвонили с работы и просили срочно быть в тресте.

— Ну почему мне всегда не везет, только приехала, и уезжать надо! Я сейчас милый...

Через пятнадцать минут они ехали в такси на вокзал. Через час совсем стемнело, но поезд увозил их в Москву. В городе Со-чи действительно темные-темные ночи...

УМЕРЕТЬ И ВОСКРЕСНУТЬ

«У врача есть три средства
в борьбе с болезнью —
слово, растение, нож».
Авиценна

В хмурый осенний день Алексей Иванович покинул больницу, где отлежал почти два месяца со страшным диагнозом — рак поджелудочной железы. Химиотерапия и облучение никаких улучшений не принесли. Четвертая стадия, с которой он обратился в больницу, оказалась неоперабельной. Слабым и неуверенным чувствовал он себя на улице, спускаясь по ступенькам в больничный сад.

Можно было вызвать такси и доехать до дома, но его там никто не ждет, и спешить некуда, лучше посидеть в маленьком больничном садике, подумать и принять какое-то решение. Срок оставшейся жизни, по заключению лечащего врача, исчислялся теперь в двух месяцах, как он подсчитал — это 61 день, всего каких-то 1464 часа.

Как же так случилось, что такой крепкий мужик поддался этой страшной болезни? В его возрасте вряд ли возможно исцеление, да и для чего?

Он присел на холодную скользкую от сырости скамейку и, продолжая думать о безысходности уходящей жизни, вдруг принял странное решение. Мысль об отыхе прежде никогда не посещала его.

Алексей Иванович был единственным учредителем своей фирмы по выпуску детских тематических игрушек. Он умно и хорошо укомплектовал штат творческими молодыми сотруд-

никами. И хотя на пенсию вышел много лет назад, долгое время продолжал работать генеральным директором. И вот, наконец-то, перед болезнью, он перешел в должность исполнительного директора, а на свой пост генерального пригласил молодого амбициозного парня, окончившего престижный вуз. Тот нормально справлялся с работой, и фирма приносила хороший доход. Конкурентов у них почти не было.

О своих болячках он никому не рассказывал и поэтому, в данное время, никто из сотрудников фирмы не знал, что Алексей Иванович болен и лечился в онкологическом отделении городской больницы. Все думали, что шеф улетел к сыновьям в Америку, и его никто не навещал. Лечащий врач – немолодая женщина с уставшим лицом, медсестры и санитарки жалели пожилого человека и за деньги, которые давал, покупали ему все, что просил.

Теперь же, приняв запоздалое решение об отдыхе, он набрал Яндекс-такси, вышел на проезжую дорогу и через тридцать минут был дома.

Квартира встретила его неприветливо: толстым слоем лежала пыль на темной поверхности дорогой итальянской мебели, на рамках картин, на полу. Два месяца он не вызывал соседку со второго этажа, которая по старой дружбе с женой, помогала ему в уборке.

«Надо срочно, позвать Нину Александровну, чтобы навела порядок», – подумал Алексей Иванович. Он включил холодильник, достал из пакета заботливо купленные хорошенкой медсестрой Танечкой продукты, разложил их по полкам и, устав, присел передохнуть. Все время в голове крутился вопрос: почему врач так безжалостно раскрыла диагноз? Могла бы обмануть, пообещать, что если он будет пить лекарство, то постепенно выздоровеет, хоть бы какой-нибудь шанс дала, да просто бы успокоила. Но, увы, шанса выжить, по ее мнению, не было. Это жестоко... Вспомнил: жена до последней минуты не знала, что умирает. Мучился только он, приходилось собирать в кулак всю волю и помогать ей верить в жизнь. По-

мочь же ему самому было уже некому. После смерти жены прошло шестнадцать горьких, одиноких лет, а он все так и не встретил женщину, с которой бы ему было интересно дожить до финала. Иногда встречались особы, которые ему симпатизировали и, зная, что он человек одинокий и непьющий, пытались привлечь его внимание, но не пробегала искра, и отношения не получалось.

Сыновья, живя в далекой Америке, не приехали даже на похороны матери. Появившись лишь через два года, объяснив ему, что не смогли тогда ни визу получить, ни с работы отпроситься. Как горько и больно было Алексею Ивановичу! Они с женой дали своим мальчикам прекрасное образование в нелегкие 90-е годы. В это кризисное время в стране, вставшей на рыночные рельсы, продукты питания и одежду надо было где-то добывать. Вот тогда-то ему пришлось рассстаться с интересной работой в научно-исследовательском институте растениеводства (перестали платить зарплату) и торговать на рынке детскими игрушками. Сыновья окончили Бауманку с разницей в год и, получив дипломы по радиоэлектронике и лазерной технике, решили уехать покорять Америку. Алексей Иванович возмущался: кричал, ругался, угрожал, просил, но ничего не помогло. Жена предпочитала молчать или по-матерински заступаться за детей. Она говорила: «Это их жизнь, пусть ее строят так, как хотят». Но он решил — раз они уехали туда, то это отрезанные ломти и отныне он сам помогать им не будет, и переложил заботу о великовозрастных детях на жену. Как помогала она им, сколько денег посыпала, не знал, и знать не хотел.

Жена Алексея Ивановича, учитель математики, была всегда строга с сыновьями. Даже маленьких, укладывая в постель, не целовала, не шептала ласково на ушко «люблю тебя», или «ты мой любимый» и, наверное, от того они выросли черствыми и равнодушными. Как много значат теплые материнские объятия, ласковые слова, обнимашки, поцелуи, как это делала мать Алексея Ивановича в его детстве. Видимо, поэтому он был мяг-

котельным (так говорила жена), всегда заступался за мальчишек и старался приласкать их, побеседовать на мужские темы, на которые мать не всегда решится. Он любил своих сыновей, но они выросли и покинули не только родительский дом, но и родину. Позвонить и сказать им, что умирает, не мог, так как думал, что все равно не приедут, а прилетят, может быть, только тогда, когда надо будет вступать в наследство. Они давно знают, что родители за городом построили большой и красивый дом и не фанерный, какие строят в их американском штате, а каменный. Есть трехкомнатная квартира с дизайнерской отделкой и счет с приличным количеством денег. А кто и как похоронит отца — это их, конечно, не будет волновать. Может быть, позвонят в какую-нибудь социальную похоронную службу, оплатят погребение и забудут навсегда, что были у них мать и отец, неплохие, в общем-то, люди. Отныне поселилась в его душе, непроходящая вселенская скорбь.

Жена приучила Алексея Ивановича к экономии и, оставшись вдовцом, он по-прежнему строго регламентировал свои траты. Повседневная одежда его не интересовала: майка, свитер, старые джинсы и кроссовки. Костюм же надевался только на какие-нибудь важные мероприятия. Однако любил он удобные и красивые машины и любимые тойоты менял каждые три года. Вот и теперь в коттеджном поселке в его гараже стоял джип «Ленд Крузер», а на парковке у дома — седан «Тойота Королла». На джипе он ездил в лес за грибами или в дальние командировки, а на седане — на работу, в воскресенье на рынок или в продуктовые супермаркеты за кольцевой.

«Вот только зачем мне теперь все это: машины, дом, квартира, фирма, деньги?.. Ведь скоро умирать, да и старый уже, семьдесят пять стукнуло, — думал он, вставая, чтобы выпить лекарства, которые ему дали в больнице на первое время. — Да... и лечь надо пораньше, предстоит трудный день».

Все! Завтра, он поменяет свою жизнь и остаток дней, сколько успеет, использует на праздник и отдых, пока не наступила терминальная стадия сильными болями и потерей сознания.

Утром, после умывания, чашки кофе и приема лекарств, бодро чувствуя себя, Алексей Иванович сел за компьютер. Он нашел горящую путевку – круиз по Средиземному морю на крутом лайнере. От стоимости перехватило дыхание: без ста тысяч – четыре миллиона. Но зато... в большой двуярусной каюте с авторским дизайном, с роскошной мебелью, балконом, джакузи и массой всяких других преференций. Быстро перевел деньги за путевку, выслушал от агента подробности и детали путешествия и попросил срочно доставить путевку на дом, продиктовал адрес.

Следующий этап – поиск одежды под стать такой дорогой путевке. Но в интернете он ориентировался плохо и потому решил ехать в ЦУМ, а там, конечно, что-нибудь солидное подберет. Через час агент привез путевку и, быстро собравшись, Алексей Иванович поехал на встречу со многими неизвестными.

Вот копил, копил всю жизнь.... Хотелось все оставить детям, а теперь вдруг решился заработанные деньги потратить на себя, чтобы почувствовать доселе не изведанное состояние души богатого, успешного мужчины, который на закате лет ищет приключений.

В такой огромный торговый центр он попал впервые – никогда не любил пустое время препровождение. Побродив по залам, рассматривая витрины, обратил внимание на шикарные темно-коричневые туфли и, подозвав продавца, молодого человека, спросил, сколько они стоят.

– Папаша, это не для таких, как вы, не мешайте работать, – и, презрительно окинув взглядом, отошел к своей стойке.

– Вы почему так разговариваете с клиентом? Я хочу купить именно эти туфли, – возмутился Алексей Иванович, хотя в душе понимал, как нелепо он выглядит в своей бомжовской куртке и стоптанных кроссовках.

– Вы издеваетесь что ли? Да вы знаете, что это за бренд? Это Стефано Риччи, самая дорогая марка здесь. У нас одеваются

самые богатые и успешные мужчины России. Идите..., идите..., посмотрели и хватит.

— Молодой человек, позовите кого-нибудь, кто бы помог выбрать одежду, кто бы полностью меня мог одеть.

Парень пошел в конец зала, что-то бурча себе под нос. Алексей Иванович не выдержал и тоже пошел за ним за перегородку, где на двери было написано «Служебное помещение». Он заглянул в приоткрытую дверь и услышал, как продавец рассказывает такому же молодому коллеге, (видимо, администратору), что какой-то сумасшедший просит его одеть и обуть в самое дорогое, именно в эту марку, а сам похож на старого бомжа.

— Ты почему оставил зал, мог бы позвонить, — и оба вышли из кабинета. Увидев старика, они остановились.

— Здравствуйте, это вы желаете у нас одеться? — спросил администратор, сверля незнакомца взглядом.

— Да, да, я, но не волнуйтесь, я платежеспособный гражданин, у меня есть специальный счет для моих личных хотелок. Пойдемте к компьютеру, я покажу. Все вернулись в кабинет. Алексей Иванович попросил хозяина закрыть все открытые файлы и уверенно ввел пароли для открытия счета в каком-то иностранном банке. На счету высветились цифры — восемьсот двадцать тысяч долларов. Ребята переглянулись.

— Все оплачу, сколько бы ни стоило то, что мы выберем, а валюту конвертируем. Хотите, я расскажу, что привело меня сюда, к вам? — спросил пожилой мужчина с грустными глазами.

Он рассказал о своей болезни, о том, что скоро умрет и что в конце жизни хочет почувствовать себя богатым человеком и понять, что стоит за словом «богатый». Показал путевку и сказал, что едет в круиз на огромном океанском лайнере, и попросил, чтобы одежда и обувь были самыми дорогими, красивыми и практичными.

Молодежь не удивилась, видимо, каких только людей им не приходилось встречать здесь. Первое, что предложили ему — это коричневый в едва заметную клетку костюм и туфли из кожи крокодила. Рубашку он выбрал сам — белую,

шелковую, с каким-то, еле видимым шитьем и запонками, а ребята предложили светло-бежевой галстук, который дополнил весь ансамбль. В примерочной Алексей Иванович удивился, что все вещи с первого раза подошли ему. В зеркале он увидел стройного симпатичного пожилого мужчину, одетого изысканно и модно. Особенно ему понравились запонки с бриллиантами, которые виднелись при перемещении рук в карманы пиджака или брюк. Молодые люди повеселели, начали массу комплиментов, сказали, что он супермодель, и с еще большим рвением продолжили формировать коллекцию богатого и успешного мужчины. Куртка из крокодила, цена которой доходила до трех миллионов, не испугала его, а удивила — это была цена хорошего автомобиля. Через два часа успешной реконструкции собственного эго, в нем вдруг открылся талант авантюриста. Алексей Иванович на какое-то время забыл и пропустил прием лекарства, его не было с собой, но ничего не случилось. Он продолжал покупать вещи, которые ему советовали ребята — то для музыкальной вечеринки, то для купания и загорания на палубе, то для путешествий в горы, когда лайнер будет делать остановки в портах. Парни, которые обслуживали его, теперь ему понравились — один из них сбежал куда-то и принес красивый желтый чемодан, сказав, что с таким будет удобно путешествовать. На все про все было потрачено сто восемьдесят пять тысяч долларов, конвертируя валюту — это тринадцать миллионов триста двадцать тысяч рублей.

Если бы раньше ему сказали, что можно носить вещи, которые стоят миллионы, не поверил бы, а сейчас его обрадовал сам факт, что он будет носить вещи по стоимости квартиры или дома. Ну зачем ему деньги? Ведь скоро придется уйти в никуда, а там деньги не нужны. Своим неблагодарным сыновьям, которых вырастил и дал образование, ничего не оставит, переведет оставшиеся в какой-нибудь фонд для больных детей. Звонят лишь один раз в год, поздравляют с днем рождения, а ведь должны понимать, как одиноко жить отцу.

— Приятно было познакомиться и одевать вас, сейчас вы такой статусный мужчина неопределенных лет, что не верится, ведь к нам вы пришли сутулым стариком, а уходите вон каким бравым господином. А меня простите, что я сразу не поверил вам, — весело говорил молодой человек, неся его желтый чемодан и провожая до машины.

— Вот так, сынок, ты встретил меня по одежке, а провожаешь не по уму, а за деньги. Ничего — жизнь учит, сделай вывод, — сказал Алексей Иванович и подал на прощанье руку.

До начала путешествия оставалось два дня. Надо успеть оплатить долг за квартиру, предупредить руководство фирмы, что его не будет месяц и что звонить ему не надо ни при каких обстоятельствах, отогнать в гараж машину, убрать в квартире, получить на месяц лекарства, уложить вещи, и в путь дорогу.

Слабость, головокружение и боль начинались лишь вечером, а днем он выполнял запланированные мероприятия и временно забывал о своей болезни.

На другой день, пока оплачивались долги за коммунальные услуги, соседка убрала квартиру. Потом поехал в аптеку при поликлинике и получил все нужные лекарства на месяц. К концу рабочего дня Алексей Иванович приехал в офис. Одет он был «с иголочки», как нарядили его в ЦУМе. Ему сразу хотелось привыкнуть к своему новому образу. Сотрудники, конечно, его не узнали, удивились, но вопросы не задали. Главный бухгалтер была на месте, генеральный директор — Дмитрий Сергеевич, вида не подал, что удивлен и сразу приступил к делу: рассказал, как идут дела, какие новинки появились в производстве, показал диплом с выставки за первое место среди товаров для детей. Алексей Иванович попросил заменить кем-нибудь из сотрудников его должность, хотя понимал, что фирме-то это и не особо нужно. Процесс идет нормально, прибыль понемногу растет, о чём по ходу дел, пояснила бухгалтер — Лидия Петровна. Алексей Иванович остался доволен, ведь сотрудников он подбирал сам и не ошибся с выбором.

Утром отогнал машину в гараж, заказал такси, собрал вещи для путешествия, выпил лекарства и лег, ему было тревожно и страшно. Как бы чего не случилось во время такого длительного путешествия? Но прочь сомнения, в три часа ночи ему выезжать из дома в аэропорт и поэтому надо выспаться.

Будильник в телефоне зазвонил в половине третьего. Стакан теплой воды и маленькая булочка перед выходом подавили чувство голода. Посмотрел на себя в зеркало — куртка и туфли из кожи крокодила, светлая кожаная бейсболка, в тон ей свитер и перчатки, но особенно желтый чемодан, вызвали чувство удовлетворения. Вот только бы вернуться! Умереть лучше дома, а не где-то там...

Такси уже стояло у подъезда.

Никогда Алексей Иванович не был за границей и эти три с половиной часа полета до турецкого аэропорта в Измире показались ему вечностью. Он в мыслях то раскаивался за свое авантюрное решение, то думал, что умирать дома одному, без родных и близких скучно и лучше оставшееся время перед смертью наполнить интересными событиями, которых у него не было в прошлой жизни. Раньше, когда была жива жена, знакомые и коллеги приглашали их в путешествия: то в Турцию, то в Европу, но жена постоянно на каникулах работала в детских оздоровительных лагерях, а Алексей Иванович не мог оставить свой маленький бизнес. Вот только дети никогда не приглашали их в Америку, да, впрочем, они бы и не поехали. Оставшись вдовцом, ему тем более, никуда не хотелось ехать. А теперь вдруг шлея под хвост попала, смертельно больной куда-то летит, потом поплынет. Интересно, что жена бы сказала, если бы жива?

В аэропорту, на разных языках и русском в том числе, приглашали прилетевших пройти в трансфер, который отвезет всех к круизному лайнеру.

Двухэтажный автобус был забит полностью разноголосой публикой. Гид на английском языке что-то говорил, и вдруг Алексей Иванович услышал свою фамилию и сразу поднял руку.

К нему пробилась молоденькая девушка и на чистом русском языке попросила пересесть в другой автобус. Она подвела его к шикарному автомобилю и сказала, что он особый клиент, и его повезут отдельно. Ему вспомнилось, что агент, продававший горящую путевку, говорил, что у него самые дорогие апартаменты на корабле и что ему будет уделено особое внимание.

Такой огромный морской лайнер он видел только в кино, когда смотрел фильм про «Титаника». Захватывало дух от мощи и красоты этого чуда человеческой мысли. Двухэтажные апартаменты с несколькими комнатами разного назначения восхитили и удивили. Как можно одному человеку отвести для временного проживания такую огромную площадь? Здесь его ждал молодой человек арабского происхождения, и на плохом русском сказал, что готов выполнять все его пожелания, постоянно будет рядом и тотчас подал меню и винную карту.

Винная карта не потребовалась, а вот есть очень хотелось, и хозяин люксовой каюты заказал очень скромные блюда – рыбу в соусе и чай. Молодой человек кинулся выполнять заказ. Разложив вещи в шкафу, Алексей Иванович прилег на диван. Часы, висевшие напротив, показывали двенадцать часов. «Как быстро все произошло: Москва, дом, чемодан, корабль», – подумал и отключился.

Проснулся он внезапно, теперь часы показывали двадцать минут третьего. Остывший заказ стоял на столе. Опять пропустил время принятия лекарства. Заставил себя проглотить остывшую рыбу, холодный чай и какой-то необычный фруктовый десерт, выпил свои таблетки и вышел на балкон. Сердце защемило от такой не виданной ранее красоты. Окутанное дымкой солнце, казалось, двигалось вслед за кораблем. Огромный белый красавец неторопливо скользил по ярко-синей воде, где иногда из глубины появлялись кудрявые пенные барашки на верхушках маленьких волн, потом они растекались и исчезали. Далекий горизонт, сливаюсь с морем, уходил в бесконечность. Воздух был напоен запахом какой-то особенной свежести – непонятной, незнакомой. Еле слышная красивая мелодия дополняла ощуще-

ние чудесной трепетной жизни. Какое чудо жизнь! Как раньше бездарно она проходила, но, увы... и эта бездарная жизнь подошла к концу.

— Надо отключиться и пойти на экскурсию по кораблю, — подумал Алексей Иванович. Но сначала стоит посмотреть буклете с описанием всего корабля, ведь двенадцать палуб — это огромное пространство и обойти его ни так просто. В первую очередь надо на своей палубе все рассмотреть...

Он переоделся во все белое и, посмотрев на себя в зеркало, не узнал — на него смотрел высокий статный мужчина: серые грустные глаза, губы, искривленные в гримасе, небритый подбородок и взлохмаченные, с проседью, волосы, которые сильно поредели после химии. Достал белую бейсболку, надел, и она прикрыла половину лица, посмотрел еще раз в зеркало, увидел себя помолодевшим. Надо поменять маску лица и можно выходить в люди.

Народа на палубе было много: кто-то купался в бассейне, кто-то загорал, лежа в шезлонгах, работали различные кафе, шоу-румы, ресторан, прогулочные зоны. Взгляд Алексея Ивановича остановился на косметическом салоне. «Надо зайти побриться, но вот как здесь общаться, все говорят на английском, как сказать мастеру, что я хочу?» — подумал и открыл дверь. Но все оказалось просто. Ему показали современные стрижки и сказали, что это ему тоже надо, потом побрили и даже сделали обработку ногтей. Он хотел расплатиться картой, но мастер пояснил, что это — презент. Даже в ресторане, куда он зашел поужинать, откались от оплаты, кое-как объяснив, что все оплачено. «Да... как хорошо, оказывается, быть богатым, но без здоровья это ни к чему, отдал бы все свои миллионы за бедную, но здоровую жизнь», — размышлял Алексей Иванович, окидывая взглядом столики напротив.

Вдруг справа от себя услышал русскую речь и, повернув голову, увидел семью из пяти человек: молодую красивую женщину лет двадцати пяти, невзрачного толстенького мужчину лет пятидесяти, двух очаровательных девочек-двойняшек и даму лет

шестидесяти. Они обсуждали меню для себя и для детей. Сразу было видно, что эта семья богатая, так как на молодой женщине было много золота с какими-то блестящими яркими камнями. Женщина постарше, видимо мать, делая заказ, хорошо говорила на английском. Неожиданно взгляды их встретились, Алексей Иванович встал и подошел к столику.

— Простите, услышал русскую речь и не удержался, очень рад, что здесь есть соотечественники. Я Алексей Иванович из каюты мега-люкс.

Упитанный мужчина встал, пожал руку, изобразил улыбку на лице и тоже представился.

— Вадим Сергеевич. У вас самая дорогая каюта на корабле. Мы второй раз путешествуем, нам очень нравится это судно. А как вам?

— Я не знаю, ведь сегодня первый день нашего путешествия. Я первый раз в отпуске куда-то выехал. Простите, не буду вас беспокоить, — проговорил Алексей Иванович и вышел.

На другой день они все вместе опять встретились в ресторане и с улыбкой раскланялись друг с другом. Вечером, в десятом часу, он вышел из каюты, чтобы насладиться вечерней влажной прохладой и, может быть, увидеть понравившуюся женщину. И в самом деле увидел, она сидела за столиком с планшетом и что-то быстро печатала. Подойти в такой момент было неудобно, но можно прощефилировать несколько раз около, может, обратит внимание. Он угадал, она действительно подняла глаза, и их взгляды встретились. Ему показалось, что между ними пробежала искра и невозможно было отвести взгляда от милого доброго лица.

— Вот вышел подышать, в каюте душно, а вы тоже подышать решили? — проговорил Алексей Иванович, без приглашения присаживаясь на рядом стоящий стул.

— Да, уложила детей, и есть немного времени друзьям весточки о себе разослать, что я и делаю.

— А у меня вот ни родных, ни друзей нет: кто-то в иной мир отошел, кто-то родину предал, уехал, с кем-то уже не интересно

встречаться. Сударыня, давайте познакомимся, я — Алексей Иванович, хотя вчера я уже представлялся, а как вас изволите называть?

— Анна Николаевна, — с улыбкой проговорила женщина и встала, собираясь уйти.

— Передайте привет вашим детям, они молодцы, вас с собой в путешествие берут.

— Это чужие люди, просто я работаю в этой семье. Пенсии, как вы знаете, у нас маленькие, поэтому работать надо.

— Да, я вот уже пятнадцать лет на пенсии, но тоже работаю. Нет не потому, что мне денег много надо — я вдовец и одному дома скучно, наверное, поэтому работаю.

— Вы такой богатый и успешный, что можете себе позволить путешествовать в самой дорогой каюте, где все за все оплачено, и вы бесплатно можете пользоваться всем. Вы вип-клиент на лайнере.

— Я этого не знал, здесь все говорят на английском, а я его не понимаю и о своих возможностях ничего не знаю, взял горящую путевку, видимо кто-то отказался, и поехал. Слышал, как хорошо вы общаетесь на английском — это здорово!

— Да, по долгу службы мне надо его знать. Извините, мне идти надо. Вдруг девочки проснутся, — она быстро ушла.

Алексею Ивановичу очень понравилась Анна Николаевна: она была умна и красива — статная, с зелеными глазами, каштановыми волосами, собранными на затылке в короткий хвост, прямым маленьким носом и пухлыми губами. В общем, эта женщина породистая аристократка, — решил он. Ему захотелось познакомиться с ней поближе.

На следующий день он два часа просидел в ресторане. Обед уже заканчивался, но знакомой семьи все не было. Наконец, появилась она, в шляпке, в длинном сарафане, розовая от загара и улыбающаяся. Она увидела

Алексея Ивановича и подошла к нему.

— Здравствуйте, вот одной придется обедать, мои обгорели и легли, на обед идти отказались.

Она сделала заказ подошедшему официанту.

— Да...! Я вас ждал, вы мне очень понравились. Когда вы бываете свободны от работы? У нас мало времени для встреч, три дня уже прошли, осталось пятнадцать дней.

— Ох, это что, объяснение в любви или какая-то просьба? — все так же мило улыбаясь, проговорила Анна Николаевна.

— Я буду с вами предельно откровенен. У меня совсем нет времени на долгое ухаживание, мы не сможем встретиться в Москве, подарите мне, пожалуйста, эти пятнадцать дней для общения, хоть по два часа в день. Хочу видеть ваши зеленые глаза, красивые губы, слышать ваш мелодичный голос. Вы молоды меня, и у вас еще есть время насладиться общением с понравившимся человеком, а у меня его нет.

— Что вы такое говорите, что за пессимизм?

Официант принес заказ, пожелал приятного аппетита и ушел. Общение закончилось, и тоже пожелав приятного аппетита и оставив визитку, Алексей Иванович откланялся.

В каюту он выпил лекарство, посмотрел старый фильм «Джентльмены удачи» и, боясь пропустить звонок, встал, включил шагомер на телефоне и стал ходить, как это делал в больнице. Одолевали мысли: вот зачем навязывается, кому нужен такой старый больной человек. Может у женщины есть муж, дети, и ей совсем не хочется общаться с ним после рабочего дня. Но ему так хотелось поплакаться в жилетку, рассказать о своем горьком одиночестве, о том, что дни его сочтены и хотелось верить, что существует телепатия, и она обязательно позвонит. На вечер заказал хорошее вино, какой-то десерт, который он никогда не пробовал, конфеты. Телефон зазвонил в десятом часу.

Он вышел. Палуба светилась разноцветными огнями и яркой рекламой, на открытой веранде кафе танцевала молодежь. Анна Николаевна сидела в шезлонге у бассейна, закутавшись в плед. Алексей Иванович, придвинул свободный шезлонг и присел рядом. Его знобило, кружилась голова, и даже показалось, что на какое-то мгновение он потерял сознание.

— Вам плохо? — как будто издалека донесся взволнованный голос. Маленькая горячая рука прикоснулась к его лбу, потом замерла на запястье руки, прощупывая пульс.

— Уже отпустило, простите, что напугал. Я так хотел этой встречи, что переволновался, и вот результат. Давайте забудем этот эпизод. Я вас приглашаю к себе в каюту. Опасности для вас я никакой не представляю. Просто хочется поговорить с красивой женщиной. Вы не против? — быстро проговорил Алексей Иванович.

— Нет, нет..., я совсем не против, — и, подхватив его под руку, пошла рядом.

— Анна Николаевна, присаживайтесь, столик накрыт, по бокалу вина выпьем, познакомимся поближе. Я совсем одичал, разучился за женщиной ухаживать, шестнадцать лет один. Так что простите, если что не так скажу или сделаю.

— Не волнуйтесь, я не привереда, — усаживаясь на диван около журнального столика, проговорила она.

Он разлил по бокалам вино, сам только пригубил, а она выпила все и разложила по тарелочкам десерт.

— Этот сливочный десерт называется панакота, его придумали итальянцы, он просто во рту тает. Очень вкусный, спасибо, я люблю его. Попробуйте! Вы ни к чему не прикасаетесь?! Вам плохо? — она взяла его за руку, погладила, внимательно и грустно поглядела в глаза.

— Нет, все хорошо, я любуюсь вами. Сколько вам лет? Хотя у женщин возраст не спрашивают, но мы немолодые, нам можно...

— Шестьдесят пять исполнилось два месяца назад, а я все работаю. Да что дома-то делать? С мужем давно, по молодости, разошлась — гуляка и пьяница был. Дочка замужем, в Англии живет. А я людям помогаю.

— Да... Как мы с вами похожи. А мои сыновья в Америке уже двадцать семь лет живут, а приезжали в Россию всего три раза, нас с матерью не звали, да мы бы и не поехали, но ради прилияния ведь можно было? Наше поколение прекрасно жило за же-

лезным занавесом – все бесплатно, стабильно, и детей выучили, но и что в результате получили?

– Вот если бы не открылся занавес, разве могли бы вы в такой дорогой каюте путешествовать?

– Я с девяностых годов себя потерял, торгашом заделался. А ведь после кандидатской докторскую хотел защищать, я биолог, работа была интересная. Многие тогда уезжали, но мы с женой даже думать не смели. Как это на чужбине, без родины? Вот только дети на чужие хлеба поехали, так обидно. Я же решил – все, что накопил, прогулять и им ничего не оставить. Может им и не надо ничего. Я скоро умру, это мой последний вояж в чужом образе. А ваша дочь тоже за красивой жизнью поехала?

– Да нет, они с мужем в посольстве работают, он русский, атташе, она в русской школе географию преподает. Я часто езжу к ним, с внуками вожусь, потому мне английский надо знать. Но еще работаю в институте психоаналитиком, помогаю спрашиваться с проблемами и студентам и преподавателям. Вот вам я, похоже, тоже нужна. К чему это вы о смерти второй раз сказали?

– Что за семья, с которой вы путешествуете?

– Это ректор нашего института. Организовал учебный процесс и уехал, несчастье у него – дочь в автокатастрофе погибла, и он винит себя. Лучше я с начала расскажу. От первой жены у него трое детей, они все совершеннолетние. Он же влюбился в студентку – деревенскую, забитую особу на двадцать лет моложе себя. Она заочно в нашем институте училась, и даже ребенок у нее есть и двоих еще родила от него.

Она как клещ в него вцепилась: ей нужна квартира, машина и деньги. Все это она получила, и даже лицо поменяла: надула губы, страшный нос как у бабы яги обрезала и теперь мужем командует. А он уже, похоже, охладел к ней, но вернуться в ту семью не может. Старшей дочери купил машину, а она разбилась в ДТП. Вот и мучается он, не знает, как вину искупить, кучу болячек заработал и понимает – не нужен он молодой прохиндейке, поэтому пригласил меня с собой, чтобы я поработала с ним в поездке. Я помогаю ему преодолеть внутренние конфликты, разо-

браться со своими эмоциями. Мы разрабатываем стратегию для улучшения отношений между членами двух семей, хотя эта молодая необразованная дама никаких отношений строить не умеет и не будет. Да он и сам в это не верит. А теперь расскажите о своих проблемах.

— Знаете... проблема одна... у меня неоперабельный рак поджелудочной железы и срок моей жизни — два месяца. Я поехал в путешествие, чтобы прожить остаток жизни под чужой маской — богатого и успешного мужчины. Вот увидел вас и так мне себя стало жалко, ведь не могу ничего изменить, ни замуж вас позвать, ни пообещать старость вместе прожить. Такая у меня беда! Анна Николаевна, вы плачете, вам меня жалко? Милая вы моя женщина! Встретиться бы нам раньше и не были бы мы такими одинокими и несчастными людьми. Простите, что я вас расстроил. Мне так жить хочется, но увы...

— Алексей Иванович, я вам могу помочь! Вот вы думаете, откуда так внезапно случилась ваша болезнь. Но в жизни ничего случайного нет — ваша болезнь от долго копившихся обид и отрицательных эмоций. Вы, наверное, не слышали о Луизе Хэй. Эта замечательная женщина тоже заболела раком, но она не отчаялась, а создала свою систему лечения. Она справилась с болезнью, написала несколько книг, прочитав которые, люди обретают веру и выздоравливают. Я же психоаналитик, и мне подвластны скрытые психические процессы в вашем мозге — компьютере. Самый совершенный компьютер — это ваш мозг, там все разложено по полочкам. Самая высокая полочка занята сознанием, но не оно главное в вашем случае. Главное — подсознание, которое бессознательно управляет вами, то есть вашим сознанием. Отсюда болезни, депрессии, панические атаки. Давайте попробуем зайти сначала в ваше сознание, где накопились обиды, переживания и почистим его. Потом проникнем в подсознание и перепрограммируем его. Согласны? — с азартом и блеском в глазах заговорила женщина.

— Я, конечно, ничего не понял. Кажется, вы хотите вылечить меня?

-
- Да... да... вылечить. Согласны?
 - Милая моя, да вы мой ангел, какое счастье, что я нашел вас. Я на все согласен! – и упав на колени, он стал целовать ее руки.
 - Все, эмоций на сегодня хватит, ложитесь спать, я составлю программу работы с вами, и завтра начнем лечение. Психосоматику никто не отменял. Завтра вечером я приду к вам, – она поцеловала его в лоб и ушла.

Впервые за несколько месяцев, он уснул мгновенно, едва коснувшись подушки.

Утром хорошо отдохнувший Алексей Иванович принял лекарство и заказал завтрак в каюту. Да и вообще он решил, что завтракать, обедать и ужинать отныне будет в каюте. «Утренний миоцион в прогулочной зоне и лежание в шезлонге, – надоело, надо как-то все поменять», – подумал он. Неожиданно с утра пришла Анна Николаевна.

– У меня сейчас есть несколько минуток свободного времени. Сегодня наш лайнер в обед заходит в порт Барселоны, и мы сойдем на берег, но ночевать я буду в своей каюте, а мои господа снимают номер в отеле. Утром мы все вместе будем на экскурсии и в обед вернемся. Я думаю, вам не надо никуда уходить. Найдите в интернете книгу Луизы Хэй «Исцели свое тело» и на большом телевизоре читайте ее. Я приду вечером, вы здесь вовремя кушайте, гуляйте, отдыхайте, не забывайте пить лекарства. Сейчас давайте напишем расписание, чем мы будем заниматься на лайнере, берите ручку и пишите, – она продиктовала расписание в спортзал, в бассейн, прогулки и ушла.

Книга нашлась быстро. Читать в большом формате было удобно. С первых строчек она увлекла его, и чем дальше он углублялся в чтение книги, тем понятней становилась история его болезни. Вот оказывается, что такое психосоматика, о которой упомянула Анна Николаевна. Вечером пришла его спасительница, и они пошли гулять.

— Алексей Иванович, я вам сейчас расскажу о том, что с вами происходит. С этого начнется лечение. Ваше подсознание накопило много отрицательных эмоций. В 90-е годы вы молодой ученый, остаетесь без любимой работы — это первое, что вас зацепило. У вас дети, их надо кормить, одевать, учить, и вы меняете работу, она не нравится вам, но вы работаете. Вы с трудом строите бизнес, в процессе работы покупаете квартиру, наверное, строите дом, учите детей. Но они оканчивают институт и уезжают в Америку. Это еще один стресс. Видимо, поэтому умирает жена, думаете вы, все это откладывается у вас в подсознании. Конечно, смерть жены самый страшный удар. И вот... наступает одиночество, которое вы заполняете только работой без отдыха и радости. Наступает выгорание, но вы не понимаете, что с вами происходит, что с вами не так. Вы на автомате продолжаете работать, но накопленные обиды и усталость приводят к болезни. В подсознании накопились и закрепились все отрицательные эмоции, и они начинают управлять сознанием. Теперь сознанием вы понимаете, что вас обидели, что вы одиноки и вы никому не нужны. Измените себя, начните управлять своим сознанием. Завтра позвоните детям, расскажите о своей болезни, скажите, что вы их очень хотите видеть, попросите фото жен, детей, скажите, что любите их. Пусть фото пришлют на ватсап, он здесь работает. Если вы не зарегистрированы в соцсетях — зарегистрируйтесь в Одноклассниках, поищите своих друзей по учебе или работе, пригласите встретиться. Кардинально измените свою жизнь: занимайтесь в спортзале, пока есть силы, плавайте в бассейне, гуляйте, смотрите веселые фильмы, ходите на танцы. К концу нашего путешествия вы частично перепрограммируете подсознание и почистите сознание. Лечение надо продолжить и верить, что все будет хорошо, вы будете здоровы! Давайте потанцуем, так люблю танцевать, составьте мне компанию? — попросила милая спутница, когда они проходили мимо танцпола.

Он безропотно подчинился и, хотя совсем разучился танцевать, неуклюже затоптался на месте.

Потом, проводив ее до каюты, пошел бродить по палубе, обдумывая собранную информацию. Он поверил этой милой доброй женщине и, видимо, хорошему специалисту по таким вот заблудшим душам. «Все, отныне, полностью подчинюсь ей», — думал мужчина, быстро засыпая, после прогулки.

Дни на лайнере побежали быстрее, Алексей Иванович целыми днями что-то делал: постоянно переодеваясь, он то сходил на берег и путешествовал в горы или изучал города и музеи, то оставаясь на лайнере читал, смотрел фильмы. Круто изменившаяся жизнь нравилась ему, все шло по расписанию: спортзал, бассейн, вечерние прогулки с Анной Николаевной или без нее, иногда танцпол вместе с ней.

От сыновей пришли трогательные письма, фотографии их семей и обещание приехать. Они звали его к себе, написали, что любят его и ждут встречи, и не верят, что он покинет этот мир в скором времени. Это было счастье, мальчики простили его.

Наконец, путешествие подошло к концу. Из Турции в Москву Алексей Иванович улетал один. Анна Николаевна с семьей ректора улетала на следующий день и обещала навестить его, как только будет в Москве.

В ожидании встречи он созвонился со своим однокурсником по институту и двумя одноклассницами, которых нашел в соцсетях и пригласил их в ресторан в воскресенье.

На другой день, из аэропорта позвонила Анна Николаевна и сказала, что приземлилась и завтра будет у него. Как он ждал эту встречу! О болезни старался не думать, но продолжал так же регулярно принимать лекарства. Не зная, что любит эта удивительная женщина, решил заказать пиццу, как только она приедет, и заварит для нее необыкновенный чай.

Она приехала утром с пакетом всяких турецких вкусностей и пиццу не разрешила заказывать. Накрыли стол, сели и молча смотрели друг на друга. Им было хорошо вдвоем.

— Выходите за меня замуж, милая вы моя спасительница, — решился он на предложение. — Вы же верите, что я буду жить?

— В первую очередь верить надо вам, я-то верю и поэтому даю согласие. Завтра перевезем мои вещи, и я поселиюсь у вас. Вот попробуйте только не выздороветь.

Так началась совместная жизнь. Они взяли абонементы в фитнес-зал и бассейн и стали регулярно посещать их. Вскоре сходили в загс и расписались. Алексей Иванович после путешествия решил показаться врачу, сдать все анализы и понять — как жить дальше. Он пошел в платный онкодиспансер, не сказав врачу о своем диагнозе, попросил направление на сдачу всех анализов. Всю неделю он добросовестно посещал врачей. Пришлось еще две недели ждать заключительных результатов всех экзекуций. Анна Николаевна, как могла, поддерживала его. Она рассчиталась с работой и вместе с ним иногда ходила по врачам, вечерами они подолгу зависали у телевизора: смотрели старые смешные фильмы, разговаривали и мечтали о переезде летом в большой дом, где займутся посадками овощей и цветов. По результатам анализов врач-онколог, мужчина средних лет, сказал:

— У вас прошло удачное медикаментозное лечение, и наступила ремиссия. Вы хотели скрыть факт лечения и узнать, как вам жить дальше? Живите долго и счастливо, вы победили свою болячку, хотя это случается редко. Вам повезло, у вас не было метастаз в печени, поэтому организм справился сам, но лекарства пейте, которые я вам назначу, — сказал врач, рассматривая снимок.

— А, вы верите в психосоматику? Мне кажется, что именно на ее фоне появилась онкология. Но, слава богу, все обошлось. Спасибо вам! — и не дожидаясь ответа, вышел.

Как на крыльях, он спешил домой, обрадовать Анну Николаевну, что будет жить долго и счастливо и сразу появилось желание делать добро всем, кого знал.

Он выделил деньги на корпоратив, фирме исполнилось двадцать пять лет, и на вечере познакомил коллектив со своей женой. Перед Новым годом, накупив огромное количество живых цветов, торты, коробки конфет и ящик шампанского мужчина

поехал в больницу поздравлять лечащего врача, сестричек, санитарок, всех, кто принимал участие в его лечении, с наступающим Новым годом.

— Как, вы живы? Вы так хорошо выглядите, значит, мое лечение было правильным? Поздравляю вас! — лечащий врач обняла его и прослезилась.

Алексей Иванович и Анна Николаевна купили пушистую красавицу елку, поставили ее в гостиной загородного дома, украсили огоньками и игрушками и приготовились к встрече гостей. Купили всем подарки. 31 декабря, наготовив всяких вкусностей, молодожены накрыли стол и стали ждать прилетающих детей из Америки и Англии.

Все хорошо, жизнь продолжается....

ТАТЬЯНА БИРЮКОВА

AVE, МАЙЯ!

Красивая жизнь... нет, это не только красивое платье, драгоценности, дорогой заграничный курорт, скорее, возможность исполнения любых желаний. Думаю, многие бы женщины мечтали вот так, как актриса из знаменитого фильма «Красотка» с прекрасным спутником, на роскошной машине подъехать к трапу самолета, прилететь в другую страну и посмотреть в «Ла Скала» знаменитую оперу «Травиата» Д. Верде. Сейчас это вполне возможно осуществить, были бы средства, и я знаю не одну пару, а несколько, которые могут поехать на один день в другой город, например, в Санкт-Петербург на очередной новый спектакль уважаемого ими режиссера или на открытие фестиваля, или на выставку знаменитого художника.

Красиво жить, как говорится, никому не запретишь. Вспомнились студенческие годы. Мне очень нравилось при малейшей возможности окунуться в столичную театральную жизнь. В Ташкенте в те мои молодые годы был и есть Государственный академический Большой театр Узбекистана имени Алишера Навои. Три арки — портал главного входа, внутреннее великолепное убранство, панно, выполненные знаменитыми мастерами, традиционная резьба по ганчу, словом, та красота, от которой дух захватывает. И конечно, никаких мятых маек и рваных шорт. В то время одевались в театр нарядно и переодевали обувь, в грязной входить в театр не разрешали. Впечатления от посещения театра всегда вдохновляли и приносили радость.

Совершенно случайно мне достались билеты на оперу «Мадам Баттерфляй» Джакомо Пуччини, арию Чио-Чио-сан исполняла Мария Биешу, достояние Республики Молдавии и СССР.

Первую часть оперы мой спутник едва досмотрел, глаза его слипались, а я боялась, что он свалится с кресла. Вторую часть смотрела одна, наслаждалась, а он гулял у фонтана в виде раскрывшейся коробочки хлопка у входа в театр. Упрашивала подождать еще, чтобы посмотреть окончание и арию, которую так душевно исполняла знаменитая Мария Биешу. Смеялись всегда, когда слышали эту оперу потом по радио, но приятель всегда узнавал певицу, у него был хороший слух.

За время учебы посмотрела весь балетный репертуар театра, но очень хотелось увидеть «Анну Каренину», а также «Кармен-сюиту» в исполнении Майи Плисецкой и другие спектакли в Большом театре, в Москве.

Красивая мечта исполнилась только через десятки лет, нет, я приезжала в Москву, но попасть в этот короткий промежуток времени и увидеть Майю Плисецкую не удавалось. А затем она уехала, жила в другой стране, преподавала, во многих театрах появились и успешно танцевали ее ученики. Когда услышала, что в Москве в Большом театре состоится концерт, посвященный уникальной балерине в связи с юбилеем, который она отмечала в родном театре и со своими, обожающими ее зрителями, то прибежала задолго до начала. Толкалась в фойе, заглядывала в глаза кассирам, но ответ был один «Билетов нет, контрамарок нет и никакой другой возможности нет». Слезы невольно навернулись на глаза, было обидно, теперь я живу в Москве, но... Я понимала, что так никогда Майю Плисецкую и не увижу, она вновь уедет. Стояли грустные еще несколько человек рядом, тоже ждали, а чего ждали?

Нас, безбилетных, попросили к выходу, и тут какая-то женщина, стоящая рядом, обращаясь ко мне сказала: «У меня входной билет на два лица. Подруга не пришла, хотите пойти со мной?» Конечно!

Стояла, чтобы лучше видеть, на втором ярусе и была счастлива, моя «спасительница» где-то затерялась, наверное, нашла местечко получше, но я была и так безмерно рада.

Королева сцены вышла на нее по-королевски, в темно-зеленом платье «от Кардена» со шлейфом с красивым поясом-бантом. О! Майя Плисецкая была прекрасна! Долго не смолкали аплодисменты. «Танец с веерами», поставленный Морисом Бежаром, был прощальным аккордом незабываемого вечера. Красота, которую балерина дарила людям, осталась в моей жизни и памяти зрителей навсегда. AVE, Майя! Вот так исполнилась моя мечта. Красивая мечта.

ТАТЬЯНА БУГРИМОВА

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Мой папа — большой любитель горных лыж. В молодые годы папочка был очень спортивным мужчиной с огромной харизмой, не подлежащей сомнению. Расскажу вам одну историю из его жизни.

В конце 1980-х годов он ездил кататься на лыжах в горы, в Иркутскую область. В тот год мой папа был на пике своей молодости, активности и прекрасной физической формы. Он покорял всех и вся: друзей, женщин, горы, любые препятствия. Еще бы немного усилий — и он стал бы президентом. Не знаю, чего именно, но чего-нибудь точно!

Зима была чудесной, снег искрился на солнце; в горах стояла такая острая тишина, что хотелось не сходить с места, чтобы не нарушить ее ни одним шорохом. Снега было столько, что хватило бы на целое море!

Папа катался, знакомился, общался, начинал дружбу, продолжавшуюся потом десятилетия. Но пришло время возвращаться домой — в будни, к семье.

С задорным румянцем на щеках и в чудесном настроении он ввалился в самолет. В салоне летящей птицы все гудело: счастливые лыжники, с переломами и без (вторые, конечно, счастливее), возвращались домой. Вас это может удивить, но иностранцы тоже приезжали в те годы кататься на лыжах на наши советские курорты.

Рядом с папой сидел веселый, молодой, подтянутый спортивный немец. Вы не поверите — не зная языков друг друга, они с папой общались всю дорогу! «Но как?» — спросите вы. Я по сей день этого не понимаю. Мимикой, жестами, незамысловато-

тыми рисунками, улыбками, энергией, спортивным настроением. Рисовали на бумаге картинки: бутылку пива и рыбку, находили и другие изощренные способы общения. Это невероятно, но в конце пути они обменялись адресами и стали друзьями на-век: Виктор и Дитер.

Дальше была переписка: Дитер и Ингрид (его супруга) писали моим родителям письма на немецком, а те им – на русском языке. Затем какие-то добрые люди переводили письма на их родные языки. Ах, на какой красивой бумаге и в каких волшебных конвертах приходили письма из Германии! Я не могла на-любоваться ими и надержаться их в руках!

Так они и общались. И все бы, наверное, угасло со време-нем, но немцы решили пригласить родителей к себе в гости – в Германию.

А теперь представьте обычных советских граждан, живущих в небольшом провинциальном городе, которые в Москве-то не были ни разу, и вдруг съездили в Западную Германию в 1989 году! В Астрахани в те времена не было ничего, кроме рыбы, помидоров и арбузов. А там... Сплошное перепроизвод-ство: красивая одежда, великолепные вещицы для дома, стиль-ная посуда, немыслимые бытовые приборы, электроника, знаме-нитые немецкие машины, наконец! Но рассказ не об этом.

В Союзе из крана текла бесплатная вода, чего не было в ка-питалистической Германии! Понять умом, что в канализацию по-чи в прямом смысле слова утекает валюта – дойчмарки – мои родители были не в состоянии.

Папа очень любил принимать душ – был чистюлей страш-ным. Мылся он, по своему обыкновению, два раза в день, отмо-кая в душе каждый раз минут по 30–40. Надо отметить, что го-стили родители с удовольствием: Дитер и Ингрид принимали их очень хорошо. Но когда мой папа в очередной раз, наслаждаясь жизнью, напевая что-то, с удовольствием принимал утренний душ, даже терпения спокойного и выдержанного Дитера не хва-тало. Проходя мимо душевой, Дитер постукивал в дверь и жа-лобно тянул:

— Виктор, Виктор...

— А, о'кей, Дитер, все о'кей! — радостно отвечал мой папа, будучи уверенным, что за него просто переживают: не перегреется ли он, не утонет ли.

После чудесного душа и вкусного завтрака, с любовью приготовленного Ингрид, Дитер мыл посуду. Он промывал ее мыльным средством (в СССР таких еще и в помине не было в те времена), которое образовывало красивые пеняющиеся мыльные пузыри, и сразу, не ополоснув посуду чистой водой, ставил на специальную полку сушиться. Родители были несколько удивлены (недаром запомнили этот момент), а Ингрид ворчала и смеялась, поддразнивая Дитера за что-то.

Самое интересное, что спустя много лет родители пересказывали две истории (про душ и посуду) независимо друг от друга. И только я, когда выросла и стала сама оплачивать водоснабжение и водоотлив согласно израсходованному семьей количеству кубометров, неожиданно для всех сплела эти две истории в одну. Папа до сих пор не верит, что они действительно связаны между собой и что Дитер не стал полоскать посуду, потому что лимит воды был полностью исчерпан. Вода в Германии, на самом деле, была очень дорогой, а все расходы и доходы у немцев тщательно планировались заранее. Так вот папа потратил там у них воды на полгода вперед. Дитер не мог объяснить этого папе, а потому просто пытался донести это до него в игровой форме. Но безуспешно.

25 января 2024 г.

ЮЛИЯ ВЕЛИКАНОВА

КРАСИВО И ЖИЗНЬ (РАННЕУТРЕННИЙ ЭКСПРОМТ)

Красивая жизнь – это у кого или про кого?

Короли и королевские особы.

Знать.

Президентский корпус государства.

Высокопоставленные лица.

Люди, держащие в руках власть.

Обладающие богатствами, располагающие большими и разнообразными возможностями жить эту жизнь.

Или вот индустрия моды. Красивые люди, красивые ткани, фасоны, свет, язык подиума, его бесконечность-продолжительность – куда-то туда, в светлую и прекрасную даль. Чтобы шагать по нему бесконечно. Часто здесь скорее хаос и претенциозность. И красота не для всех. Но это красота. И жизнь.

Признанное, принятое толпой (избранными ее членами) искусство – это красиво.

Картины, статуи, здания, мосты, парки и усадьбы, монументы и музеи целиком.

Красивая еда и напитки.

Музыка.

Театр.

Кино.

Танец.

Вокал.

Помощь одних другим. Благотворительность.

Расстояние между неправотой и готовностью извиниться.

Между не теми словами сгоряча и попыткой все исправить.

Красива попытка любить, всегда безнадежная и всегда благородная.

Счастливые идеальные отношения невозможны. Но красивое в нас всегда будет к этому стремиться. Слияние – это прекрасно даже как идея.

Красивая жизнь – это право на праздность.

На праздник.

И на понимание.

Никогда солнцу не взойти с запада. Да и незачем.

Зачем красивое тем, кто не способен оценить?

Стремящийся к чему-то другому пойдет и отнесет красивое в ящик для ненужных вещей в Вайлдберриз.

Красивое – это вкусно кормить свое чувство прекрасного.

Красивое – это чудесный миф, вроде древнегреческого.

Это открытки в конвертах в верхнем выдвижном ящике тумбочки. Маленькая коллекция, из которой иногда я что-то выбираю и подписываю друзьям.

Красивое – это мои дети.

И мой большой британский кот.

До седьмого этажа лифт едет не спеша, медитирует. И я успеваю заметить в зеркало, что тоже вполне себе – красива.

Красива снежная пыль в воздухе и проясневшее на горизонте небо, зимнее солнце на остывших стенах соседних домов.

Красивое вызывает сильные чувства.

Красивая жизнь – то, что ты позволяешь себе проживать.

С чувством, что здесь и сейчас ты делаешь все правильно.

И все не зря.

Красивое – это суть, которую до конца невозможно нащупать. Но чувствовать можно. Если ты разрешаешь себе. И другим.

Здесь много ревности и нежелания делиться.

Щедрость – одно из самых красивых явлений на земле. Искренность и щедрость.

Доброта.

Энергия покоя.

Здоровье.

Расстояние вытянутой руки до самого желанного и вожделенного. Пусть, дойдя дотуда, там и остается. Дальше (то есть на самом деле ближе) не надо. Исполнившаяся мечта уже не мечта, и надо новую. Красиво, когда сохраняется постоянство мечты.

Мечту велено иметь и, тем не менее, многие честные люди вам признаются, что как раз мечты-то у них и нет. Но это уж точно другая история...

НИНА ГАВРИКОВА

ЧУЖАК

Поздняя осень. Ледяное дыхание севера и тишина обволакивают все вокруг. Осень прозрачными нитями плетет кружевную косынку, готовит природу к наступлению зимы. Какой она придет в этот год: со студеными дождями да оттепелью или снежная да морозная, как и должна быть на севере. Времена го-да, как и часы жизни, быстротечны. Коловорот судьбы нещадно стирает очертания лиц, фамилии, имена. Время забирает лучших и самых дорогих.

Раннее утро. Люба выбирается из-под одеяла, прогоняя остатки беспокойного сна. Женщина на цыпочках пробирается к окну. Небо покрыто низкими серыми тучами, медленно плывущими над городом. Люба откидывает легкий тюль, прижимает руки к теплой батарее, думы о прошлом тяжеловесно тащатся в след за тучами. Вспоминается детство, родительский дом, мама. Почему-то Люба всегда с предосторожностью относилась к так называемому «папе». Нет, когда-то у нее был свой папка родной и единственный. А это чужой мужчина, главное в словосочетании слово – чужой.

Она вспоминает такой же хмурый осенний день. Кроме Любы в семье три брата и сестра, правда, старший к тому времени уже женился и не жил дома. Мама предупредила их, что привезет из города сослуживца, если понравится, то будет помогать по хозяйству.

– По хозяйству, – медленно шевелит губами Люба. – Почему бы не сказать, что они станут сожительствовать?

Семейный совет мать собирала постоянно, слушала мнение детей. Боже! О каком мнении могла идти речь, если ее решение

было единственно правильным? Хотя назвать Киру несправедливой нельзя, она каждого чувствовала интуитивно, знала, кому, что и когда нужно покупать. Баловать не получалось, на одну зарплату и пенсию по потере кормильца покупали только самое необходимое.

В тот день Люба вместе с двумя братьями и сестрой сидели в большой комнате за столом. Расписание мотовоза строилось таким образом, чтобы утром увезти рабочих в город, вечером вернуть обратно. Вечерних два рейса: в пять и в шесть часов. С пятичасового никто не пришел, ждали следующего.

Люба на тетрадном листе нарисовала желтым карандашом кленовый листок. Митяй взял красный карандаш и дорисовал глазки, носик и рот. Листик заулыбался.

Дверь, ворчливо скрипнув, распахнулась.

— Здравствуйте, — в дверном проеме стоял крупный голубоглазый мужчина в длинном темно-синем пальто (цвет пальто такой же, как и у матери). Люба хорошо помнила, что незнакомец был похож на актера Бориса Андреева из фильма «Сказание о земле Сибирской». — Меня зовут Степан.

Кира смущенной школьницей спряталась за спиной этого громилы. Люба раньше никогда не видела мать такой красивой и счастливой. Дочь знала маму собранной, рассудительной, решительной, а тут стала застенчивой кокеткой, будто пришли сваты, а она не знала, какой дать ответ.

Противная пауза затягивалась.

— Проходите, — первым осмелился заговорить Митяй. — Чайник горячий.

Все как-то облегченно выдохнули. Мама Кира шутливо ткнула незнакомца в бок, типа, давай обживаться, знакомство состоялось.

*

Люба прошла в прихожую, вытащила потертый альбом с фотографиями. Отнесла на кухонный стол. Неторопливо перелистывая страницы, остановила взгляд на одном снимке, где она с мамой и отчимом на октябрьской демонстрации в городе. Ма-

ма и дядя Степа в тех же самых драповых пальто, а Люба в голубой куртке и серых джинсах. Конечно, снимок черно-белый, это в памяти пожилой женщины ярко вырисовались цвета.

— Я сейчас старше, чем мама на фото.

Мать за тот год расцвела и помолодела, прямо-таки светилась от любви. И в дяде Степе проснулся вулкан страсти, оказалось, что он в свои пятьдесят — холостяк. Да и когда ему было жениться, он же имел не одну отсидку. Рассказал Кире, что по малолетке за драку попал. А потом покатило по накатанной — освободился, напился, разодрался — в тюрьму. Вот такая «красивая жизнь» свалилась на голову матери. Братья и сестра молча наблюдали за чужаком, и не просто наблюдали, сравнивали с родным отцом.

— По хозяйству, — опять проговорила Люба.

По хозяйству этот верзила не умел делать ничего, но старался изо всех сил. Надо забор поправить — запросто. Мать подсказывает, а «молодой муж» бревна вкапывает, доски приколачивает. Навоз выкидать из коровника? Не проблема! Сила есть — ума не надо. И на сенокосе себя показал, зачем говорит в копны сено сносить, давай его в рулон закатаем, быстрее получится. Но воиспеченная жена возмущалась:

— Если стог загорится — сам будешь виноват.

Она не привыкла стога переметывать. Но стог, к ее большому удивлению, не загорелся.

Семья вздохнула с некоторым облегчением — на две зарплаты жить стало легче. В квартиру купили новый диван, холдильник и трельяж. Дядя Степа среднему сыну предложил купить мотоцикл. Петр без троек заканчивал девятый. Средний брат Любы понимал, что рано или поздно из родного дома надо будет уехать, и согласился только на мопед, на котором можно ездить без прав. Младшему брату идея пришла по нраву, наследство-то ему перейдет.

Любу чужак баловал больше всех: то коньки новые, то лыжи, то часы с плоским циферблатом. Она его как-то на радостях назвала папой, он так обрадовался, что хотел удочерить. Мать от-

говорила, усыновлять так всех, так как заметила неодобрительные взгляды старших на младшенькую.

Сейчас Люба никому, ни при каких обстоятельствах не посоветовала бы связывать свою жизнь с бывшим осужденным. Зек не бывает бывшим. Его нутро рано и поздно даст о себе знать. Так и в их жизни произошло. Дядя Степа как-то раз приехал с работы навеселе, показал на что способен. А способен он был на многое: на кухне в полет пустились ложки, плошки, поварешки. В большой комнате стулья начали кружить над столом. Люба боялась, чтобы чужак не разбил зеркало новенького трельяжа. Мать кое-как утолкла его спать. Подобные будни вошли в систему, после получки и аванса в доме все приходило в движение. Мать с сослуживцем работали в Спиртодрожжевом цехе. Раньше мастера смен выдавали два раза в месяц по бутылочке спирта, так сказать, чтобы рабочие не воровали.

В семье, где отца никогда не видели пьяным, такое поведение чужака вызывало не просто недоверие, отвращение. Но Степан всех так обаял, что первое время его причуды прощались.

Люба вспомнила тот злополучный вечер. Суббота. Она прибралась в квартире, намыла полы, а чужак получил аванс. Он не только в грязных башмаках прошлепал по всем комнатам, так еще и пепел с папироски везде натряс. Ей хотелось собственными руками задушить этого монстра. Да разве справится маленькая девочка с пьяным верзилой. Люба убежала к подруге, просидела там до самой ночи. Когда вернулась домой, чужак уже громко храл на новом диване.

Мать, видя, как дети реагируют на пьяного дебошира, предложила Степану в такие дни оставаться в городе, где у него было в собственности полдома. Но чужак категорически отказался, его все устраивало.

Однажды мать устыдилась перед соседями. Степан на крыльце при всех разорвал в клочья не только рубашку, но и двадцатипятирублевую купюру. Случилось это потому, что сосед попросил его пойти лечь спать.

Наутро чемодан со вещами чужака стоял у порога.

Ах, каким восхитительным был тот рассвет! Небесное светило вместе с сердечками детей прыгало от радости. Люба тайком переглядывалась с братьями и сестрой — враг повержен!

Да радость оказалась недолгой. Через три дня хмель вышел, чужак вернулся. Люба не понимала, чем он мать брал? Походы туда-сюда не прекращались. Напился, пожонглировал посудой, забрал чемодан, уехал в город. Выходился, помирился, вернулся в семью.

Настоящей трагедией для детей стало пристрастие мамы к выпивке, ей тоже выдавали «веселящий суррогат». Сначала она хранила его на растирания и примочки.

Однажды Люба истопила печь, сварила в чугунке картошку. Ухватом подхватила чугун и поставила на пол. Натянула на крохотные ручонки большие рабочие рукавицы дяди Степы, подняла чугунок и начала сливать горячую воду в ведро. Да видно не очень крепко прижала крышку, по которой вода стекла на левую ногу. Люба поняла это, когда носок насквозь промок и ногу начало жечь. Она бросила чугунок на пол, понеслась в зал, села на диван, стянула носок и ужаснулась — на ноге вздулся большущий пузырь, появилась остшая боль и чувство жжения.

Дома Люба была одна. На здравпункт к Зинаиде Васильевне с такой ногой не сбегаешь. Она на одной ноге допрыгала до кухни. Зачерпнула ковшом из ведра холодную воду, вылила в большое блюдо. Ступая на правую ногу и на пятку левой ноги, аккуратно отнесла блюдо в спальню. Поставила на кровать. Вытащила из комода марлю, которой мать отпаривала брюки. Осторожно залезла на постель, смочила марлю в холодной воде и наложила на волдырь. Боль на какое-то время стихла. Люба прилегла на подушку, боясь пошевелиться. Когда жжение становилось нестерпимым, девочка вновь смачивала марлю.

Оказалось, что Люба неправильно лечилась, мать приехав с работы, на ожог наложила спиртовую повязку. Боль стихла до утра. Но Любке, чтобы не занести инфекцию в рану, пришлось ходить с пузырем, пока тот сам не лопнул.

Воспоминания колючей цепью сковали горло, дышать становилось труднее. Люба плеснула в чашку воды, смочила сухие губы.

— Кому нужны чужие дети с их проблемами? Да еще пятеро? — рассуждала вслух Люба.

Сколько событий произошло той осенью, не сосчитать. Девушка с бабушкой отмечали золотую свадьбу и их всех позвали на праздник. Дядя Степа противился:

— В доме сберутся дети, внуки, а кто я для этой семьи? Чужой дядька.

Мама настояла на своем. Все в назначеннное время пришли на торжество. Дом у дедушки большой. Из кухни в большую комнату раскрыли распашную дверь. Столы стояли по обе стороны дверей. Гостей приехало столько, что еле-еле поместились. Это и понятно, семеро детей, а если считать с женами и мужьями, то четырнадцать, двадцать внуków, плюс сестры деда и бабули.

Празднование шло своим чередом. Поздравления и подарки юбилярам сыпались со всех сторон. Когда дошла очередь до мамы, то они с дядей Степой встали. Мать в этой суматохе как-то потерялась, а отчим со свойственной только ему нежностью посмотрел на стариков и сказал:

— Дорогие мои, пятьдесят лет вместе — это, знаете ли, по-другому. Ни война не смогла разлучить вас, ни другие горести, настолько крепка ваша любовь и верность. Вы воспитали хороших детей, все они сегодня приехали в родительский дом. Вы гордитесь внуками, ждете правнуков. И не я сегодня должен сидеть здесь за этим гостеприимным столом, ваш сын с женой и детьми должен был поздравить вас. Но судьба проклятая распорядилась по-другому. — Чужак сделал паузу, перевел дыхание. — И вот я здесь. Я! Волк-одиночка, у которого никогда не было ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. От одиночества мое избитое сердце зачерствело, превратилось в ледяной камень. Я был никому не нужен, даже своей матери. Но я ожил. Вы приняли меня в свою большую дружную семью, как родного, как будто я и есть

ваш сын! Сердце не может растаять, как кусок сахара, оно по-прежнему твердое, как камень, но оно стало чистым, оно наполнилось солнечным светом. И это произошло благодаря вам, вашей доброте и человечности. Так примите и от меня эти поздравления и подарки...

Окончания речи никто не слышал, все вспоминали отца Любы, вытирали слезы. По обе стороны дверей чувствовалась грусть. Тоска по утраченной родной душе витала в воздухе.

*

Люба захлопнула альбом. Она осознала, насколько же трудно пришлось чужаку прижиться в их семье. Не имея ни малейшего представления об отцовстве, дядя Степа пытался угодить всем: и детям, и старикам. Он пытался помогать их матери, как говорится, и в печали, и в радости. Конечно, он срывался, напивался, но оставался беспредельно честным и преданным, был их защитой от любых невзгод.

ЕЛЕНА ГРОМОВА

ФОРТУНА

Жили-были две подружки, Настя и Маша. Так уж получилось, что их родители одновременно переехали в новые квартиры в одном доме, когда девочки были еще маленькими. Настину и Машину комнаты разделяла одна стенка. Когда Настя хотела позвать к себе Машу, она просто стучала по стене. Так же делала и Маша. Девчонки ходили в один садик в соседнем квартале. А когда подросли, то их записали в один класс школы, которая находилась прямо во дворе. Они вместе гуляли, играли и делились друг с другом секретами. Дружили. Однажды Настя увидела в школе объявление:

Приглашаем учащихся старших классов на занятия по оказанию первой доврачебной помощи.

Каждый вторник и четверг с 17.00 в актовом зале школы.

— Маша, — предложила Настя, — пойдем на эти занятия.

— Да ну, — ответила Маша, — и так у нас по шесть уроков, еще и домашка. Зачем?

И впервые Настя пошла на занятия одна. Каждый раз, когда девочка отправлялась осваивать навыки первой помощи, Маша ее отговаривала:

— Да брось ты эту учебу скучную! Пошли лучше погуляем. Смотри, какая хорошая погода.

Но Настя упорно училась делать перевязки и искусственное дыхание. В остальное время они дружили так же, как прежде. Появлялись друг у друга по первому стуку. Однажды вечером у Нasti в комнате раздался настоящий грохот. Настя поняла, что что-то случилось, и бегом помчалась к Маше. Вбежав в квартиру, она увидела страшную картину. Машин младший брат Петька си-

дел на полу, в глазах — ужас. Вокруг него лежали битые стекла. Вокруг все оказалось забрызгано кровью. Маша бросилась к Насте с криком:

— Настя, что делать?! Он разбил стекло в двери и порезался! Кровь хлещет!

— Скорую вызывай! Быстро!

Настя схватила Петью под мышки, подняла. На пол посыпалась осколки стекла. Настя осторожно посадила мальчишку на стул, зажала рану рукой.

— Маша, быстро принеси бинт! Скорую вызвала?

Бледная Маша, смогла только утвердительно замотать головой. Побежала в спальню за аптечкой. Кровь продолжала сочиться сквозь Настинь пальцы и капать на пол. Настя осмотрелась вокруг. Не найдя ничего подходящего, она выдернула пояс из своего халатика. Обернула им Петину руку повыше раны и продолжала командовать:

— Вскрой и дай мне бинт, принеси карандаш!

Через пару минут Петин рана была перевязана. Закрутивая карандаш, Настя затянула пояс. Пятно крови на бинте стало увеличиваться. Настя посмотрела на часы.

— Маша, запиши на бумажку «13.30» и давай ее сюда.

Вскоре за окном послышался громкий звук сирены скорой помощи. Машина мама, Лидия Андреевна, пришла, когда Петью сажали в скорую, и поехала с ним. А Настя с Машей отправились убирать стекла.

— Что бы я без тебя делала? — сказала Маша, обнимая подругу.

Вечером Лидия Андреевна вместе с Машей и забинтованным Петей пришли в гости с большим тортом, и уселись пить чай.

— Хирург зашил рану. Он сказал, что жгут наложили грамотно и правильно сделали, что время записали, — рассказывала Лидия Андреевна, — Спасибо тебе, Настенька!

— Это не мне спасибо, а нашей школьной медсестре, которая нам в головы вложила, как первую помощь оказывать, — ответила Настя.

Жизнь шла своим чередом. Девчонки, как и прежде, сидели за одной партой, вместе делали уроки, в выходные ходили в кино или на каток. Потом в школе появилось новое объявление:

Производится набор старшеклассников в группу по самообороне.

Расписание занятий:

понедельник, среда, пятница в 18.00 в спортивном зале.

— Маш, — опять предложила подруге Настя, — пойдем?

— Хочешь, чтобы ни одного свободного дня не осталось? — заявила Маша, — тебя и так трудно от книг оторвать, а тут еще занятия. Нет, я свободу люблю. Чтобы что хочешь, то и делать. Хочу в кино пойду, хочу — гуляю, хочу телик смотрю или по телефону болтаю.

Настя все-таки отправилась на самооборону. Так подруги стали еще реже бывать вместе, но дружить продолжали. Правда, три вечера в неделю Настя тренировалась обороняться. Маша успевала сделать уроки и погулять. А Настя после тренировки садилась за уроки. В одну из пятниц, перед весенними каникулами, когда и домашних заданий нет, Настя постучала Маше. В ответ тишина. Настя, позвонила Маше:

— Привет! Ты где?

— Привет! Я в кино была. Теперь иду домой, — ответила Маша.

— Машуня, я тебя встречу, заодно и прогуляюсь.

Настя быстро оделась и побежала в темноту и безлюдье навстречу Маше. На улице едва светили редкие фонари, девочке стало немного страшно. В соседнем дворе Настя издалека увидела Машу и пошла быстрее. Но в этот момент из-за угла появился мужчина, схватил подругу за руку и потащил к подъезду. Маша упиралась, но сил не хватало. В несколько прыжков Настя оказалась возле них и со всей силы ударила мужчину по ноге сзади под коленную чашечку. Мужчина взвыл от боли, выпустил Машину руку и с руганью повернулся к Насте. Следующие удары рукой по горлу и ногой в пах Настя сделала один за другим. Мужчина с воплем согнулся в позе эмбриона. Настя схватила ис-

пуганную Машу и с криком: «Бежим!» потащила ее в сторону дома. На одном дыхании девчонки домчались до подъезда, влетели на третий этаж.

— Стой! — сказала подруге Настя, — Давай отдохнемся, а то родителей напугаем.

— Настя, но как?! Здорово ты его! Ты меня спасла! Спасибо тебе! Ты настоящий друг! — прерывающимся голосом благодарила Маша.

— Да что я, — ответила Настя, — это нашему тренеру по самообороне спасибо.

*

После школы девушки поступили в институт. Когда им исполнилось по восемнадцать лет, Настя вечерами стала ходить в автотшколу на курсы вождения.

— Может, вместе пойдем? — спросила она подругу.

— А зачем? Ни у тебя, ни у меня машины нет. Зачем права? Замуж выйдем, мужья возить будут, — смеясь, ответила подруга, — ты вон еще на английский ходишь. Не надоело учиться? В голове от извилин одни ухабы будут, гладкого места не останется.

Настя улыбнулась и не стала возражать Маше.

Студенческие годы пролетели быстро. Все свободное время подруги проводили вместе. Правда у Нasti его оказывалось не так и много. Но когда находилось, стук в стенку по-прежнему раздавался то с одной стороны, то с другой.

Отгуляли выпускные экзамены, отметили и диплом. Два воиспеченных специалиста с высшим образованием рассыпали резюме в поисках работы. И обеим повезло устроиться, девушки начали строить карьеру.

Однажды осенним вечером подруги болтали, сидя за чашкой чая.

— Везучая ты, Настя, — с грустью сказала Маша, — такую хорошую работу нашла. Мне вот не везет. Вроде и диплом есть, а приличных мест не попадается. Стоило столько лет в институте учиться, чтобы за мизерную зарплату бумажки перебирать? Мо-

жет, ты и меня попробуешь в вашу фирму устроить? Ты ведь уже в руководителях.

— Я бы с удовольствием, Маша. Только у нас есть обязательные условия для всех работников.

— Это какие же?

— Свободное владение английским и наличие водительских прав.

— Понятно. Не судьба. Да ладно, а что ты завтра вечером делаешь? Может, в кафе посидим, музыку послушаем? — предложила Маша.

— Завтра я не могу, — ответила Настя, — у меня занятия на курсах китайского.

ВСЕ ЭТО — СЧАСТЬЕ

Анна никак не могла сделать выбор. Впереди маячило важное событие — юбилей. Перед днем рождения она всегда волновалась. В ноябре, кроме собственного, грядущего в конце месяца, еще полно праздников: у брата, золовки, сваты, дядюшки, у нескольких коллег. Когда работала, три дня рождения в один день отмечали. А на пенсии одной надо решать, как и где праздновать. В ресторане или дома? По-домашнему уютнее. А хлопот сколько! Да еще и круглая дата, как-никак шестьдесят. Может, ресторан? Уже несколько раз Анна приставала к мужу с вопросом:

— Так что делать с моим юбилеем? Дома праздновать или в ресторане?

Муж, не отрываясь от телевизора, повторял:

— Хочешь в ресторане, так давай в ресторане.

— Дорого же.

Муж хмурился.

— Что у нас денег, что ли нет? На ресторан-то точно хватит. Не каждый год юбилей.

И то правда, думала Анна, деньги есть. Но сомнения не исчезали. Откуда они взялись? Успокоили мужчины слова:

— Что ты маешься? Вот после каникул и решим. Не Новый год, чтобы все столики бронировать кинулись. За пару недель закажем.

Тоже верно. У внуков каникулы закончатся, отправим домой, тогда и с юбилеем разбираться можно. До него еще полмесяца будет.

На некоторое время Анна успокаивалась, а потом снова возвращалась к незаконченному разговору:

— А мама? Ей ведь тоже хочется родных увидеть. В ресторан-то ее взять не сможем.

— Она и нас не всегда узнает, — возражал муж, — а остальных тем более.

Анна понимала, что муж прав, но ведь маме иногда лучше становится и она превращается в прежнюю и родную. Маяться выбором не переставала: «Ходить, конечно, мама не может, но хоть полчасика с гостями посидит?» Пока муж не остановил, сказав:

— Хватит уже. Вот посадим внуков в поезд и сразу про юбилей думать будем. А пока радуйся, что мальчики скоро приедут. Для этого и дом покупали, чтобы место было.

Анна вспомнила, как тесновато в квартире с внуками и как хлопотно мотаться с мальчишками между домом и дачей. Собраться же надо, продукты закупать, ехать. Тогда она дом и захотела. Ну, что поделать, если дочь за москвича вышла и москвичей нарожала? Купили дом. Несколько лет ремонтировали, благоустраивали, пристраивали. Каждый приезд внуков оставался для Анны праздником. Тем более что места достаточно, да и ребятишки подросли, школьники уже. На каникулы к бабушке с дедушкой ездили с удовольствием. Поэтому она старательно задвинула мысли о юбилее на потом.

Тридцать первого октября в воскресенье Анна с мужем встретили московский поезд в девять утра. Доченька привезла им долгожданных внуков, двух светловолосых пацанов. Сама в тот же день вечером уезжала. Работу новую нашла месяц назад, хорошую. Планировала утром с поезда сразу туда. Но,

планы планами, а жизнь свое подбрасывает. К вечеру старший выдал температуру. И дочка засомневалась, ехать или оставаться. Анна, спрятала волнение и спокойно сказала:

— Ну, что ты так переживаешь? Успокойся, вылечим. Надо ехать. Нельзя после месяца работы на больничный выходить.

Уговорила, отправили. Через час после отъезда дочери у внука температура поползла вверх. Лоб и щеки пылали, столбик термометра приблизился к сороке. Началась рвота. Мальчишку выворачивало наизнанку даже от воды. Слабое тельце распласталось на кровати, светлая головка свисала над тазом.

Сердце Анны то съеживалось и замирало, то встрепенувшись, начинало колотиться в ребра, словно хотело выскочить. Ладонь непроизвольно прижималась к груди в попытках его утихомирить. Потом покрытая морщинами и сетью выпуклых вен рука тянулась к ребенку. Анна мягко водила ладонью по спине внука, худой, с торчащими позвонками, и уговаривала:

— Давай по ложечке пить будем, только часто. Обманем желудочек. Он и понять не успеет, что водичка попала. Скоро легче станет.

Внук откидывался на спину, смотрел измученными глазами на бабушку и открывал рот. За пятнадцать минут, остававшихся до следующей ложечки, Анна успела сбегать на первый этаж. Проверила маму, уложила младшего, отослала мужа в магазин за водкой для обтирания. Попутно успокаивала себя. Хорошо, что комнат много. Больного от здорового отделили, может, убережем.

Потом Анна смешала водку с уксусом и водой, протерла ребенка. Температура на время снизилась и снова поползла вверх. Пробегая внизу мимо телевизора, женщина опять услышала в новостях про свиной грипп и летальные исходы. Стиснула зубы, помотала головой и снова отправилась наверх, давать очередную ложку воды. Анна всеми силами старалась отогнать страх перед предстоящей ночью.

Ночь наступила, все заснули, и тишина заполнила дом. Анна не отходила от внука, смотрела на часы, поила сонного ребенка.

С надеждой опять и опять ставила градусник. Столбик упрямо торчал в двух маленьких делениях от цифры сорок, и страх вплз Анне в душу. Она вызвала скорую помощь. Врач скорой послушала мальчика и спокойно предложила отвезти в больницу. Анна представила темную палату, ночную тишину коридора и десятилетнего внука на больничной кровати в полном одиночестве, без мамы и без бабушки.

— Нет, — сказала она, — никто там возле него ночью сидеть не будет, а я здесь стану.

Врач сделала укол, дала рекомендации, попросила подписать бумагу с отказом от госпитализации и уехала. Анна осталась наедине со страхом и невеселыми мыслями.

*

Ох, уж эти ночи у постели больного ребенка! И тяжело, и отойти невозможно. Время течет медленно-медленно. Сколько матерей на белом свете в такие ночи, сидя возле малыша или малышки, посматривали на часы в ожидании утра. Прислушивались, дышит ли. Почему-то днем не так страшно. Вернее, не днем, а утром, ближе к рассвету. Даже, если зима и совсем темно на улице, часов в шесть просыпалась надежда, что если до утра дожили, то все будет хорошо. Сидели матери, водичкой поили, мокре полотенце на головку прикладывали, то укрывали, когда знобило, то раскрывали, когда поднимался жар. И так час за часом.

Не одну подобную ночь пережила Анна с дочками. Не думала, что такое повторится. И не важно, что ей давно не двадцать пять. Тогда, в молодости, еще и глаза слипались и в сон изредка проваливалась. Потом совесть мучила, и мозг сверлила мысль «Как же ты можешь хотеть спать, когда твоему ребенку плохо?». То вдруг жалость к себе накатывала. Все спят, окна в соседних домах темные, а она один на один с болезнью и страхом. Руки, на которых лежал ребенок, затекали и немели, спина ныла, голова тяжелела. Тогда Анна вспоминала Таню из пьесы Арбузова. Вот она могла не спать и себя не жалеть, когда ребенок болел. Потом вдруг на мужа злость появлялась: «Вот он спит себе, а я

тут одна!» И тут же, следом другая: «Ему ведь на работу утром, а у меня больничный».

Не думала, что спираль судьбы снова такой виток сделает. Стрелки на часах, подлые, еле тянулись. Мысли шатались от одного к другому. Всякие ужасные примеры из жизни в голову лезли. Не дай, Господи!

Тогда, в молодости наплевала, что их атеистами растили. Кроме как к нему, Всевышнему, не знала к кому обратиться. Вот и просила неумело, коряво — только помоги. Верила, ой, как верила в темные тревожные ночи! На коленях стояла перед кроваткой и молила «Помоги, Господи! Пусть мне тяжело будет, только не ей! Виновата в сомнениях, в осуждениях, в гордыне, да мало ли еще в чем. Прости. Прости меня грешную. Меня накажи, меня. Ребенку помоги, век не забуду и от тебя не отрекусь».

*

Анне казалось, что страшнее таких бессонных ночей ничего нет и они уже позади, а нет — еще одна... Хорошо, что молитвослов рядом. Лишь бы внуку полегчало. Сомнения раздирали, может зря в больницу не отдала к врачам поближе? А когда он просыпался, и Анна смотрела в больные, несчастные глазки, она понимала, что любовь тоже лекарство. Успокаивала мальчика, подбадривала:

— Все будет хорошо, родной, скоро тебе легче станет. Давай еще глоточек сделаем. Не бойся я не уйду. Закрывай глазки, я тебя поглажу.

А внук спрашивал:

— Бабушка, а ты не отдашь меня в больницу?

— Да что ты, мы справимся, вот только давай свечечку поставим. Она температуру снизит. Неприятно, зато легче. Сейчас бабушка тебе опять полотенце холодной водичкой намочит. Так лучше?

Долгожданное утро наступило, а болезнь не отпускала. Градусник продолжал пугать. День мало отличался от предыдущего вечера, такой же сумасшедший: вниз на первый этаж вынести

горшок у мамы, накормить ее и младшего, а между всем этим — наверх, дать старшему ложечку воды, жаропонижающее, посмотреть, не рвет ли.

Заехала участковая. Тоже все бегом, вызовов много, грипп. Смотрела, слушала, выписала лекарства и оставила направление в стационар, если станет хуже. Но, главное успокоила, что в легких чисто и симптомов менингита нет. Анна заверила врача:

— Мы постараемся, чтобы хуже не становилось.

Дедушка носился в аптеку, в магазин за продуктами. Вторая дочь, хоть и недалеко жила, но на последнем месяце беременности не рисковала сидеть с племянником из-за вируса. Выручила тем, что младшего прогуляться брала, чтобы не закис совсем. Хотелось верить, что на улице вирус не передается.

Старшая дочь звонила несколько раз в день: «Как вы? Какая температура? Может мне приехать?» Если бы от маминого приезда дети выздоравливали, то конечно. А так, какая разница, которая из мам рядом?

Про юбилей Анна и думать забыла, до него ли. Наконец, лекарства подействовали. Облегчение наступило к вечеру второго дня. Следующая ночь прошла спокойнее. Старшенький ожидал. Слабенький, с головокружением, ходить и играть не мог, но слушал с удовольствием. Анна сидела рядом и читала его любимую книгу про Гарри Поттера. Чтобы ничего не упустить, написала на листе бумаги названия лекарств, и отмечала, во сколько и что принимали. Температурный лист завела, как в стационаре. Температура снижалась каждый час на две десятых градуса, это радовало. С трудом могла представить, что температура тридцать восемь и шесть может обрадовать. Смотря с чем сравнивать. На третью сутки Анна поняла, что внук пошел на поправку. Но...

Выдал температуру младший. Второй этаж дома превратился в лазарет. Правда, младший переносил все легче. Температура так не поднималась, рвота не донимала, просто спал, спал и спал. У Анны уже два листа с отметками о приеме лекарств и замерами температуры образовались. Но, слава богу, все обошлось. Дети понемногу выздоравливали.

Всей компанией начали придумывать, чем заняться. Хорошо, что любили журналы листать. Но не весь же день чтением развлекаться? Вспомнили, что скоро день рождения подружки-соседки Маши.

— Бабушка, пойдем за подарком для Маши, — предложили внуки.

Анна представила — бродить по магазинам, когда грипп свирепствует? Ну, уж нет. Постаралась выкрутиться и предложила:

— Давайте сами сделаем подарок. Купить-то просто, особенно на родительские деньги.

— Что же мы можем сделать? — растерялись мальчишки.

— Красивую кожаную шкатулку. Зато такой больше ни у кого не будет.

Несколько дней все вместе трудились с радостью и вдохновением. Раскрывали книгу «Поделки из кожи», раскладывали инструменты, кожу, клей, картон, красивую ткань для внутренней отделки и в шесть рук резали, клеили. Получилось здорово! Внукам понравилось и Анне тоже.

Каникулы кончались, но об отъезде и речи быть не могло. Шестого ноября в субботу узнали, что в Москве объявлен карантин и школы закрыли еще на неделю. Дети остались. Эпидемия гриппа в городе понемногу затихла. Анна радовалась, что мальчишки выздоравливали и, наконец, могли гулять,ходить в боулинг, в общем отдыхать. Про юбилей даже не вспоминала.

В тот же день вечером позвонил зять с сообщением, что отвез жену в родильный дом. Хоть до срока еще недели три, схватки уже каждые три-пять минут. Вот-вот третий внук появится. В родильном доме карантин по гриппу и зята для поддержки не пустили. А они так этого хотели.

Вечер плавно перетекал в ночь, мальчишки заснули, а Анна с мужем и зятем мотались из угла в угол, ждали, звонили. В двадцать три часа — нет новостей, в полночь — нет, в час — нет, в два — нет. Дергать работников родильного дома неудобно, спать невозможно. Бродили по дому и ждали. Анна попросила

дежурную сестричку позвонить в любое время и продиктовала номер телефона.

— Не волнуйтесь, позвоним, — ответила та доброжелательно.

И действительно, позвонила в пять тридцать:

— Родила мальчика. Три килограмма шестьсот восемьдесят граммов, пятьдесят четыре сантиметра.

— Бедная доченька, столько мучилась, — думала Анна, — но, слава богу, все хорошо.

Беспокоило Анну, что молодая семья до родов ремонт у себя закончить не успела. Не хватило дней десяти. И к себе не взять, может еще вирус гриппа летает. Вдруг дети не вполне здоровы? Решили, что мама с новорожденным вернется в свою квартиру.

А пока с внуками ездили к родильному дому, помахать под окном новоиспеченной мамочке. Дети на заднее сиденье, Анна за руль и вперед. Выписать обещали в среду. В понедельник Анна пришла в квартиру дочки и зятя с ревизией, все ли для малыша готово. Во вторник утром, как всегда, горшок старенькой мамы, завтрак, детей с дедушкой в боулинг, сама в магазин собралась докупать ползунки, памперсы. В одиннадцать уже на пороге застал звонок от доченьки:

— Мама, меня сегодня выписывают. Выписка до половины второго.

Анна всплеснула руками, вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Наша замечательная медицина! Палату им понадобилось освободить. А дочке только завтра швы снимать:

— Ничего, — сказали ей отзывчивые медики, — придет завтра к девяти утра.

Это на четвертый-то день после родов! От новорожденного ребенка! Но возмущаться некогда, Анна опять за руль — в магазин. У них с зятем на все про все — два с половиной часа. Что такое аврал в Советском Союзе, знали не понаслышке. Прорывались. В тринадцать тридцать машина Анны стояла возле родильного дома. Зять с приданым и цветами умчался в комнату выписки. Вынесли внука, доченька, еле передвигаясь, села в машину. Анна отвезла их в ремонтируемую квартиру.

Дома Анна возилась со старенькой мамой, развлекала внуков, а в мозгу крутилось:

— Как там молодые родители? Бывает же так, что события лезут друг на друга как глыбы льда на реке весной. И страшноватые, и радостные. Да, главное, зять с дочкой трудяги оба, хоть и затянули с ремонтом. Полгода работали над проектом для международной выставки с чудным названием «Отпечатки». Что-то посвященное Белому морю. Зять сутками не спал, собирая их совместное детище.

Для Анны все странновато звучало: и инсталляция, и «Физиологус», и выставка-триенале, и современное искусство тоже. В пятницу состоялось открытие, а с субботы на воскресенье начались роды.

— Как же удачно получилось, хорошо, что не наоборот, — не раз повторяла мужу Анна, — вот и седьмого ноября к нам вернулся праздник в новом качестве — день рождения третьего внука. Счастье-то какое!

Анна без устали хлопотала дома между мамой и внуками, словно ей живительной воды дали напиться. Вот что счастье-то делает, думала она. А про себя благодарила Бога, что вроде все устаканилось. Старшие внуки выздоровели, младший появился на свет. Улыбалась мыслям, что изменился статус бывшего младшего — он стал средним, а старший-то небось доволен, ведь его место в строю не изменится. Готовилась в субботу, тринадцатого ноября москвичей-внуков отправить домой с маминой подругой. И не подозревала, что ноябрьские сюрпризы не закончились.

В девятнадцать часов они с дедом помахали руками старшим внукам у вагона фирменного поезда «Карелия» и под звуки песни «Долго будет Карелия сниться» сели в машину и отправились за младшим. Надо было дней на десять переселить их семейство к себе, чтобы закончить ремонт в квартире. Молодым уступили спальню на первом этаже и перебрались наверх. Дело привычное. Радость в доме!

На многое Анна смотрела с удивлением. Как же все изменилось! Раньше кормили по часам, ночью перерыв, водичкой пои-

ли, пеленали первое время. Теперь корми, когда захочет, ночью тоже. Воды, оказывается, грудничкам не требуется. Молоко это и еда, и питье. Выдавай по первому требованию. Чем это в будущем аукнется, вопрос риторический. Поживем, увидим. Молодые родители все в книгу Комаровского заглядывали, что и как. Младшая дочь со старшой советовалась, да подруги, что уже при детях, опытом делились. Девчонки толковые — много полезного знали.

Анна помогала, чем могла, ведь зять все время на работе. Внимательно поглядывала на дочку. Заметила, как на побледневшем лице все ярче пылали красными пятнами щеки, и любое движение с каждым днем давалось труднее. Ненароком погладила дочку по щеке, померила ей температуру и кинулась звонить знакомому врачу. Через час они уже получили от доктора направление на УЗИ. С результатом снова на прием. Заключение врача ошеломило — срочно в стационар!

— А маленький? — опешила Анна.

— Можете возить на кормления, — посоветовал доктор, — детей во взрослую больницу не берут.

Анна полдня звонила, искала, где могут взять с ребенком. Во всем городе нигде! Дочь в слезах, Анна с зятем шоковое состояние прятали за показным спокойствием. Со страхом думали о первой ночи без маминой груди рядом. Носились по аптекам в поисках бутылочек и сосок, которые не приведут к отказу от груди. Лезли в того же Комаровского. Покупали кучу российских сосок по его совету и экспериментировали с прокалыванием дырок. Долго и безрезультатно. Тут одно из трех: или Комаровский подвел, или у них терпения не хватило, или в книге опечатка. Но как после прокалывания соски ее порвать, а потом давать ребенку, так и не поняли.

Первый день показался адом, да и ночь тоже. Одевали, ехали, в машине малыш засыпал, у мамы спал. Опять одевали, ехали, в машине спал, дома орал. Нужно было не забыть сменную обувь, бутылочку для сцеживания на ночь, памперс и прочее. После первой ночи бабушка и молодой папа падали по очереди

спать и опять садились в машину. Мозг сверлили вопросы. Интересно, доктора, которые выписывают нездоровых рожениц, осилили бы такой режим? Или они не в курсе истинной ценности грудного вскармливания? Или только правительству и президенту необходимо повышать рожаемость? Дурацкие вопросы, но крутились и крутились в мозгу.

— Ну что вы, тут возят ребенка, которому только пять дней, а вашему уже две недели, — утешали их в больнице.

Доктора разрешали привозить на кормления только с семи утра до десяти вечера. А в остальное время соска или ложка. В двадцать дней ночью ложка — это звездно! Отзывчивей докторов оказались охранники, они пускали и ночью. А Анна и зять возили и возили. Теперь уже поодиночке, то папа, то бабушка Автолюльку на заднее сиденье и в больницу.

Из некоторых машин на всю улицу доносились музыка, разная, но чаще рок. «Жигули» Анны неслись по городу, сопровождаемые громким детским криком. Ведь ехали, когда есть хотели. Но человек быстро ко всему привыкает. Они уже втянулись в ритм такой веселой жизни. А если вспомнить, по книгам, конечно, думала Анна, как люди выживали в концлагерях и ГУЛАГах, то даже жаловаться стыдно. У нее с зятем — рай. Главное, повторяла она себе, чтобы все дети и внуки здоровы были.

Ноябрь у Анны всегда выдавался активным, но в этот раз превзошел все ожидания! Она выкраивала минуты для звонков родственникам и друзьям, которых всегда рада была видеть в день рождения. Они это знали и приходили запросто. К сожалению, не в этот раз. Просто даже не смогла бы поговорить. Если внук спал, то на звонки она отвечала со шваброй или пылесосом в руках. Старенькая мама каждый день спрашивала, не выписали ли внучку, тотчас забывая, что ответили. Анна тогда подумала: «Хорошо, что день рождения в конце месяца, может с ноябрем и активность спадет. Да и бог с ним, с юбилеем — доживем до следующего, тогда и попразднуем. А сейчас она спокойно посидит с друзьями, декабря этак пятого-десято-го и порассуждает, какой же она счастливый человек. Ведь оно

действительно так! Совсем как у Ольги Берггольц «И все-таки все это — счастье».

*

Когда встреча состоялась, одна из подруг подняла фужер со словами:

— За здоровье удивительной бабушки с большой буквы!

Анна покраснела, махнула рукой и с улыбкой сказала:

— Что ты, что ты! У нас в России таких бабушек, хоть пруд пруди. Просто ноябрь у меня удивительно счастливый, — и добавила, — наверное, на всю оставшуюся жизнь запомнится.

ЗОЯ ДОНГАК

ОКРЫЛЯЮЩАЯ СИЛА ТВОРЧЕСТВА

Николай Островский сказал: «Творческая работа – это прекрасный, необычайно тяжелый и изумительно радостный труд». Это короткое высказывание открывает поразительный простор для мысли.

Творчество – это создание чего-то нового, никогда ранее не существовавшего. Дорогу к творчеству для меня открыли в первую очередь мои родители, родные. Потом – школьные учителя, преподаватели в медицинском институте и клинической ординатуре, в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве, коллеги, друзья, писатели Тувы. И, конечно, писатели мира, которые заворожили меня с детства. Прекрасные книги начала читать с шести лет – подвой выюги за окном нашего маленьского домика в горном селе Мугур-Аксы. И сегодня продолжаю читать!

Я считаю, что мои родители заложили в меня основу жизненных начал и наделили чертами, свойственными нашему роду. Мне было два, а мне – четыре года, когда родители отвезли нас к бабушке и дедушке, у которых юрта стояла у подножия горы Монгун-Тайга. Вокруг юрты – настоящий рай: отары овец, коз, яков, река Мугур, горы с ледниками. Дедушка хорошо знал монгольский язык, а бабушка – алтайский. Они нам рассказывали легенды, сказки, пословицы, поговорки. У моих предков-животноводов нет выходных дней, трудолюбие у них в крови. Сама не помню об этом случае, но родители рассказывали, что, когда они приехали за нами, я пожаловалась: «Шокар авам соктапты, кызыл авам хыйнапты» – «Пестрая мама ударила, красная мама ругала». Так я сообщила о том, что нас шлепнули по попам и по-

ругали за то, что намочили бопуктар – детскую обувь из выделанной кожи. Бабушка была в красно-бордовом халате, а ее невестка Кулак – жена сына Метпээ – в пестром. Папа тогда сказал: «В четыре года уже как поэт говорит». С начала сороковых годов папа – выпускник Горно-Алтайского сельхозтехникума работал зоотехником, председателем колхоза «Малчын», затем – председателем Монгун-Тайгинского райисполкома. Он много читал. Мама – домохозяйка, швея. Родители нас воспитали, поддерживали и наставляли, приобщили к труду и фольклору, к шахматам и чтению. Я пятый ребенок из двенадцати детей. Качая колыбель с малышом, я часто читала книги. Была непоседой, меня утомляло долгое сидение, но чтение мне нравилось. Когда читаешь, на тебя снисходит такое умиротворение, все заботы улетучиваются, и все мысли вертятся вокруг главного героя.

Я родом из Монгун-Тайгинского района Тувы, граничащий с Горным Алтаем и Монголией. Там почти нет земли, горы кругом. Люди живут только в узких долинах, где возможно животноводство. В селе Мугур-Аксы, где мы жили, была средняя школа. Высокогорное село с исключительно тувинским населением. В начальных классах мы учились на тувинском языке, а русский изучали как предмет. С пятого класса преподавание велось на русском языке. Русский кое-как освоила к десяти годам, помогло мне в этом чтение. Я читала взахлеб все книги, которые мне попадались, и постепенно русский для меня стал вторым родным языком. Русские учителя к нам приезжали только в девятом и десятом классах, но долго не задерживались, потому что русскому человеку нужно, чтобы росла картошка, а у нас было холодно.

С детства понимала, что такое труд. Я всегда нянчила кого-то из сестренок или братишку Валеру, пилила, колола дрова, топила печь, ходила за водой на реку Каргы. Во время летних каникул, начиная с пятого класса до окончания школы, я и братья Кан, Эрес, Олег вместе с мамой трудились на сезонных работах колхоза «Малчын»: на стрижке овец, в кирбииш-сарае – кир-

личном цехе под руководством Седена Куулара по прозвищу Аксак-Седен – Хромой Седен. Работа была очень трудная, но никто из нас не жаловался. Мы знали, что зарабатываем деньги, на которые родители купят нам одежду, обувь, школьные при- надлежности. А как болела спина после работы в кирбииш-са-рае! Сначала мы таскали серые глиняные кирпичи до печи, в ко- торой их обжигали. После обжигания таскали от печи красные кирпичи. Среди ясного дня неожиданно налетала песчаная, вме- сте с глиной, буря, сбивающая с ног. В Монгун-Тайге это часто бывает. Мы прижимались друг к другу, мама чем-то накрывала нас. После бури на зубах скрипел песок, рот был наполнен тягу- чей серой глиной. Долго потом протирали глаза, выбивали пыль из одежды и волос. И снова брались за серые и красные кирпи- чи. Печи, сложенные из этих наших кирпичей, до сих пор нормально топятся.

С ранних лет я приучилась ходить в библиотеку при клубе, библиотекарем тогда работал известный в Туве сказитель Сам-буу Чувурекович Саая.

Школа дала многое: страсть к знаниям, к самостоятельной работе с учебниками, осознание важности дружбы и взаимопо- мощи. Все это оказалось полезным в жизни. Учили нас знаю- щие, требовательные, добрые и справедливые учителя. Особен- но запомнились мне Долчун Баазановна Донгак, учительни- ца родного языка и литературы с пятидесятилетним педагоги- ческим стажем, и Алла Яковлевна Гринева, преподававшая рус- ский язык и литературу. Их уроки я любила больше всего. Дол- чун Баазановна и Алла Яковлевна научили писать сочинения на тувинском и русском языках, заставляли записывать крат- кое содержание прочитанных книг в читательский дневник, учили четко выражать свои мысли. Алла Яковлевна Гринева приехала к нам в село из Омска – по распределению. Для нас наша первая русская учительница была чем-то особым, необычным. И для нее, горожанки, попавшей в далекое горное тувинское село, все здесь было непривычным. Мы учили учите- льницу колоть дрова, растапливать печку, а она нас угощала

печенем и кофе, который я в первый раз попробовала в гостях у учительницы.

Моя первая русская учительница А. Я. Гринева научила меня четко и грамотно формулировать мысли, читать книги громко в кругу семьи, способствовала в развитии навыков самостоятельного творческого мышления и письменного изложения собственных мыслей. Особенно я часто читала родным вслух зимними вечерами, когда на улице мела пурга, иногда переводя с русского на тувинский язык. Учительница русского языка и литературы стала для меня не только любимым педагогом, но и добрым другом. В выпускном классе я очень близко подружилась с единственной русской одноклассницей – Галиной Лехер. Ее отчим Угдыжеков работал учителем, а мама – техничкой в школе-интернате. Хотя Галя жила далеко от меня, я часто к ней ходила, чтобы больше общаться на русском. Совершенствовать знание языка мне пришлось в последующие годы, да и сейчас этим занимаюсь.

А свет в нашем селе горел только до двадцати трех часов. Потом лампочки три раза мигали – такой был сигнал – и свет отключали. Дальше готовить уроки приходилось при скучном освещении керосиновой лампы. Иногда, если попадалась очень увлекательная книга, не могла оторваться и сидела на кухне у коптилки до трех или четырех часов утра. Каюсь, даже обманывала родителей, когда они напоминали мне: надо спать. Отвечала, что делаю очень трудное домашнее задание. Утром лицо было в саже от керосиновой лампы, и меня за это подразнивали сестренки. Герои книг были для меня, как живые: так переживала за них, что могла во время чтения заплакать или засмеяться. Мама и младшие часто просили прочитать вслух те места, где смеялась или плакала. Читала им вслух зимними вечерами. Самые маленькие во время этих чтений нередко засыпали около меня: кто у ног, кто сбоку.

И вот что интересно: в нашем далеком от благ цивилизации селе Мугур-Аксы, где не было ни одного теплого туалета, а зимой мели такие вынужи, что, порой, на улицу не выйдешь –

ничего не видно, в шестидесятые годы, в пору моего ученичества, литературная жизнь была ключом. В Мугур-Аксы приезжали и проводили творческие встречи известные писатели и поэты Тувы. Особенно запомнился поэтический вечер Александра Даржая, на котором мы читали и свои стихи. Я тоже рискнула прочитать свое первое стихотворение «Родная земля» – о Монгун-Тайге. А. Даржай поправил его в нескольких местах, но похвалил и посоветовал дальше писать. Как я тогда радовалась этой первой похвале!

В детстве я часто с интересом слушала беседы папы с мамиными братьями – Хунаном, Бызаай-оолом, Молдургой (известный в Туве поэт Молдурга Бурушакович Салчак). Они говорили о прочитанных книгах, о культуре, о литературе. Училась у гор, у озер, у рек, у неба. Постоянно поражалась красоте родной природы и пыталась передать ее словами. Училась слагать стихи сначала в школьном поэтическом кружке с красивым названием «Менги чечээ» – «Ледниковая роза». Руководил им мой дядя, поэт Молдурга Салчак. На занятиях мы вместе разбирали удачные и неудачные стихи кружковцев. Я была самым активным членом этого кружка, хотя дядя мог строго раскритиковать меня, уча относиться внимательно к каждой строчке. Временами обсуждение стихов происходило в нашем доме. Папа часто анализировал, по-дружески критиковал творчество молодого поэта, в моей памяти иногда резкие, иногда с юмором высказывания по поводу его стихов и моих новорожденных стихов. Но оказалось, что критика в кружке – на людях – не так остро воспринимается, как дома, в одиночестве.

Увлечение поэзией, родившееся еще в Монгун-Тайге – в «Ледниковой розе», никогда не покидало меня. А творческое общение с поэтами и писателями Тувы окрыляло, помогало, у каждого из них училась. Таким старшим наставником стал для меня поэт, прозаик, переводчик с русского на тувинский язык, член Союза писателей СССР Олчей-оол Монгуш. Он в десятилетнем возрасте получил сильнейшие ожоги почти пятидесяти процентов тела. Особенно пострадали лицо, руки. Врачи

не верили в чудо: с такими сильнейшими ожогами в то время выжить было невозможно. Олчей-оол не только выжил, но и не потерял волю к жизни. Симпатичный мальчик, после ожогов ставший неузнаваемым, потерявший пальцы, не замкнулся в своем горе, не бросил учиться. К моменту трагедии он успел окончить только начальную школу, все остальные знания получал самостоятельно. Читал, читал, читал. Все книги в библиотеке села Ак-Туруг были им прочитаны, теперь она была названа именем своего самого преданного читателя. Тот, кто впервые видел Олчей-оола Кунгаевича, мог сначала даже испугаться: из-за множества послеожоговых рубцов черты лица искажены, кожа неестественно натянута. И каким же контрастом отталкивающей внешности открывался характер этого человека, который, как магнитом, притягивал к себе щедростью души, жизнерадостностью, юмором, доброжелательностью и широтой кругозора. Он руководил литературным объединением «Волны Улуг-Хема», объединявшим поэтов и прозаиков Улуг-Хемского и Чая-Хольского районов. Олчей-оол Кунгаевич был весьма требовательным. Благодаря ему научилась печатать на пишущей машинке. По его примеру стала собирать не только свои, но и задевшие душу стихи молодых и немолодых авторов. «Выжил и победил!» — это стихотворение посвятила своему старшему другу и впервые прочитала 25 октября 1994 года со сцены в школе села Ак-Туруг, где отмечали шестидесятилетний юбилей Олчей-оола Монгуша. Как он радовался тогда! Олчей-оола Кунгаевича не стало 31 марта 1996 года, но его неиссякаемый запас душевной молодости и оптимизма и сегодня помогает быть мужественной в самые трудные моменты моей жизни.

Часто обращалась за литературной помощью к поэту и переводчику Борису Казырыкпаю, он никогда не отказывал. Он филолог, выпускник Кызылского государственного педагогического института. Борис много лет преподавал в школах сел Кызыл-Хая и Мугур-Аксы, потом работал в Кызыле: ответственным секретарем литературно-художественного журнала «Улуг-Хем», корре-

спондентом в журнале «Башкы», в последнее время – научным сотрудником в Тувинском институте гуманитарных исследований. Важная тема, которую он поднимал в своих произведениях, публицистических статьях – воспитание настоящего мужчины, его долг перед семьей и государством, народная педагогика. С Борисом Оюловичем вместе перевели книгу Юрия Промптова «В центре азиатского материка», он лучше меня переводил с русского на тувинский.

Училась и учусь преодолению трудностей не только в творчестве, но и в жизни у известной поэтессы Лидии Иргит из Монгун-Тайги. Она окончила в филологический факультет Кызыльского государственного педагогического института, а в 1997 году, уже в зрелом возрасте – Высшие литературные курсы Литературного института в Москве. С 1979 года до выхода на пенсию она работала корреспондентом тувинского республиканского радио. Мать двух дочерей – Аяны и Алены, опекунша двух мальчиков-сирот, она из тех женщин, которые стойко переносят жизненные испытания, не теряя интереса к жизни и людям.

И еще человек, знакомство с которым стало вехой в жизни – Мария Хадаханэ, моя вдохновительница, наставница с редким сочетанием подлинной женственности и лирической теплоты со строгой мужественностью. Как поразил меня впервые услышанный голос Марии Андреевны: на вечере писателей в честь Шагаа, который организовывала Лидия Иргит. Мария Андреевна пела «Подмосковные вечера», пела, как знаменитая певица Лидия Русланова. А как она говорила: горячо, вдохновенно! Хотелось слушать ее вновь и вновь. Мария Хадаханэ, литературный критик, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Тувы и России так много сделала для тувинской литературы! Писатели Хакасии, Алтая, Горной Шории завидовали нам – писателям Тувы, что у нас есть такой выдающийся критик. Ведь самое страшное, что может с писателем произойти, это когда критика о нем молчит, когда просто нет человека, способного указать

на достоинства и недостатки произведения. Когда в 2003 году вышла в свет моя первая на русском языке книжечка «В краю вечных ледников», так важно было услышать хоть одно слово одобрения. Как же я радовалась, увидев в «Тувинской правде» статью Марии Хадаханэ с названием «С любовью о Родине», в которой не одно, а много теплых слов одобрения! Она написала очень важные для меня отзывы о моих повестях «В юрте бабушки Дыртыны» и «Мама Нади Рушевой».

После трагической гибели мужа, после мучительных и бесполезных его поисков я много раз перечитывала свои стихи, рожденные в Ленинграде в годы учебы в ординатуре. И однажды я решилась идти в Союз писателей Тувы, где тогда председательствовал Александр Даржай. Совсем не уверенная в себе, еще не окрепшая от горя, нерешительно вошла в его кабинет. Он поддержал меня в этот очень трудный период: написал рецензию, рекомендовав стихи к печати. И в 1999 году увидел свет первый сборник моих стихов на тувинском языке «Амы-дырал чаяакчызы» – «Сотворение». Ликовала душа: значит, шыдаар-дыр мен – я смогу! Словно крылья выросли за спиной, загорелась идеей творить и дальше, попробовать свои силы не только в поэзии, но и в прозе. Мои корреспонденции, очерки, путевые заметки, рассказы стали печататься в республиканских газетах, литературно-художественном журнале Союза писателей Республики Тыва «Улуг-Хем», журнале «Башкы».

Вслед за первой книжкой – следующие. Поэтические сборники «Менгилиг сын кызы мен» – «Я – дочь ледниковых гор» – в 2003 году, «Ам-даа, ам-даа чурттаксаам кээр» – «И снова мне хочется жить» (2013). В 2004 году вышел сборник песен на мои стихи «Расцелую от души». Книги прозы «В краю вечных ледников», в 2003 году – на русском, в 2008 году – на тувинском языке, «От сиротства не умирают» (2009), «Монгольский дневник» (2009), «Восхождение духа» (2013), «В юрте бабушки Дыртыны» (2013), «Мама Нади Рушевой» (2014), в 2018 году – книга «Я – дочь серебряной горы!» (поэтические переводы, проза, публицистика), в 2023 году – первая книга романа «Ду-

ша шамана» на русском и тувинском языке. В 2006 году увидел свет наш с Борисом Казырыкпаем перевод на тувинский язык книги Юрия Промптона «В центре азиатского материка» – «Азия диптин товунде». Также перевела с русского на тувинский язык книгу Бальтасара Грасиана «Оракул» (2013), книгу Андрея Лисьева «Не прощаемся» (2023). Большинство из них издавала за свой счет, ведь издаться очень непросто. Ежемесячно откладывала деньги с зарплаты и по мере возможности оплачивала издательские расходы.

В 2002 году вступила в Союз писателей Республики Тыва, в 2003 году – в Союз журналистов России, в 2010 году – в Союз писателей России. Однако солидные членские билеты вовсе не придали мне твердой уверенности в том, что я – настоящий писатель. Свои литературные недостатки видела сама. Например, перевод своих стихов с тувинского на русский язык – проблема. Не получается, и все тут. Строчки, так мелодично звучащие на родном тувинском языке, при переводе на русский просто распадались на отдельные слова и никак не рифмовались. Дополнительная сложность перевода: в тувинском стихотворении рифмы – в начале строк, а в русском – в конце. Со стилем и грамматикой прозы на русском языке – тоже проблема: как ни стараюсь, редактор все равно находит всевозможные ошибки. Я понимала, что плохо владею языком, что без профессионального образования не будет расти мое литературное творчество. Мечта получить литературное образование в Москве появилась еще в 2000 году, ее искорку зажгла во мне Лида Иргит.

Наконец-то все дети встали на ноги, получили образование. Сбылась моя мечта: с сентября 2010 года начала учиться в Литературном институте – в Лите. Да, именно в пятьдесят семь. И пусть это вас не удивляет, ведь и учиться, и круто изменить свою жизнь, осуществив мечту, никогда не поздно. Как никогда не поздно и проанализировать свою жизнь, рассказав о ней, прежде всего, самому себе.

Нам, поступившим на ВЛК в 2010 году повезло: платили за обучение 50 тысяч рублей в год, с 2011 года оплата возрос-

ла до восьмидесяти тысяч. Москва — очень дорогой город. Но надо перетерпеть временные финансовые трудности, ведь никто меня не заставлял: сама, по собственному желанию, поехала учиться.

Глянув в учебный план лингинститута, я сначала растерялась. История античности, средневековья, отечества, русской литературы, старославянский язык, русская диалектология, зарубежная и современная литература, русская грамматика и еще тьма всевозможных предметов. Казалось, что вся эта уйма наук никогда не уляжется в моей бедной голове так легко и просто, как укладывается в головах восемнадцатилетних студентов. Тем более, что мое первое — медицинское — образование никакого отношения ко всем этим филологическим дисциплинам не имеет. Но постепенно втянулась, познание нового увлекло. Семинаров несколько: прозы, поэзии, литературной критики, драматургии, детской литературы, художественного перевода. Я выбрала семинар прозы. У нас такой порядок: за неделю до творческого семинара читаем, самостоятельно анализируем запланированное для обсуждения произведение слушателя ВЛК, которое предварительно размещается в Интернете. На занятии сначала выступают два основных оппонента, затем — все желающие, а в самом конце — Александр Андреевич Ольшанский, руководитель семинара прозы. Кроме основного семинара постоянно посещала семинар очерка и публицистики, руководил которым Юрий Сергеевич Апенченко, семинар прозы Александра Евсеевича Рекемчука. Окончила ВЛК (семинары прозы А. А. Ольшанского, А. В. Воронцова, А. Ю. Сегеня, семинар поэзии В. В. Сорокина) и поступила в аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького (кафедра теории литературы и литературной критики).

Прежде я думала, что после пятидесяти, когда прожита уже большая часть жизни, ничего нового и увлекательного с человеком случиться уже не может, он просто автоматически едет по давно накатанной колее, и все самое интересное — уже только в прошлом. Да, всю жизнь училась: у родных, у жителей Мон-

гун-Тайги, училась в школе, а потом — в мединституте, через каждые пять лет проходила профессиональную переподготовку врача, чему-то училась практически у всех, с кем довелось встречаться.

Жизнь, которая порядком измотала сложными экзаменами, подарила новый — особенный период. Чувствую, что у меня начался совершенно новый этап жизни, по-другому смотрю и на мир, и на людей, и на саму себя. Мне стало интереснее жить, гораздо интереснее, чем в предыдущие годы. Это потому, что все же решилась резко свернуть с наезженной колеи и осуществить свою мечту: уехала в Москву.

Сегодня постоянно познаю новое, особенно в Литературной лаборатории «Красная строка» (руководитель Нина Кромина), занимаюсь тем, что увлекает, приносит радость, встречаюсь с теми, кто вдохновляет, заряжает оптимизмом.

С радостью отмечаю самых активных участников, которые готовы всегда оказать помощь в литературном творчестве, организации и проведении встреч, экскурсий, лекций, презентаций и обсуждений: Галина Талалаева, Татьяна Бирюкова, Юлия Пучкова, Юрий Егоров, Наталья Ячестова, Галина Стеценко, Тамара Селеменева, Юлия Великанова, Людмила Прусакова, Елена Вадюхина, Жанна Варнавская, Сергей Мельников, Александр Королев, Михаил Кромин — оператор, фотограф, ведущий сайта Литературная лаборатория Красная строка. Благодарю Наталию Зеленину, Нину Шамарину, Олега Васильева, Раису Егорову, Нину Сурц, Елену Яблонскую, Ларису Мезенцеву, Татьяну Мороз, Ларису Кравчук, Татьяну Бугримову, Татьяну Медиевскую, Елену Гусеву и многих других за участие в наших встречах и проектах.

Радуюсь тем, кто недавно присоединился к нашим встречам Наталию Зубкову, Оксану Есипову, Елену Громову, Анну Сатжи (Тимакова), а также тем, кто находит время и знакомит нас со своими книгами: Ирину Ордынскую, Сашу Николаенко, Галину Калинкину, Элину Сухову, Марию Аверину, Алексея Небыкова, Станислава Айдиняна, Александра Карпенко, Игоря Гора, Надю Делаланд, Дану Курскую и всех тех, кому интересна жизнь нашей лаборатории.

Осенняя признательность Ирине Сергеевне Силецкой, организатору фестиваля «Славянские традиции», за участие в подготовке и издании трех сборников «Калейдоскоп миниатюр».

В первом и втором номерах были в основном представлены работы авторов Литературной лаборатории «Красная строка», а третье издание создано по итогам открытого конкурса, в котором соревновались авторы из различных регионов России и зарубежья. И в них – пока малоизвестные, но яркие и, что называется, «подающие надежды» имена. Они пишут, рецензируют, верстают сборники, придумывают обложки, полемизируют на сайте. Словом – они незаменимы. Вы о них еще не слышали? Ну так услышите, потому что они сделают литературу XXI века.

Творчество для меня стало тем живительным ручьем, который помог вновь ощутить радость жизни. Сейчас я учусь в аспирантуре. Учеба – это бесконечный процесс, как и работа. Учеба – это и есть жизнь. Тут главное, не останавливаться, не переставать удивляться красоте мира. Также важно – дарить себя, делиться сокровищами души. Участвую в самых разных мероприятиях, где рассказываю о Туве, читаю свои стихи на тувинском языке, и, в переводе, на русском. В 2023 году издана первая книга романа «Душа шамана», а вторая книга ждет спонсоров. Наши произведения даже после нашей смерти будут жить вечно.

Зоя Донгак, поэт, прозаик, член Союза журналистов России, член Союзов писателей Тувы и России, член Академии «Русский слог».

МИХАИЛ КРОМИН

СТОЯНКА ПОЕЗДА ПЯТЬ МИНУТ

Поезд шел сквозь снежную пустыню. Сергеев пытался смотреть в окно, но видел только свое отражение. Он прислонился лбом к черному стеклу и загородил свет ладонью, но все, что ему удалось рассмотреть — это две темные полосы с неровной границей — одна более темная — лес, вторая — посветлее — небо, и заснеженный откос, желтеющий от света вагона. Иногда появлялись похожие друг на друга небольшие станции с вокзалами из крашеного кирпича, остановившимися часами, пустой обледенелой платформой и незапоминающимися названиями — ...вка, ...ово. Стук стрелок, переезд с мигающими красными глазами, один — два фонаря, темные дома и опять несущаяся навстречу чернота.

Постель застелена. На столе недопитый чай и журналы. Напротив него с книгой удобно устроилась жена. Свет погашен, только над головой горят ночники. Монотонный шум быстрого движения и подрагивание создавали ощущение надежности и уюта. Сергеев с детства любил поезда, особенно такие, в каких он ездил последние годы — двухместное купе, вышколенные проводники, тапки, мыло и газеты в придачу. Ему казалось, что вместе с ним перемещается в пространстве и часть благополучного мира, в котором Сергеев жил с рождения. Сергеев с женой ехали в Ленинград — так по привычке он называл этот город, на премьеру спектакля.

Иногда ему приходилось ездить и в других поездах, где много людей, запах вчерашнего перегара, немытых тел и несвежей одежды, где нельзя пройти по вагону, не задев чьих-то ног в нестиранных носках, где постоянный гул от разговоров и кри-

ков детей, вонь из не убираемого туалета и очередь к проводнику за серыми влажными простынями. Там был другой мир – мир бедности и неустроенности, и мир Сергеева сжимался до размеров его тела. Как-то ему пришло в голову, что все люди разделены по своим мирам, и эти миры, как правило, не пересекаются. Любитель живописи, музыки никогда не станет своим, например, среди деревенских мужиков. Не потому, что он лучше, а они хуже – мерзавцы бывают и там, и там. Просто они другие. Человек, попавший из одного мира в другой, всегда будет ощущать его настороженность и враждебность и стремиться быстрее уйти.

Полоса леса стала прозрачней, потом и совсем исчезла. Сергеев увидел снежное неровное пространство с тускло освещенными постройками. Шум движения изменился, стал громче, появилось ощущение, что кто-то придерживает поезд. Пошли стрелки с синими фонарями, склады с разрисованными стенами, темное депо с выбитыми стеклами, несколько товарных вагонов, ржавые давно пустые цистерны. Путь раздвоился, растроился, размножился. Сергеев видел истоптанный снег между рельсами, покрытый черным налетом и пятнами мазута. На пешеходной дорожке с надписью «Проход запрещен» стоял человек. Белые прожектора освещали пространство, и снег казался голубым. Вдаль уходил пешеходный переход над путями. Медленно проехал одноэтажный вокзал серого цвета с синими люминесцентными надписями – ВЫХОД В ГОРОД и КАССЫ. Некоторые буквы не горели, некоторые слабо мерцали. Платформа была кое-где очищена, в остальных местах желтоватыми ледяными буграми лежал снег. Ларек с пивом, кирпичная трехэтажка на вокзальной площади, две машины с включенными фарами.

Поезд остановился, наступила тишина. Женский механический голос за окном произнес: Скорый поезд номер... Москва – Санкт-Петербург прибыл на первый путь к первой платформе. Нумерация вагонов – с хвоста поезда. Стоянка поезда пять минут. «Где они берут этих женщин?» – подумал Сергеев. Сколько он не ездил, ни разу не слышал, чтобы объявлял мужчина или

женщина с высоким голосом, на любом вокзале на любом языке говорила женщина с невыразительным неузнаваемым голосом.

Лязгнула сдвигаемая дверь купе. Послышались нервные голоса, быстрые шаги. Задевая за ковровую дорожку, к выходу катился чемодан. На платформе стояли люди. Интересно, думал Сергеев, кто они, как живут, всю ли жизнь прожили в этом дальнем райцентре соседней области или случайно здесь оказались? И какая сила занесла их сюда? Небольшая толпа с чемоданами и сумками пробежала вдоль поезда, женщина бегом катила коляску. Гуляли два милиционера с автоматами. Кто-то уезжал, кто-то оставался.

Электронный перезвон на вокзале призвал к вниманию, и тот же голос объявил: «До отправления скорого поезда Москва – Санкт-Петербург осталось две минуты. Просьба пассажирам занять свои места». И через две минуты: «Будьте осторожны. От первой платформы отправляется скорый поезд Москва – Санкт-Петербург». Какое-то время поезд еще стоял, затем незаметно тронулся. Опять пошли станционные постройки, трех-четырехэтажные дома, потом и они остались позади. И снова за окном пустая тьма.

Сергеев подумал, что на всем пространстве огромной страны есть всего несколько ярко освещенных пятен, между которыми светящимися гусеницами ползли поезда, перенося людей из одного благополучного мира в другой. Иногда на пять минут они останавливались во тьме, чтобы выпустить приехавших и впустить тех, которым посчастливилось купить билет.

Сергеев взглянул на жену. Она спала с книгой. Он осторожно взял книгу, погасил ночник и прислонил руку к ее прохладной щеке. Она в полусне прижалась к руке губами и отвернулась. Сергеев часто думал о том, зачем жил. Писал диссертацию, крепил оборону, работал на новых русских. И всегда всем был чужой, кроме семьи. Друзей у него не было. Сейчас дети выросли, живут своей жизнью, и единственным близким человеком во всей вселенной осталась жена – женщина, которую он любит вот уже пятьдесят лет. И только сейчас Сергеев понял, для чего

он живет – для того, чтобы вот так ехать с любимой женщиной в «знакомый до слез» город, поселиться в любимую «Октябрьскую» с видом на Лиговский, пройтись, держась за руки, по Невскому, а вечером в театр. Сергеев погасил ночник и, взглянув еще раз в окно, закрыл глаза.

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Отец был москвичом, в Москве жили его родители в доме, который до революции принадлежал моей бабушке. Ее отец был купцом и торговал мукой оптом. Московский дом был двухэтажный с подворотней и отдельным входом. Наш адрес – Александро-Невская 25 квартира 2Б – мне очень нравился, так как казался каким-то складным. А раньше адрес был «Собственный дом Голоульникова у Тверской заставы». На первом этаже раньше была лавка. Надо было войти в подворотню, примерно посередине ее находилась слева наша дверь. Такие двери теперь, наверное, стоят очень дорого – это была резная двухстворчатая дубовая дверь гораздо выше нынешних с резными же ручками. Несмотря на тяжесть, я думаю, она весила поболее, чем современные металлические, подвешена дверь была великолепно. У нее был особый звук, который я помню до сих пор – при открывании раздавался вроде как свист низкого тона, но не такой, как у «телеги несмазанной», а, я бы сказал благородный. Когда дверь закрывалась, она глухо клацала, подобно закрывающейся двери Мерседеса, только громче. В одной створке двери была прорезь для почты, в которую можно было посмотреть, кто пришел. Однажды почтальон принес журнал «Коммунист», который не прошел в эту щель. Почтальон – женщина средних лет позвонила, и когда я открыл дверь, дала журнал со словами «не пролазит – жирный». Справа была кнопка звонка, нажимать на которую было опасно – в сырую погоду было током. Войдя в дверь, мы поднимались по лестнице на второй этаж, где, собственно, и был вход в квартиру. Лестница раньше была парадной, на ней сохранились латунные шарики с дырками, в которые

вставлялись латунные палки (их не было) для крепления ковра. Внизу стоял деревянный ящик с опилками для кошек, наверху – сундук со старьем, который никогда на моей памяти не открывался. Осенью и до Нового года по всей лестнице сверху донизу стояли деревянные ящики с яблоками. Однажды дед привез откуда-то «движок» – бензиновый двигатель, который он надеялся приспособить в качестве насоса на даче, и поставил на лестнице. Движок был большой, с радиатором и всем прочим, было даже одно колесико, которое можно было крутить. Как выяснилось впоследствии, это было магнето. Какой мальчишка смог бы пройти мимо, не покрутив на движке все, что крутится? Вот и я не смог. В результате движок не заводился, даже «не схватывал», как говорил на даче знакомый деда Михаил Виссарионович. Он был инженер, имел «Победу» и считался специалистом в таких делах. После нескольких дней безуспешных попыток мне был учинен допрос с пристрастием, и я сознался, что крутил «это колесико», но потом поставил его, как было. Теперь-то я думаю, что движок не заводился совсем не потому, что я что-то там крутил, просто он не мог работать без серьезного ремонта, но про меня пошла слава, что я все ломаю. Этот движок дед вспоминал мне до самой смерти.

Поднявшись по лестнице – она была довольно обшарпанная, наверху слева никогда не мытое окно, справа на стене висел градусник Реомюра, по оштукатуренной стене шел звонковый провод, временами он забирался под штукатурку. Провод был старый с трухлявой изоляцией, и во влажную погоду «пробивал». При этом непрерывно тарахтел звонок, а звонящего было током. Один раз так попала девочка, которая пришла ко мне в гости. Било, правда, не сильно. Наверху лестницы справа была дверь в квартиру, двухстворчатая с небольшим тамбуром шириной сантиметров тридцать. Открывалась только одна створка каждой двери, а между двумя другими были навалены какие-то свертки. Дальше – передняя, слева дверь в большую комнату, справа короткий коридор в кухню, прямо – закрытая дверь с вешалкой для пальто в соседнюю квартиру. Много поз-

же, когда приехали родители, эту дверь открыли. В передней под самым потолком был звонок, который одновременно с дребезжащим звоном зажигал тускло-оранжевую лампочку, которая подмигивала в такт звонку. Лампочка, наверное, была времен Эдисона. Больше я таких нигде не видел. В передней также находилась топка печки. Большая комната была метров шестнадцать, обшита тогдашней «вагонкой» — узкими, сантиметра четыре или пять фигурными досками, потолок от старости был темно-зеленого цвета, его не красили с того дня, как построили дом. Пол крашеный дощатый с остатками красивого линолеума под несдвигаемой мебелью. Прямо — два окна, которые выходили на крышу сараев, справа дверь в маленькую комнату. У окна стоял громадный письменный стол деда, изъеденный жуками. Рыться в нем было моим заветным и запретным желанием. В столе хранились интереснейшие вещицы — не стреляная (!) гильза от зенитной или противотанковой 45 мм пушки, мешочек с крупным порохом, несколько разнокалиберных пуль, обломок зажигательной бомбы, множество разных зажигалок и курительных трубок, коробочки, непонятные железки и много другого. Между окнами была тумба с радиоприемником (он долгое время был жив и даже работал, пока его не украли), над ней портрет Сталина, по левой стене — буфет, внизу которого хранились бутафорские яблоки и груши (остались от брата отца, который занимался в театральном кружке), а напротив окон стояла кровать. Над кроватью висела большая фотография бабушкиных родителей, а над прикроватной тумбочкой — фотография моего отца, когда он был студентом. Посередине комнаты стоял раскладной стол, на нем мы даже играли в настольный теннис, а над столом — большой оранжевый абажур. В торжественные дни стол накрывали старой бархатной скатертью, а обычно была одна розовая клеенка. На этом столе проходила вся жизнь — я играл, делал уроки, завтракали по выходным, читали, шили, гладили. Справа был дверной проем в маленькую комнату. Раньше это была самая большая комната в доме, потом ее перегородили, и нам досталось всего

метров девять. Там стоял дубовый зеркальный шкаф, который в солнечные зимние и весенние утра пускал по потолку радужных зайчиков, еще одна кровать, тумбочка и старинный ломберный столик, я использовал его как письменный. В большой комнате справа была печка, как ее называли, голландка. Правда, она не имела ничего общего с деревенскими кривоватыми убогими сооружениями. Это была изразцовая печь до потолка, она выходила углом в большую комнату, вторая стенка — в маленькую комнату, а топилась из передней. Дед топил ее углем. Для этого надо было уголь купить. Недалеко от дома располагался дровяной склад. Мы каждую осень ходили туда, и дед покупал машину угля и немного дров. Все это тут же привозили и сваливали к сараю — тогда у всех были сараи, был и у нас. Мы делили его с моей второй бабушкой и ее братом, они жили через стенку. Кто и как перекидывал уголь и дрова в сарай, я не знаю. Когда на улице становилось холодно, дед шел за углем. Это была торжественная процедура. Не ранним утром, часов в десять, он брал ведро, молоток, рукавицу, мы одевались, звали Топсика — у нас была собака, и шли в сарай. Дед насыпал ведро угля, а если попадались слишком большие куски, он брал их в руку и раскалывал молотком. Это был антрацит, необыкновенной красоты черные блестящие камни. Мне по малолетству и слабосильности доверялось нести несколько поленьев. Сначала надо было разжечь дрова, и когда они как следует разгорались, дед подсыпал уголь. Печь горела весь день, часов до пяти вечера. Иногда я засовывал коcherгу через поддувало в топку, она быстро накалялась почти добела. Тепла хватало долго, даже в сильные морозы стенка наутро была теплой.

Если пойти из передней направо, через короткий и широкий коридор, ограниченный арками, попадали в кухню. Кухня была большой, такой же, как большая комната. Под потолком висел большой стеклянный абажур с тусклой лампочкой. Вообще, у меня такое ощущение, что везде было как-то темновато. На кухне стоял небольшой стол, за которым ели, был еще шкаф

в стене с бакалеей и разными нечасто пригождающимися предметами, например самоваром. Раньше, когда весь дом принадлежал семье моей бабушки, это было подавальное окно. В кухне стоял большой сундук неизвестно с чем, дубовый кухонный стол, один угол которого глубоко исцарапали кошки, и двухкомфорочная газовая плита. До газа слева была печка, ее называли плитой. От нее через коридор к главной печи шла толстая черная труба, на которой любили греться многочисленные бабушкины кошки. Кошек было четыре — Белка (мать), Пушкина, Барсик и Помреж. Иногда кто-то из них засыпал и падал. Очумелая кошка носилась по квартире вперед и назад раз пять. Тогда меня ставили на стул, чтобы не сшибли. Особенно этим отличался Помреж — худощавый кот тигровой масти. За кухней был умывальник с двумя раковинами — черной и чистой, слева уборная (именно так тогда называли это заведение), справа за двухстворчатой дверью — фотолаборатория. Это была ниша с полками, на которых размещались разные принадлежности для проявления и печати. Опять же раньше здесь был проход на другую половину дома, где находились столовая и спальни. Потом его закрыли, и осталась ниша. В уборной, чтобы добраться до унитаза, надо было подняться на три высокие ступеньки. Под ступеньками шли трубы, которые нельзя было убрать под пол. Своя уборная у нас была не всегда, я еще помню, что мы ходили в соседнюю квартиру через маленькую дверь, которую потом заставили. В коридоре стоял книжный шкаф, сундук (опять) и висел черный рогатый телефон. На сундуках иногда спала бабушка, ей как-то часто было негде спать, так как у нас все время кто-то жил. Дольше всего жил Владимир Назаров — дядя Володя. Он сам был из Иркутска, его привез отец из Читы, где они служили в конце войны. Дядя Володя учился во ВГИКе, подрабатывал помощником режиссера в театре Транспорта (теперь Гоголя) — вот откуда экзотическое имя кота — Помреж. При мне дядя Володя жил года четыре, пока не женился. Мне с ним было хорошо, он в какой-то мере заменил мне отца. Дядя Володя неплохо рисо-

вал, играл на скрипке и пианино. Он вырезал из белой бумаги очень похожие профили деда, бабушки, отца, матери, себя и меня, наклеил на черные овалы, и они висели на стене в маленькой комнате до тех пор, пока не приехали родители и не задумали сделать ремонт. Как-то раз дядя Володя в день именин бабушки занес Пушкинку, потому что она везде гадила. Бабушка долго не могла его простить. Когда я учился во втором классе, бабушка задумала сделать мне елку. На рождество она напекла пирогов и пригласила одноклассников. Весь вечер дядя Володя был нашим заводилой, затейником, придумывал всякие игры и развлечения. Елку устраивали каждый год, но ни одна из них не запомнилась, кроме этой. В тот раз ко мне пришла одна девочка, бабушка ее звала Ноной. Моя бабушка и мама этой девочки были активными родителями, познакомились в школе и быстро нашли общий язык, так как были «одного круга». В школе девочку звали Наной. Она выросла и стала моей женой. Но это уже другая история.

НИНА КРОМИНА

В ГОСТЯХ У ДУРЫЛИНА

У Михаила, моего мужа, была чудесная двоюродная тетя, Татьяна Григорьевна Шаборкина, директор музея Скрябина. Влюбленность в свою работу, обожание музыки и литературы выделяли ее из круга моих знакомых. С восторгом я слушала по радио ее лекции об Александре Николаевиче Скрябине. Прекрасная речь, красивый тембр голоса, увлекали меня. Приятная внешность, мягкая обходительность, общение с ней дарило радость. Спустя несколько лет после ее смерти, одна из внучек Татьяны Григорьевны издала о ней книгу. «Воспоминания, письма».

Среди адресатов тети Тани, а именно так называли ее близкие, я нашла страницы о Сергее Николаевиче Дурылине. Это имя, запомнившееся из ранее прочитанных книг о культуре 20-го века, заинтересовало меня. Татьяна Григорьевна познакомилась с Сергеем Николаевичем в годы Великой Отечественной войны. В течение нескольких лет Дурылин читал в музее Скрябина цикл лекций, и с тех времен началась их дружба. В своих воспоминаниях она рассказала о поездках в Большево, гостеприимстве Ирины Алексеевны, жены Дурылина, о тихом тепле их дома, общности бесед. Из переписки мы узнаем, что Сергей Николаевич ежегодно поздравлял Татьяну с днем именин. Она отвечала ему теплыми словами благодарности.

Мне кажется, что, кроме этого, их объединяла духовность. Поскольку Татьяна Григорьевна была человеком религиозным, а Сергей Николаевич, несмотря на церковные гонения, оставался священником, это не могло не отразиться на их общении. Заинтересовавшись этой страницей жизни Татьяны Григорьевны, захотелось узнать подробнее о Сергеев Николаевиче.

Февраль 2022. Большево, ул. Свободы, 12.

Снега уже остекленели, придорожье, изрытое жестким настом, не оставляло выбора: места для парковки найти не удавалось. Неужели придется возвращаться в Москву не солено хлебавши? Захлебнувшись снегами, буксуют на обочине внедорожники. Куда уж нам... Михаил развернул машину. Но боковым взглядом углядел одно очищенное от сугробов место около медцентра. Мелькнула надежда, что сегодня нам повезет. Окрыленные побрели, осторожно ступая в чьи-то следы. Подмосковный островок, не застроенный многоэтажьем, обещал ностальгически-приятное: возвращение в раннее Лосиноостровское детство, где летние месяцы я проводила на даче с родителями, дедушкой и бабушкой. В то время там благоухали сады и прятались за ними одно- и двухэтажные дома.

Остановившись у невысокого забора с узкой калиткой, уткнулись в скромное объявление: посещение музея только по предварительной записи. Оробела и сникла. Михаил позвонил. Прошло некоторое время, я уже успела подергать Михаила за рукав: придется не солено. Но калитка отворилась.

Ее открыла средних лет женщина, позже я узнаю, что ее зовут Татьяна, Татьяна Юрьевна. Она миловидна и строга. «Не пустит, наверно», — думаю я.

Извиняясь, и всячески выказывая желание попасть в музей, тараторю что-то.

— Раз уж приехали, заходите.

Вошли на территорию. Плодовые деревья, укутанные снегом, у входа, в саду за домом. Расчищенная к дому тропинка, сугробы, слева хозяйствственные постройки, пустая, без собаки, будка (когда-то, по воспоминаниям Татьяны Григорьевны в ней жил «немного страшный, черный пес»). Небольшой двухэтажный дом, не чета сегодняшним дачам-особнякам, которые прячутся в Подмосковье за высоченными кирпичными заборами. В глаза бросаются светлые полукружья окон, легкий ажур веранды. Прятное сочетание коричневого и зеленого. Позже мы узнаем, что здание построено в 1936 году по проекту архитектора Алексея

Викторовича Щусева. При строительстве дома использованы некоторые фрагменты Страстного монастыря. (В моей памяти дух монастыря еще витал на Пушкинской площади, куда я совершила прогулки с дедушкой и, кажется мне, что я, то ли во сне, то ли наяву, видела кирпичные останки серо-белого цвета, сваленные недалеко от того места, где позже (в 1961 году) обрадует москвичей «взлетающей крышей» кинотеатр «Россия»).

Дом Дурылина красив. Деревянный модерн: излюбленный стиль провинции начала 20-го века. Сориентирован, как храм, с запада на восток. На стене справа — мемориальная доска, под ней ваза с кустиком вечнозеленого растения. Входим на застекленное крыльцо. На небольшой скамейке свернулась черно-белая кошка. (Некогда хозяин дома котам посвятил многие страницы. И даже одно из самых задушевных произведений назвал «Сударь кот»). На стене слева от двери в дом — фотография трех доброжелательных, улыбчивых женщин. Нас встречают три сестры — Ирина, Пелагея и Александра Комиссаровы. Ирина — жена Сергея Николаевича, его «единодыхание, ангел, ниточка, привзывающая к жизни, дуновение радости и здоровья». Она — средняя. Младшая, Александра, сохранила для нас этот дом. Получив его в наследство от Ирины, сберегла и добилась статуса музея.

Экскурсовод, Николай Иванович Рябов, высокий, энергичный мужчина, через комнату Ирины Алексеевны, проводит в кабинет Дурылина. Я, едва переступив порог, ощущаю атмосферу дома, благовение перед личностью его хозяина. Это неудивительно: предельная скромность (всегда возводимая мною в культ), за стеклами книги — множество книг, фотографии, папки с рукописями. Икона Несторова «Богоматерь с младенцем». А вот — письменный стол, настольная лампа — подарок родителей к поступлению в гимназию. (Как похожа эта лампа на ту, тоже с зеленым абажуром, моего деда со стороны отца, доставшаяся мне в память! Под ней — все мои школьные годы. Уроки, чтение. Едва заслышав шаги мамы, быстро задвигаю грудью

ящик с книгой и делаю вид, что выполняю домашнюю работу. А если карябаю в дневнике, накрываю его учебником. Потом, когда мама уйдет, спрячу под одежду в старинном, темного дерева комоде, который стоит у нас между двумя окнами). В дополнение к столу и лампе маленькому Сереже сюрприз — томик Лермонтова, как завещание. Творчеству Лермонтова Сергей Николаевич посвятит много времени и труда (Хочется поскорее прочитать эти работы, но всему свой час!).

На стене, над диваном, портрет Дурылина. Это копия работы Нестерова, выполненная Федором Булгаковым, сыном Сергея Булгакова.

В тот день первого знакомства с жизнью Сергея Николаевича Дурылина я буду многому удивляться: тому, как много было человеку дано: педагог, исследователь Севера, священник, писатель, театральный деятель, философ. Трудному жизненному пути: ссылки, скитальчество, поиск себя. Знакомству Сергея Николаевича и дружбе («нить любви») с огромным кругом людей, в которых отразился двадцатый век русской культуры: от Льва Толстого, Андрея Белого, Розанова до Волошина, Нестерова, Фалька, Екатерины Гениевой, помнящей дом Дурылина с детства (ей запомнился «дивный сад и коты», которые были настоящими членами семьи и любимцами Сергея Николаевича, гостеприимное чаепитие... и... настоящая тайна. При входе в дом налево была самодельная ванная комната..., которая преображалась... и (начиналась) тайная служба, таинство причастия. (Е. Гениева «Я никому не писал так, как Вам...» Опубликовано в журнале «Вестник Европы» 2009, №26). Сергей Николаевич родился и вырос в религиозной семье, с детства приученный к церковной жизни, он с радостью ходил в храм, с благоговением относился к обрядам и традициям. Но в годы юности произошел перелом. Смутили веяния времени. Мама, Анастасия Васильевна, с тиктом и уважением относилась к его исканиям, но непрестанно молилась о том, чтоб вернуть сына к вере. И сила материнской молитвы помогла. Вспоминаются рассказы о силе молитвы. Одна из них — из жизни моего отца. Во время Великой Отечественной

войны его мама, моя бабушка, непрерывно молилась за него, не раз она являлась ему коленопреклоненной у иконы, и он остался не только жив, но и ранение было всего одно, легкое. А уж что только не пришлось пережить на фронте!

Молитвенная помощь пришла и к маме Сергея Николаевича. Икона «Семь отроков эфесских» принесла ей чудотворное исцеление.

(Стоя у этой иконы, с темными, почти неразличимыми лицами, подумала, что многие неприятности в жизни я могла бы переносить гораздо проще, если бы вера моя была сильнее, и молитва жарче. Может быть, и жить бы было радостнее).

Войдя в дом-храм Сергея Николаевича Дурылина, я ощутила радость обретения и возвращения.

Будто когда-то давно ушла, а теперь вернулась! Вот лампадка под чудотворной иконой, (когда-то в детстве и у нас в комнате в углу рядом с форточкой, через которую кормили воробьев и слышался разнобой их перекличек, под бабушкиной венчальной иконой теплилась в ночи лампадка). Я узнаю забытые за жизнь предметы из утраченной старомосковской и пригородной жизни. За каждым — своя история, своя память).

Праздником стал для меня этот зимний день, и захотелось поделиться им с друзьями по литературной лаборатории «Красная строка». Выждав, когда солнце растопит зиму и высохнут лужи, нагрянули. Татьяна Юрьевна (смотритель музея) даже оторопела, увидев толпу у входа. Однако уместились не только во время экскурсии в комнатах, но и позже на удлиненной веранде. Окна и застекленная дверь в зазеленевший майский сад пестрели солнечными лучами, а на столе нас ждал чай со сладостями, припасенными Татьяной. Эта радость общения, обретения друг друга и незнакомого для многих важного литературного имени объединили нас. Елена Яблонская порадовала своей новой книжкой, которую только что получила из печати. Прочитала из нее несколько миниатюр. Галина Талалаева от имени собравшихся написала теплые слова в Книге посетителей музея.

Правда, чай пили без молока, Милушку (имя коровы Дурылиных) музей не завел (а как-то во время войны, пишет в своих воспоминаниях Татьяна Григорьевна, Ирина Алексеевна привезла ей в подарок бутылочку молока). Теперь же на продолговатой постройке, где когда-то Милушка ожидала хозяюшку, табличка «архив». Думается, что пройдут годы и откроются новые страницы жизни и творчества Сергея Николаевича Дурылина, его книги и книги о нем будут издаваться более крупными тиражами и желающие смогут пополнить ими свои библиотеки. В настоящее время его книги — библиографическая редкость, те небольшие тиражи, которые издавались, распроданы. Утешают электронные книги, которые удалось приобрести и скачать.

Среди них:

- В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва. — М., Никея, 2017
- Автобиографическая книга о детстве и юности.
- Сударь-кот (Семейная повесть).
- Нестеров. — М., Молодая гвардия, — 1976.
- Колокола. (Последняя авторская редакция 1951г.) и др.

АЛЕНА КУБАРЕВА

«КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ»

Из воспоминаний Галины Матвеевны Д.

Вскоре после объявления войны мой брат Женя должен был эвакуироваться в Казань с авиационным заводом, на котором он в том время работал. Собраться надо было очень быстро и быстро же обдумать все вопросы. Сначала решили, что я также поеду с Женей и его женой. Поэтому все мои вещи собрали и отправили в багаже... Но в самый последний момент я осталась в Москве.

Начались бомбежки. На нашей улице стояли двухэтажные деревянные дома, и надежного убежища близко не было. Поэтому нам приходилось бегать от Конюшковской улицы в метро на Смоленскую площадь. А потом мы стали бегать в убежище, которое сделали в булочной Девятинского переулка. Это был также двухэтажный дом, но кирпичный, а в подвале его устроили убежище.

После объявления воздушной тревоги мы бежали, если можно так выразиться, а на самом деле — шли, так как я всегда шла с бабушкой, а ей в то время было около восьмидесяти лет... И вот идем, спешим, как можем, а кругом уже сыплются осколки. Вспоминать даже страшно. Но наша судьба — лучше, чем у многих других людей, так как мы остались целы. А сколько людей погибло, которые были рядом с нами?..

Однажды мы бежали в Смоленское метро, и по дороге в переулке был восьмиэтажный дом, в котором также было убежище. Мы решили не идти в него, хотя оно было ближе, а все-таки добираться до метро. И именно в этот дом, как мы

узнали назавтра, попала бомба! Все люди, которые там были, погибли...

А один раз мы решили остаться дома во время тревоги. Бабушка была у себя в комнате, а я с Мамой – в другой. Мы легли на одну кровать. Вот слышим: летит немецкий самолет. У них был своеобразный – противный, какой-то прерывавшийся – звук. И вот слышим: ближе, ближе. Я смотрю на Маму, а у нее зрачки глаз – все шире, шире... И вдруг – бабах!!! Все кругом посыпалось! Дверцы буфета открылись, зазвенели разбитые стекла, все задрожало, стены затряслись, как от землетрясения! Потом оказалось – было прямое попадание в восьмиэтажный дом у Зоопарка, а это – очень близко от нас!..

Маму мобилизовали на Краснопресненский машиностроительный завод, в то время выполнявший военные заказы. Работала Мама сначала в литейном цехе. И только у нее была рабочая карточка. У бабушки – иждивенческая, и у меня – тоже. Но в феврале 1942-го я тоже пошла на военный завод №840 токарем, где и проработала до 1943-го.

Работала я на заводе по двенадцать часов. Неделю – днем, неделю – ночью. Как и всем остальным людям, нам было очень трудно с питанием. Мама от тяжелой работы заболела. У нее было плохо с сердцем. А кроме того – дистрофия. Это – полное истощение организма. Она лежала в больнице на улице Герцена. Когда я навещала Маму, то не знала, как скрыть мое ужасное состояние – из-за ее вида, от того, насколько она была худа. На лице – одни глаза, туловище – кожа да кости. Трудно было себе представить, что такое состояние может со временем пройти.

Принести поесть ей было совсем нечего. Помню, в обед на заводе я завертывала в кулечек какую-нибудь пшенную кашу и несла маме в больницу...

На завод я пришла совсем маленькой, худенькой девочкой – хоть уже исполнилось мне двадцать лет. Специальной одежды у меня не было, и работала я в синеньком школьном халате. На ногах были хорошенъкие молочные туфельки. И были

у меня две прекрасные косы, как вот на фото! Редко кто не обрачивался в мою сторону, проходя мимо...

...Работали, как я уже сказала, по двенадцать часов. И очень трудно было в ночное время. Однажды я чуть-чуть забылась, и коса моя попала в станок. Хорошо хоть, я не растерялась — сразу отключила мотор. Иначе с меня бы снялся скальп... После этого случая я стала завязывать косы назад и надевать косынку.

Работать было тяжело: большие нормы. Хотелось спать, хотелось есть, мучили тревоги. Иногда после работы шла домой и думала: «Неужели так будет всю жизнь? Неужели не сбудутся мечты об учебе, и я вот так и буду стоять у станка?..»

Но и для меня началась новая жизнь, с 1943-го, с года моего поступления в институт. Была еще война. Я не хотела поступать в технический институт, а мечтала о ВГИКе. Не получилось... Затем подавала документы в педагогический институт, на географический факультет, считая, что это будет связано с путешествиями. Но когда я встретила учительницу того класса, в котором была пионервожатой в Елатьме, перед самой войной, она меня отговорила. И рассказала, что сама стала учителем из-за несчастного случая. Раньше она была артисткой. У нее был хороший голос. Но она потеряла сына. Он утонул. И она от горя потеряла так же и голос. Вот и пришлось ей менять профессию. Мне же она говорила: «Иди куда угодно, только не в школу!» И я, вернувшись из эвакуационного лагеря, забрала свои документы из педагогического вуза. С большим трудом — мне не хотели возвращать. И после этого пошла работать на завод...

После двух лет работы на заводе подала заявление в МИСИ. Но только для того, чтобы не терять время учебы. А потом хотела перейти в какой-нибудь гуманитарный институт.

Первый семестр занималась плохо. Думала, не сдам экзамены — ну и хорошо, уйду сразу и не буду жалеть. Но экзамены за первый семестр я сдала и осталась на второй. Сдала за второй и не стала уже никуда переходить, так как жаль было терять год.

Так и осталась в строительном институте. Да еще – на факультете промышленного гражданского строительства, на конструкторском отделении!

Потом учебой я увлеклась; я вообще – увлекающаяся натура! Мне очень нравилась архитектура, хорошо давалось черчение. Графика была у меня хорошая. На первом курсе у нас был рисунок. Да и при поступлении в институт у нас был экзамен по рисунку, и я сдала его хорошо. Мне очень нравилось, что первый год мы учились в здании архитектурного института и дополнительно ходили на рисунок. Рисовали с натуры.

Есть было нечего, в аудиториях – дикий холод. Чернила замерзали в чернильницах. Сидели мы все одетые, в зимних пальто и шапках. В завтрак мы получали кусочек хлеба и холодный сироп на сахарине. Но учились, не унывали! Как все студенты, удирали с лекций в кино. Собирались на вечеринки, мечтали об окончании войны. О том, как мы тогда сможем свободно и весело проводить время, как будем уплетать, что захочется. И сможем съесть, например, сразу по целому свежему батону белого хлеба!.. Вот это – красивая жизни!..

ЛАРИСА МЕЗЕНЦЕВА

НОСКИ

«Как же мне все надоело! – думала Вера, – выходной летний день, а мы сидим дома. Хоть бы раз Димка сводил в театр что ли. И везде бардак разводит: свою комнату захламил, какие-то детали лежат, мелочовка. Мне даже пыль протереть сложно, а трогать не разрешает, так как потом ничего не может найти. И носки, что же это за наваждение – везде валяются его носки. Надо что-то менять. Жизнь проходит неинтересно, однообразно».

– Ну что? Сегодня опять дома будем сидеть?

– Верушка, но мне хочется отоспаться, отдохнуть. Ты же знаешь, что я не любитель куда-то выбираться.

– Да знаю.

Не так давно у нашей героини появился поклонник – Миша. Познакомились в кафе на дне рождения подруги. Пригласил потанцевать и весть вечер ухаживал так внимательно и заботливо. Разговорились. Оказалось, что он в разводе, а проживает в большом загородном доме с райским яблочным садом. Стали переписываться, созваниваться, иногда встречались в кафе, гуляли в парке. Ей приятно было сознавать, что она нравится другому мужчине, но никаких серьезных отношений не планировала. Он каждый раз приглашал ее к себе: «Ну приезжай, не так уж далеко я живу, всего час пути. Надышишься кислородом. Цветы, птицы, река рядом протекает. Красота! Что толку, от вашей пыльной Москвы». «И правда, что я сижу?» – подумала она в этот день. Нелегко далось ей это решение, но все-таки набрала номер:

– Миша, как смотришь, если я к тебе сегодня приеду?

— Положительно смотрю. Приезжай, буду ждать.

Он скинул ей свой адрес. Вера собрала небольшой рюкзак, сунула коробку конфет. Мужу сказала, что поедет к подруге на дачу на эти выходные. Дима не стал возражать.

И вот вокзал, загородная электричка, маршрутка. А за окном поет лето, пышно цветут растения, солнце бежит вдогонку. Сердце подпрыгивает от волнения и кричит: «Вера, Верочка, ты что делаешь? Красивой жизни захотела? Немедленно возвращайся домой!»

Но Вера его не слушала, а спешила навстречу приключениям. И правда, времени на дорогу примерно час. Она пошла по заданной улице искать нужный дом. Слева и справа стояли шикарные особняки с башенками, затейливыми окнами, вычурными балконами — что только не придумали хозяева. Она с интересом все разглядывала. И вот, за поворотом должен быть его дом. Какой он? Наверное, сказочный замок принца? В ее воображении рисовались дома, один красивее другого. Но что же увидела наша принцесса: вместо шикарного коттеджа — старенький деревянный домик. Казалось, что за ним не ухаживали больше века: полусгнившие бревна, облезлая краска. «Вот тебе и сказочный замок!» Вера приоткрыла покосившуюся калитку, которая застряла в луже, и прыжком пробралась внутрь двора. Везде росли сорняки, кое-где цвела картошка и виднелась небольшая тепличка. Яблони тоже были, но древние, покрытые лишайником, но на них все-таки висели яблоки. «Ну, здесь вроде бы не совсем обманул». «Миша, где ты?» — стала кричать Вера. Приоткрылась дверь дома и вышел хозяин в старых вытянутых на коленках трениках, мятой футболке, а на голове гнездо из непричесанных волос. Она его сразу даже не узнала.

— Ну, наконец-то доехала до меня. А я думал, что никогда не решишься.

Он обнял ее и поцеловал в губы. Как так долго и... В общем, ей не понравилось. До этого они не целовались. И почувствовала: «Неужели это запах перегара?»

— Проходи, гостем будешь. Вот моя холостяцкая берлога.

Вера вошла в дом. Кругом беспорядок. Какие-то корзинки, ящики. Все покрыто слоем пыли. Видимо уборка была очень давно. На столе в большой комнате стояли пустые бутылки и остатки закуски.

— Вчера друзья ко мне приходили. Засиделись, выпили.

— Да я уж вижу.

— Сейчас добегу до магазина, куплю продуктов, а то и угостить тебя нечем.

Миша взял пакет и ушел в магазин. Вера нашла тряпку, швабру и принялась за уборку. «Надо же помочь одинокому мужчине», — думала она. Войдя в спальню, она увидела неприбранную кровать и, о ужас, везде валялись носки, использованные носки. «От одних носков ушла, к другим носкам пришла», — промелькнула мысль. Когда Миша вернулся, комната приобрела человеческий вид.

— Как здорово, когда женская рука касается дома, — романтично произнес он, — наверно и готовишь ты прекрасно, не со мнеюсь!

Вера тяжело вздохнула и принялась за принесенную курицу, картошку, салатик. Миша пытался помочь, но, скорее, мешал ей. Через какое-то время дымился вкусный ужин. Но она уже настолько устала от такого гостеприимства, что романтического продолжения вечера уже не хотелось. — Может быть, ты и с огородом мне поможешь? — вполне серьезно поинтересовался ухажер.

— Может быть, когда-нибудь, но не сегодня, — резко ответила гостья. Миша достал бутылку дешевого вина и бутылку водки. «Боже мой, выдержит ли мой желудок такое? У меня же гастрит», — подумала Вера.

— Вино для дамы, а мне покрепче, — с улыбкой произнес он и стал наливать. Стал наливать, выпивать, наливать, выпивать и вскоре Вера увидела, что он уже «хорошеный». Что же дальше?

— У нас-с-с-с тобой сегодня будет все феерично, во-о-от увидишь! — и схватил ее за коленку.

- Не надо!
- Как это не надо?
- Вот так, не надо!
- Ты что, не понимала, зачем ты сюда едешь?
- Видимо, не понимала.
- Прикидываешься порядочной. «Я не такая, я жду трамвай!»

И попытался ее поцеловать. Вера вскочила, выбежала в соседнюю комнату и закрылась на ключ.

– Ах ты с... – закричал Миша и стал колотить в дверь. – Открой сейчас же!

– Не открою!

Еще какое-то время за дверью раздавалась нецензурная брань. Затем все стихло, и Вера услышала громкий прерывистый храл.

«Заснул, слава богу». Она посмотрела на часы: «Еще успеваю на последнюю электричку». Тихонько выбралась из дома и вот: маршрутка, электричка и милая Москва. Вот ее квартира, родной муж и... «Да пусть валяются, в конце концов, эти носки».

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

КАПУСТНИЦА

В понедельник хозяин привез художника. К среде на пустой стене бара появились горы, лес, озеро. В пятницу из озера высунул морду крокодил, в прозрачной воде засверкала рыбья чешуя, на ветвях расселись птицы фантастических расцветок и форм. В воскресенье утром хозяин поковырял пальцем нарисованного козла со смутно знакомым лицом и растолкал измученного художника, спящего на полу посреди смятых банок от энергетика.

— Долг оплачен, — буркнул хозяин, и создатель полотна, шатаясь от усталости, побрел отдыхать, а наш бар открылся.

Картина была полностью готова: кроме козла появились лев с львицей, ягненок, совсем не страшный медведь. Рассмотреть в подробностях всех нарисованных зверей я не успел — хозяин взял меня за плечо и вывел наружу. За стеной, на выжженой траве, на надувном матрасе спал кто-то, плотно завернутый в шерстяное одеяло. Хозяин ткнул в него пальцем и сказал:

— Это Арсений, мой друг. Денег с него не брать. Все, что съест или выпьет, пиши на отдельный счет и сдавай мне... И не вздумай что-то приписать, полиняешь в разы сильнее, понял?

Ближе к обеду, когда солнце добралось до матраса, из-под одеяла выбрался Арсений — голубовато-бледный, как лягушачье брюхо, оплыvший, с вислым животиком. Не открывая глаз, он взгромоздился на барный стул.

— Пиво и печеньку, — начал он фразой из барного анекдота.

— Печеньку не ешьте, я лучше орешков насыплю, — в том же духе ответил я.

Потом загуляла официантка и наш шофер Феликс привез новую. Я посмотрел на нее, посмотрел на водителя и спросил:

— Сдурел?

— Принимай пополнение! — уверенно ответил он.

Перед барной стойкой стоял ребенок: нежное создание мне по плечо, на хрупком стебельке — удивительный цветок: детская мордашка, щечки-ямочки, огромные сияющие глаза с пушистыми ресницами, и вокруг всего этого ангельского великолепия — ослепительный шар кудрявых золотистых волос.

— Опыт работы хоть есть? — спросил я.

Она перевела на меня восторженный взгляд и ответила:

— Нет, но я быстро научусь! Честно-честно!

Фанерно-крашеную роскошь нашего пляжного бара она разглядывала, как сказочный дворец. Я с тоской взирался на Феликса:

— Ну куда это дите к нашим пьяным волкам выпускать?

— Намана-намана, — ответил тот. — других все равно нет.

Феликс уехал, я вручил ей швабру, она взяла и отправилась драить палубу. Без разговоров, с улыбкой, пританцовывая и подпевая чему-то, будто не грязная это работа, а игра в магазин или дочки-матери. Я позвал ее раз, позвал другой — не реагирует. Подошел сзади, слышу — напевает:

«Бабочки в моей голове...» — наушников под золотистым ореолом кудряшек не видно. Я тронул ее плечо, она резко обернулась, вытаращив глазищи, вытянула затычки из ушей.

— Слышишь, «Бабочка», — говорю грубо и сразу, глядя в ее испуганные глаза, об этом жалею, — когда бармен зовет, отзываться надо!

За соседним столиком похмельная официантка отпаивалась минералкой с лимоном, из кухни выглядывал повар — так к новенькой «Бабочка» и приkleилась. Иначе ее больше никто не называл.

Вопреки опасениям, первая ночь прошла без напрягов. Ба-

бочка порхала по столикам, легко проскальзывала сквозь пьяную, разгоряченную толпу, топчущую танцпол. Она не улыбалась, нет — она сияла.

— Господи, — думал я, — из какой же оранжереи тебя, чудо, выпустили?

Тут заиграл знакомый мотив — диджей поставил какую-то ускоренную версию той песни, что напевала утром Бабочка. Она взвизгнула:

— Бабочки! Обожаю!

С грацией девочки, исполняющей балетные па перед маминым трюмо, она выдала несколько пируэтов в обнимку с подносом, и все вокруг засмеялись, захлопали. Бабочка присела в глубоком реверансе и убежала на кухню.

— Какая ж ты бабочка? — подумал я. — Гусеничка ты в крапочку.

У этой сцены был еще один зритель — Арсений. Он рассказывал какую-то пятьсот пятнадцатую байку про пьяных селеб в своем ресторане, я привычно-рассеянно протирал бокалы. Вдруг гладкая река его воспоминаний начала скакать по порогам, обмелела, а потом и вовсе иссохла. Я оторвался от протирки, смотрю — Арсений молчит, глаза опустив в бокал, и только крутит его по картонной «печеньке», а рядом со мной — запыхавшаяся улыбающаяся Бабочка.

Арсения не узнати: бросит незаметный взгляд на нее, и сразу прячет его в недопитое пиво. Бабочка, ничего не заметив, схватила тряпку и побежала, пританцовывая, столы протирать. Только ушла, Арсений посмотрел на меня так, будто у него кто-то умер, сполз со стула и ушел. Кажется, впервые в жизни я увидел тот момент, когда человек внезапно и необратимо влюбился.

Под утро зал был почти пуст — сонно топтаясь вялая пара на танцполе, остальные: кого увезло такси, кого увели темные заросли окрестных кустов. Краем глаза я заметил какую-то несущность. В арке под нарисованными густо-зелеными ветвями стоял Арсений. Он держался в тени, я видел только его бледное лицо с напряженно сжатыми губами. Я вопросительно качнул го-

ловой, но он смотрел не на меня. В зале, тихонько напевая под нос, протирала столик Бабочка. Почувствовав мой взгляд, Арсений вздрогнул и отступил в тень.

С тех пор Арсений из бара больше не уезжал. Не знаю, как на другой смене, а на нашей он целый день бродил по залу, а по ночам спал на надувном матрасе за стенкой. Он рассказывал свои истории, но сбивался и замолкал, только появлялась Бабочка. Взглядом, полным боли и тоски, он следил за ней, густо краснел, ловя мой взгляд, и сразу заказывал выпивку. Пил недорогой виски, опрокидывая в раскрытый рот и занюхивая за пястьем, все больше и больше пьянел, но каждый раз, когда я думал, что вот, сейчас Арсений наберется смелости и подойдет к Бабочке, он сползл со стула и, шатаясь, уходил к морю.

Так смена шла за сменой. Старшая официантка научила Бабочку своим нехитрым премудростям. Теперь, получив наличные со сдачей, она тоже поправляла салфетки, переставляла кувшинчик с цветочками – делала что угодно, лишь бы клиент сказал: «спасибо», на что улыбалась и отвечала: «Это вам спасибо!», ведь «спасибо» клиента – это «сдачи не надо». Улыбаться Бабочка умела. От ее улыбки невозможно было не улыбнуться самому, и, конечно, почти всегда сдача оставалась у нее.

Один раз, когда Арсений остужал голову в море, а все столы были помыты, заготовки сделаны, салфетки расставлены, Бабочка сидела на пустой кеге и сосредоточенно чиркала что-то в блокноте.

– Что рисуешь? – спросил я.

Она протянула блокнот:

– Смотри.

Конечно же там были бабочки.

– А где живот? – спросил я.

Она растерянно на меня посмотрела, растерянность сменилась пониманием, и по центру листа появился закрашенный кружок.

– Что это? – теперь не понял я.

– Пупок.

Всю смену я ходил и улыбался, а около часа ночи случилось то, чего я так долго опасался. Бывают такие наэлектризованные дни, когда люди, пьянея, не веселеют, а наливаются дурной злобой. Воздух в баре искрил и пах скорой дракой. Танцпол был пуст, по кухне заказов почти не было, из бара в зал шел крепкий алкоголь. Моя опытная официантка ходила с каменным лицом и особенно старательно никого не касалась, одной Бабочке все было ни по чем — то там, тот тут среди сгорбленных спин светилась в ультрафиолете ее футболька.

Я достал из морозилки еще две заиндевевших бутылки водки и сунул на их место теплую, а когда закрыл дверь, за ней стояла Бабочка. Ее была крупная дрожь, ручки сжались в кулачки, глаза полны слез. Странным движением, как сломанная механическая кукла, она дергала подбородком в сторону зала и повторяла:

— Он... Он...

— Что «он»?! — спросил я как можно строже. На стойке лежал целый веер невыполненных заказов и истерики официантки мне была совсем не в кассу.

— Он...

Я сунул ей стакан с водой:

— Выпей, выдохни и скажи, что случилось.

Дробно стучали зубами, она выпила и выпалила:

— Он меня облапал! Усадил на колени и облапал! Он... рукой... залез ко мне... в трусики!

— Кто он?

— Мужик, пьяный, с «два-три».

Третий стол во втором ряду. У стойки ждала свой заказ вторая официантка.

— Знаешь, кто на «два-три»? — спросил я.

— Знаю. Мясной павильон держит на рынке, редкий мудак, и дружки такие же.

— Возьмешь?

— Щас. Ее стол, пусть учится.

Я посмотрел на Бабочку, и она замотала головой:

— Нет-нет-нет, я и близко не подойду, я лучше прям сейчас уволюсь.

Выхода у меня не было. На охране хозяин экономил, а я — не боец ММА. Хилый диджей, две официантки, да повар, который в кухню боком входил — вот и вся моя армия. Я выудил счет столика «два-три», сумма на нем стояла приличная — я за две смены столько не заработкаю — и пошел.

*

Есть такая порода богатырей, свининой откормленных, водкой проспиртованных — кулаки с пивной кружкой, ряха отпеско-струена, на коленях — десятиведерное тугое пузо. Вроде, и сала там на среднюю хрюшку хватит, а силы в ручищах немеряно. На меня и одного б хватило, а за «два-три» сидело четверо. Я встал перед ними, в черной жилетке, да в бабочке, уместный, как императорский пингвин в клетке с медведями. Один, что с краю, поднял тяжело голову: в счете два литра бурбона, семь кружек пива.

— Слыши, халдей, — говорит, — мелкую позови, мы не дого-ворили.

Я, едва не сорвавшись на козлeton, ответил:

— Она не будет обслуживать ваш стол.

— Ты, наверно, не понял. Мелкую сюда зови.

Я положил на стол счет.

— Оплатите, пожалуйста, и я прошу вас покинуть наше заве-дение.

Он с преувеличенным вниманием взялся в бланк. Друзья зашевелились в предвкушении потехи.

— Не, слышали? — обвел он взглядом друзей, и те поспеши-заржали. — Я сейчас тебе ноги сломаю.

Я обреченно оглянулся. Из проема кухни высунула испуган-ную мордочку вторая официантка, диджейский пульт по-прежне-му брошен, Арсений, пьяный в дымину, спит где-то там на своем матрасе, на его счету сегодня стало на ноль-семь вискаря больше.

Мне ужасно хочется сохранить и лицо, и морду — она у меня вполне востребованная, но понимаю, что чем-то одним придется

ся пожертвовать. Скорей всего, вместе с ногами. Как пленный солдат на допросе повторяет личный номер, я твержу: «Оплатите, пожалуйста, счет и покиньте заведение», прекрасно понимая, что платить никто не будет, а из заведения вынесут меня.

Обидчик Бабочки поднялся, навис надо мной, от него несет бухлом и кровью — запах сырого мяса въедается в кожу, его не вывести. Кругом толпа, но за бармена никто вписываться не будет: бармены — гады, они обсчитывают и не доливают, на клиентах наживаются, официанток тискать не дают.

— Пока по-хорошему: мелкую сюда гони быстро.

— Она не проститутка.

— Она официантка. Если такая нежная, пусть в библиотеке работает. Давай, халдей! Еще есть шанс на своих ногах уйти.

Я снова завел:

— Оплатите, пожалуйста счет, — повторяю эту фразу, как мантру, за нее кое-как и держусь. Вдруг чья-то рука сдвинула меня в сторону, а на моем месте оказался какой-то пузатый коротышка.

— Ща разрулим, — крикнул мне кто-то в ухо, — ща кум ему разъяснит про места, где тот не был.

Случилось чудо: Бабочкин обидчик сник, осел на стул, и теперь коротышка-кум нависает над ним, а здоровяки-друзья разглядывают потолок.

— Он замначальника ОВД, этого урода как облупленного знает, закрыть может на раз, а тот на зоне не был еще, глянь как моросит.

И правда, вижу: клиент лезет за бумажником, старательно отсчитывает деньги, слюнявя пальцы. Дергает дружков — купюру разменять. Чей-то кум ждет.

— А ты молодец, хорошо держишься! Иди ко мне работать, под тебя место освобожу.

Я обернулся и увидел мужчину, который часто мелькал в соседнем баре, но ответить ничего не смог — потянуло под ребра-ми, кислота зашипала горло. Опасность чудом миновала, и теперь накрывает откатом.

Мясник еще раз не спеша пересчитал деньги и сунул в бокал, прямо в пиво утопил. Проходя мимо, толкнул меня в плечо, и я услышал его тихое: «Сочтемся...»

Старшую официантку я нашел на кухне, чокающейся с поваром.

— Вы охренели?! — от возмущения у меня отпустило сжатое горло. — Там очередь перед стойкой уже!

Официантка умчалась в зал. Повар с каменным лицом поставил на весы пакет с яйцами и, покачиваясь, уставился на меняющиеся цифры — говорить с ним без толку. Я завернулся в «шхеру», где отсыпаются после смены официантки. Бабочка сидела там, закрыв глаза и подпевая чему-то в своих наушниках. Я потряс ее за плечо, она взмахнула ресничками с удивлением, видно от того, что я еще жив.

— Иди работай. Они ушли.

Как ни в чем не бывало, подхватила поднос и поскакала в зал. Недолговечно детское горе. Пока стоял, приходя в себя, заглянула вторая официантка:

— Выйди, тебя Костян зовет.

— Кто? — не понял я.

— Ну Костян! Хозяин «У охотника».

Я вышел в бар. Там стоял мой спаситель с деньгами. Я замотал головой, но он перегнулся через стойку и сунул их под клавиатуру.

— Подумай над моим предложением! — крикнул он и ушел вместе со своим кумом.

Словно рассеялось напряжение, висевшее в воздухе — толпа беснуется, диджей уже на месте, машет руками, Бабочка порхает по залу, танцуя на ходу, повар хранил на кухне — будто и не было ничего. Только я вспоминаю тихое и тяжелое, как камень, «сочтемся» и с тоской думаю, что не ту работу себе выбрал. Вышел из ступора и наткнулся на любопытный взгляд официантки.

— Что он тебе предложил?

— Работу.

— Тю, и ты думаешь? Иди, он нормальный.

Утром приехал хозяин, еще более угрюмый, чем обычно. Позвал за стол, долго сидел, уставившись на меня и не мигая, чтобы я полностью проникся моментом, потом пододвинул ко мне стопку счетов:

- Где счет Лупатого?
- Кого? – не понял я.
- Мясника, с которым у тебя конфликт был.

Я выудил одну из бумажек и протянул ему, он глянул, с показной усталостью потер глаза.

- По твоей вине мы потеряли постоянного клиента.
- Он приставал к официантке!
- Я этого не вижу, зато вижу счет. Хороший такой счет!
- Он чуть не изнасиловал нашу официантку!
- Расскажи-ка поподробнее. Он прям тут начал ее насиловать? Разложил на столике...
- Он ее облапал. Что я должен быть делать? Позволить ему распускать руки?

Он посмотрел на меня – так смотрит варан, когда ползет за своей слабеющей укушенной жертвой.

– Ты не смог разрулить непонятку, не обижая уважаемых людей. Сумму этого счета в пятикратном размере я вычту из твоего дохода. Иди сдавай смену.

- Я только отошел, и в баре появился мой ночной спаситель.
- Накосячил? – качнул головой Костя в мою сторону.
 - А то ты не знаешь, – неприязненно ответил мой хозяин.
 - Знаю. Хочу у тебя его забрать.
 - Не пойдет. Он мне денег должен.
 - Много?

Хозяин назвал сумму. Костя свистнул, и хозяин недовольно пробурчал:

«У себя в рыгаловке свистеть будешь».

Хозяин небрежно махнул рукой, подавая знак, что аудиенция кончена, и Костя ушел, поджав виновато губы, а из шхеры выпорхнула улыбающаяся Бабочка в ярко-желтом купальнике, с полотенцем на шее, и улетела на пляж.

Смену за сменой я расплачивался за свое мушкетерство. Денег оставалось едва на проезд и дешевый перекус. Официантки с поваром дербанили по утрам чаевые, а я высчитывал, сколько денег мне еще осталось до свободы — работать тут дальше я не собирался. Не возьмет Костян, и ладно, как-то выживу, хоть зимой баров и в разы меньше, чем барменов.

К «бархатному сезону» поток туристов стал пожиже, а публика посолидней. У диджея пошел период «Дискотеки девяностых» и шансона, и совсем не французского, а Бабочка сделала неприятное открытие: ее улыбка действует не на всех.

— Это что еще за фокусы?! — уже по тому, как поспешил и незаметно Бабочка проскользнула в кухню, я понял, что передо мной ее жертва.

Разъяренная дама тряслась у меня перед носом счетом, который я выписал пару минут назад — колышется пересушенная кожа на руках, плещутся морщинистые коричневые медузы в чашиах купальника. Всегда было любопытно: в скольких метрах от кромки воды у людей включается стеснение. Что в счете я додгадываюсь — за стенкой кухни тишина, какой не бывает в пустых помещениях. Когда так тихо в детской, страшно открывать дверь.

— Позвольте, я посмотрю.

Я расправил на столе смятый бланк. Единичка исправлена на четверку, тройка на восьмерку, еще одна единичка стала кривоватой семеркой, и все не слишком умело. Итоговое число переправить не удалось, и оно тупо оторвано и в оставшуюся узенькую полоску вписано новое. В такой ситуации что ни сделай — все плохо, а я так и не научился искусству нагло смотреть в глаза и не краснеть. У дамы раздуваются ноздри, как акула чует слабый запах крови подраненной жертвы, так она слышит кислый запашок моей вины — пусть не за себя, но без разницы.

— Разожрались на наших харчах, стыд потеряли! — радостно нарашивая обороты, завелась она. — Мы с супругом кормить дармоедов не намерены!

Супруг за «один-два» понуро смотрит в стол — крашеные виски, тело с безнадежными попытками сохранить форму под натиском домашних котлет. Бабочка-дурочка думала продать одну улыбку по цене часа эскорта, и кому? Стареющему каблуку с женой, опытной скандалисткой! Клиентка сразу разъяснила мой внутренний вопрос:

— На две минуты отошла — и на тебе!

Сумма их счета ушла в минус вместе с теплой бутылкой дорогого шампанского, которое пришлось оттирать под стойкой тряпкой. Простояла б она на полке еще несколько сезонов, никому не нужная, не накосячь моя дорогая официантка. Выпроводив обсчитанных, захожу на кухню. По тому, как таращит выцветшие глаза повар, прикидываю, что под лежаком уже лежит пустой пузырь. Бабочка сидит со стаканом и невинно хлопает ресницами. Кладу перед ней счет и жду.

— Ну не получилось, — говорит она и с хлюпаньем втягивает сок. — Зафакапила, бывает.

Я смотрю ей в глаза — они темные и холодные. Мне хочется увидеть там хоть какой-то проблеск вины, чтобы пробить, заставить прочувствовать, но нет: стальная броня, и броня не ребенка, еще не знающего, что хорошо, что плохо.

— Сумму в счете видишь? — тыкаю пальцем в корявые цифры. — Они не заплатили, плюс пузырь «Моета» за десять косарей. Эти бабки ты мне должна.

— С чего это? — возмущается она.

— С того, что я твои косяки покрывать не буду!

— Там счет не на эту сумму был!

— Не знаю. Не помню. В счете эта сумма стоит.

— У тебя есть копия!

Я беру ее за руку и выволакиваю наружу. От пляжа бредет унылый Арсений, но ловит мой тяжелый взгляд и разворачивается обратно.

— Что с тобой происходит?

Бабочка смотрит на меня с детской злостью, но слова взрослые, хабалистые:

— Все б нормально было, он в счет не смотрел, на сиськи плялся. Отлистал бы не глядя, если б не приперлась его кастрюлька.

— Кто?!

Словечко довольно знакомое. Вторая моя официантка, которая во что только не вляпывалась и откуда только не выползала, зовет так жен клиентов. Ну а кто еще малую дурочку жизни научит? Вот и она, только вспомни — уже высунула из норки любопытную мордочку — за ученицу переживает.

— Что в зале — нет никого? — спрашиваю ее.

— Не-а, — говорит.

— Ну иди тогда салфетки разложи.

Исчезла, но больно тихо за стенкой — стоит уши греет.

— Морали мне читать будешь?

Никогда такой Бабочку не видел: губы сжаты в тонкую линию, глаза сощурены, набычилась. Молодая девчонка совсем — сколько ей? семнадцать? — а уже вижу хамоватую тетку, которая из нее лезет. Отвечаю:

— Нафиг надо.

— Типа ты не обсчитываешь?

— Обсчитываю, бывает. Знаешь, когда чел часами льет мне в уши про свою конченную жизнь, я могу приписать ему пару бокалов, с него не убудет. Психологи за такие сеансы берут дороже. А то, что сделала ты — тупо нереально.

Бабочка больше не жжет меня глазами, она смотрит на бредущих мимо туристов — бледных сегодняшних, вчерашних, как перезревшая хурма в расползающейся кожице, двухнедельных, цвета старой шоколадной плитки, буро-фиолетовой с проседью.

— Они все равно тут все деньги спустят. Почему мне не за брать немножко?

Я молчу.

— Ненавижу!

И впрямь ненавидит. Губы трясутся как после встречи с мясником, глаза-щелочки — черные щелочки, злобные — и лицо постарело, осунулось.

— Вижу, синдромом елочной игрушки накрыло.

— Чем?

Она удивленно посмотрела на меня, и ненадолго, на пару секунд, злобная жадная тетка исчезла, выглянула девочка-бабочка.

— Издержки жизни на курорте. Сезон начался — достали тебя из коробки туристов радовать. Закончится — обратно положат и до следующего лета вспоминать не будут.

— И че делать?

— Да ниче! Виси и радуйся.

— Не хочу! Хочу, как они.

Мимо, плотоядно улыбаясь Бабочке, прошел усатый дедок, его злобными тычками гнала шипящая тетка, похожая на сдувающийся аэростат.

— Правда, что ли? — я проводил их взглядом. — Работай иди — они к нам заворачивают. И не вздумай со счетом хими чить. Эта с калькулятором считать будет.

Я полностью рассчитался с хозяином, а Костя сдержал слово и сохранил за мной место, но пришлось выйти еще на одну ночь, пока не привезли замену. Под утро к бару подкатил сверкающий кабриолет со столичными номерами. Из него выбрались трое упакованных парней — на каждом шмота больше, чем на лям. Бабочка в это время возвращалась из соседнего бара с баллоном сливок.

Тот, что был за рулем — классический скулластый красавчик-блондин — вдруг легко подхватил ее на руки и закружили. Бабочка взвизгнула и, хохоча, заколотила его свободной рукой по плечу. Он поставил ее на землю, навис над ней, и она стояла, задрав к нему лицико. Даже из-за стойки я видел, как сияют ее глаза. А еще видел, как, пихая друг друга в плечо, стоят чуть поодаль два его друга и о чем-то перешептываются.

Бабочка влетела в бар, парни остались снаружи. Она подошла ко мне и, глядя умоляющими глазами, попросила:

— Можно я на полчасика уйду? Пожалуйста-пожалуйста!

— Зачем?

— Мальчики меня пообещали на машине прокатить. Я только тут, по пляжу, проедусь, и сразу вернусь! Ну пожалуйста!

Наверное, я циничный и прожженный, или просто опытный, и тоже катал так девчонок, хоть и не на такой крутой тачке, но у Бабочки такого опыта нет. Она смотрит на меня глазами, в которых нет ни капли понимания, куда и зачем повезут ее эти три принца на белом спорткаре, и я просто ответил: «Нет».

Выслушал о том, что она никогда не ездила на кабриолете, о том, что Марик хороший, и у него такая милая улыбка, о том, что с ней ничего не случится, о том, что я ей не пapa и не mama. На это я смог ответить:

— Не пapa и не mama. Я тебе бармен, старший смены, первый после хозяина. Сдашь смену — хоть укатайся. Сейчас — работать!

— Так нету ж никого!

Этот Марик подходит ко мне, облокачивается о стойку.

— Чел, не душни! Отпусти девчонку, — говорит он мне и улыбается. Странно, но ничего милого я в его улыбке не вижу. Это улыбка обжоры, который занес ложечку и готовится погрузить ее в нежную мякоть тортика. Может и ладно — мне какое дело — вот только у входа еще два таких же сладкоежки дурачатся, ногами машут, у них тоже ложечки, им тоже хочется тортика.

— Отпусти красавицу, покатаем и вернем.

На слове «покатаем» парень, ухмыляясь, пару раз ткнул языком в щеку изнутри. Бабочка смотрит на него восхищенными глазами, она ту щеку не видит. Один из его друзей у входа заехал второму ногой в голову, притянул к себе, по спине хлопает: «Брат, прости!». Они ж как братья, а у братьев все общее.

Марик положил на стойку два косаря:

— Компенсация за неудобства.

Я отодвинул деньги. Эх, взял бы хозяин пенсионерок официантками — я б бед не знал.

— Иди на кухню, набей салфетницы, — говорю Бабочке. Она, надув губы, топает в указанном направлении. — Не поедет она, — отвечаю Марику. — Не имею права: у нас камеры. Отпуши — потеряю работу.

— Было б что терять. Хрен с тобой. Да и мелкая она какая-то.

Тут и спорить не с чем: и работа деръмо, и хрен со мной, и Бабочка мелкая. Поищите, ребят, кого покрупней. Перегазовывая и кашляя, они сорвались с места и укатили, а старшая официантка сказала:

— Зря ты, взял бы деньги.

— Ты понимаешь, что они бы с ней сделали?

— Ну и ничего, не стерлась бы. Поумнела б, может. А ты чего так ее опекаешь? Сам что ли?..

Из кухни высунулась надутая Бабочка, сгрузила на стойку десяток набитых салфетниц и снова скрылась.

— Не, эта еще нетронутая. И за что ей столько счастья? — и протянула с завистью: — У меня такого ангела-хранителя не было.

Я промолчал. Это моя последняя смена — завтра я переберусь в бар напротив, к живому и человечному Косте, и забуду этот «Райский уголок» со всеми его животными, живыми и нарисованными, как страшный сон. На том и Бабочкина опека кончится, дальше — сама. Я неправильное прозвище ей дал. Гусеница она, только пора уже вылупляться.

Через день я сменил бар. Теперь вместо райских кущ меня окружали патронаши, муляжи ружей, битые молью чучела, но я быстро перестал обращать на них внимание. Здесь, в этой нелепой обстановке охотниччьего клуба на пляже, я понял, как душно было на прежнем месте.

Через узкую дорожку, за косой решеткой по-прежнему прятались от злого хозяина в райских кущах добрые звери, устало взмахивала крыльями Бабочка, юркой крыской сновала ее опытная напарница. Я наблюдал за ними, как смотрит посетитель зоопарка за его обитателями — с интересом, жалостью и облегчением, что между мной и зверями — решетка.

За стойку там встал новый бармен — болезненно худой парень с затравленным взглядом, и я сделал очень неприятное открытие: я понял, по какому признаку хозяин «Райского уголка» нанимает барменов. А как понял, дал себе слово, что никогда больше я не позволю страху отразиться в своих глазах, никогда не вскину виновато брови — ни одна работа не стоит этого, ни один хозяин не достоин.

На третью смену в мой бар заглянул неожиданный клиент. Дело было утром, пересменка закончилась. С моря дул холодный ветер, и я раскатал с той стороны мутные полиэтиленовые экраны, а, когда обернулся, увидел Бабочку.

— Привет! — слабо пошевелила она пальцами.

— Привет. Соскучилась?

— У тебя есть время?

Я оглянулся на пустой пляж. Ночной шторм намыл кучи водорослей и их никто не убирал. Конец сезона — туристы ходят по музеям, напиваются в номерах, а наши распахнутые всем ветрам бунгало стали неуютны. Скоро мы раскрутим столы, скатаем навесы, упакуем в ящики бокалы и кофейные чашки, обмотав их бережно бумажными полотенцами. Заказанный грузовик вывезет все летнее в какой-нибудь пустой гараж, и будет оно припадать пылью в темноте до следующего мая.

— У меня есть все время мира, — ответил я ей строчкой из любимой песни.

— Столько не надо, — улыбнулась она. — Сделаешь кофе?

Мы сели за столик, она долго, уставившись в стол, мешала в чашке давно растворившийся сахар. Потом, наконец, подняла глаза.

— Мне нужен дружеский совет, — сказала она.

— Неожиданно. Почему я?

— Оказывается, больше не к кому... Ты умный, и, кажется, тебе от меня ничего не нужно.

Я заглянул ей в глаза. В них больше не было яркого, восторженного света, с которым она пришла в мой бывший бар в пер-

вый день работы. Привези Феликс ее сейчас, у меня не было бы ни капли сомнений, что она справится с работой.

— Ты говорил, что мы елочные игрушки.

— Мало ли что я говорил? — отмахнулся я.

Она помотала головой:

— Нет. Я не понимала, пока ты не сказал. Мы — «люди на сезон». Мы все — елочные игрушки, сверкаем на елке, а разобьемся — так и не жалко.

— Тань! — господи, я впервые назвал ее по имени, потому что мне надо было, чтобы она меня сейчас услышала, как услышала тогда, когда я ей втират про эту дурацкую коробку. — Мы люди — и они люди, мы живем от сезона к сезону — и они живут от отпуска до отпуска. Нет никакой разницы.

Она капризно, по-детски стукнула кулаком по столу, только ничего детского не было ни в злых ее глазах, ни в заострившихся чертах лица.

— Не могу! Я не дешевая игрушка, у меня есть цена! — выкрикнула она и потупилась: — Прости. Арсений предложил мне уехать.

— Куда?

— К нему. Он хорошо зарабатывает, у него красивый двухэтажный дом под Москвой.

— Он тебя замуж зовет, что ли? — удивился я.

— Нет. — она закатила глаза и выпустила воздух сквозь сжатые губы. — Я б и не согласилась.

— Ничего не понял. Ты просто полетишь с ним, чтоб пожить в его доме под Москвой?

— Я еще ничего не решила!

Она вдруг схватила мою руку.

— У тебя есть что-нибудь покрепче? Мне сейчас очень надо.

Я ушел за стойку и плеснул в бокал коньяка. Мне не нравился этот разговор, но я не мог его оборвать — до сих пор я чувствовал дурацкую, никому не нужную и толком необъяснимую ответственность за свою бывшую официантку. Бабочка сидела за столом, голова вполоборота. Я глянул через дорогу и увидел

в глубине соседнего бара Арсения. Он стоял в арке, обрамленной ветвями райских деревьев, и смотрел на нас. Поймал мой взгляд и исчез. Я протянул Бабочке бокал, она выпила его залпом и уткнулась носом в сжатый кулачок.

— Дело твое, — сказал я, опустившись на стул. — Не дешевишь?

— А больше никто не предлагает! — зло ответила она.

Вот оно, взросление — у всего появилась цена: у чувств, жизни, тела.

Под вечер я заметил на пляже Арсения. Он сидел на топчане, зябко кутаясь в махровое полотенце, я присел рядом и спросил:

— Когда уезжаешь?

— Послезавтра.

Арсений протянул мне ополовиненную бутылку виски, но я отказался, и он, пожав плечами, присосался к горлышку.

— Что-то ты не сильно рад.

— Я рад, — сказал он. — Я очень рад. Она тебе сказала?

— Да.

— Значит, решилась.

— Думаешь, полюбит?

Он посмотрел на меня как на идиота.

— Ты сейчас серьезно? — спросил он. — Посмотри на меня.

Он скинул с плеч полотенце, обнажил красноватое конопатое пузо, вислые сиськи, торчащий бледной загогулиной пупок. От этого дряблого тела, и от вызова в его глазах, а еще больше от того, что кроме вызова там было и требование пожалеть его, я разозлился:

— Кончай бухать, пойди в спортзал, найми тренера, займись собой — деньги у тебя на это есть!

— Вам, красавчикам. все легко достается — девчонки сами вешаются. Зал-шмазал... Ничего не изменится! Ни-че-го! Так хоть на время она моей будет. Не за деньги...

— А за деньги, — закончил я за него.

Я встал и заботливо укрыл его сброшенным полотенцем.

— Мне, в принципе, похрен, — сказал я тихо, безуспешно пытаясь поймать его взгляд. — Я вообще не знаю, какого пошел с тобой разговаривать. Какое-то дурацкое чувство, что каждый из вас что-то ценное и невосполнимое сейчас на кусок пустоты меняет, но дело ваше. Что я вам, папа, что ли? Отдыхай, Арсений! — похлопал я его по плечу и ушел к себе.

Он долго сидел там же, сгорбившись под аляповатым пляжным полотенцем — время от времени запрокидывал голову, и тогда блестело в закатных лучах темно-зеленое стекло.

Через два дня Костя приехал в прекрасном расположении духа.

— Сегодня гуляю! — заявил он с порога. — Решил проблему с зимним баром. Готов работать со мной дальше?

— С радостью! — ответил я искренне.

— Тогда неси... Что у нас там осталось подороже? Давай «Курвуазье» и два бокала.

— Кого-то ждешь?

— Тебя.

— Я на смене.

Он комично заозирался по сторонам, потом выдал:

— Так нет никого — конец сезона! Твоя работа сегодня — пить со мной.

Я взял бокалы, собрал на пустой кухне немудреную закуску. Вернулся к Косте и, на всякий случай, вопросительно посмотрел на него, но получил недвусмысленный жест: садись. Я разлил кофе, подцепил кусочек сыровяленной колбасы.

— Сезон умер! Да здравствует зимний сезон! — провозгласил Костик, и мы сдвинули бокалы.

Через полчаса я притянул пледы — с моря неслабо задувало. Я хотел уже опустить экраны и со стороны дороги, но Костя остановил меня:

— Подожди, — сказал, — у соседей какая-то движуха, давай посмотрим.

Сначала Феликс привез хозяина. Тот бросил неприязненный взгляд на меня с Костей и вошел внутрь. Может, это был его

обычный взгляд — других я ни разу не видел. Внутри заметались люди — в «Райском уголке» до сих пор работала полная смена. Потом подъехал мерседес, из кабины выскочил водитель, распахнул дверь, и из салона выбрался Арсений. В этот раз он был не в плавках, как я привык его видеть — джинсы, кроссовки, клубный пиджак, белая рубашка с расстегнутым воротом. Теперь он выглядел настоящим гостем из столицы.

— Это в честь чего такой парадный выезд? — удивился Костя.
— Скорей всего, ради Бабочки, — ответил я.
— Умеет... — протянул Костя с уважением.

Хозяин с Арсением сели за столик. Арсений получил пачку счетов, Бабочка принесла калькулятор и скрылась на кухне. Они долго тыкали друг другу бумажки и стучали по кнопкам, потом Арсений бросил на стол пачку денег и провел ладонью. Жест недвусмысленно говорил: «Все». Хозяин поджал губы, но взял деньги и положил в карман. Арсений встал, протянул руку. Хозяин не сдвинулся с места. Арсений тряхнул рукой. Хозяин сунул ладони под мышки.

— Кажется, дружба кончилась, — констатировал Костя.
— Похоже на то, — ответил я и подлил в бокалы.

Арсений вышел из бара, под руку его держала Бабочка. Хозяин так и сидел, нахочлившись, за столом. Бабочка вдруг вскинула руку с задранным средним пальцем. Арсений предупредительно открыл перед ней дверь машины. Бабочка повернулась, увидела меня. Я отсалютовал ей бокалом, но она опустила взгляд и скользнула в салон. Следом залез Арсений, и машина укатила.

— Изгнание из рая! — расхохотался Костя.
— Какое там изгнание? — отмахнулся я. — Детство кончилось, Адам и Ева повзросли, вечной жизни, оказалось, нет. И пошли они добывать хлеб насущный телом.

— Жестоко, — усмехнулся Костя, — но, по сути, верно. Поверь отцу двух повзрослевших дочерей. За детей!

Мы сдвинули бокалы.

— Не знаешь, почему так грустно? — неожиданно для самого себя спросил я.

— Знаю. Взросление всегда грустно, потому что оно так же необратимо, как старость и смерть, а еще у нас коньяк кончился.

— Попроще есть. Пойдет?

— Неси!

Я ушел за стойку, где стояли коробки с завернутыми в бумажные полотенца бокалами. Завтра я упакую, что осталось, и грузовик увезет все летнее в зимний бар. Жизнь продолжается, Костя договорился.

ЮЛИЯ ПУЧКОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

Поначалу я пытался разговаривать со своим Человеком. Но увы! Из моего рта не выходило ничего кроме одного единственного звука, которому я мог лишь придавать разные интонации. И это самая главная моя мука. Страшно понимать, что тут, рядом с тобой, есть тот, кому ты мог бы поведать свои переживания и мысли, но он не понимает тебя. А я все понимаю. И имя свое знаю, и когда он зовет меня есть, и когда приглашает выйти на балкон, и когда сердится, если я веду себя... не очень. Я же с ним сколько себя помню, и я отлично выучил его язык. Но он не ведает об этом, и обсуждая меня с детьми или внуками, даже не представляет, что я ловлю каждое его слово, и слушать это чаще всего бывает очень приятно.

*

Раньше я жил в теплом загородном доме и ездил на работу на своем крутом БМВ. И недолюбливал жизнь. За что? За монотонность, за одинаковость каждого дня, за кабалу привычки — из этой кабалы вырваться может лишь очень сильный духом человек. Я не был сильным духом. Сейчас я войду в противоречие с самим собой, но ведь это очень по-человечески — несмотря ни на что, моя жизнь меня, в общем, устраивала. Она была предсказуема — сегодня я на девяносто процентов знал, что будет завтра, потому что сегодня на девяносто процентов повторяло вчера. Оставшиеся десять процентов были неприятными неурядицами на работе или приятными встречами с друзьями. Кто это сказал, что жизнь измеряется не временем, а событиями. Я бы сказал — памятными событиями. Это то, что вырезается на податливой дре-весине памяти навсегда или остается на ее холсте крупными ярки-

ми мазками красок, которые перелились через края сердца. Впрочем, памятными бывают и черные дни. Но память человека – эта добрая самаритянка – милосердно полирует слишком глубокие борозды страданий и муки и быстро пишет яркие солнечные картины по черному полотну, так что через пару лет ты уже не находишь почти ничего, кроме слабых очертаний, а потом остается только памяти об этих очертаниях.

Моя жизнь не была насыщена событиями, да я к этому и не стремился, предпочитая уют и покой. Да, я мечтал о красивой жизни – кто не мечтает? Иметь столько денег, чтобы неходить больше в офис, купить роскошную виллу где-нибудь в Италии на Адриатическом море, бороздить моря и океаны на своей яхте или просто сидеть по вечерам у камина под шум прибоя, смотреть на звезды и думать о вечном.

Раньше я любил спать – у меня не было много времени на это, и я хорошо помню, как вечером предвкушал церемонию отшествия ко сну. Я уставал за день от суеты и однообразия и легко засыпал, и сон мой был крепок. Теперь я просыпаюсь часто, потому что часто сплю, и сон у меня очень чуткий. Еще лет пять назад, когда я просыпался, я хотел снова заснуть и проспать, как можно дольше и проснуться как можно позже. Но с тех пор многое изменилось. Что касается времени, сейчас у меня его сколько хочешь. Если бы раньше у меня было столько времени, я бы... Впрочем, зачем я сам себя обманываю – у меня и раньше было полно свободного времени. Но оно как будто досаждало мне. Я никогда не понимал, что с ним делать. Работа – это понятно, еда, сон – тоже. А куда девать то, что в промежутках между ними. Я так и не сумел создать семью и годам к пятидесяти окончательно решил, что быть холостяком мое призвание и судьба. Я смотрел на то, как, не помня о себе, спешили домой мои женатые друзья или на то, с какими скандалами они разводились, или на то, как они разрывались между своими детьми и своими любовницами, и, в конце концов, пришел к убеждению, что мой путь единственно верный и, наверное, даже, самый честный. Да, конечно, иногда я подумывал о том пресловутом стакане воды, который мне

некому будет поднести на старости лет. Но я был здоров, по утрам делал зарядку, у меня то и дело случались мимолетные романы, и мысли о дороге к смерти, если иногда и неприятно ко-пошлились в моей голове, то раннее утро, чашечка крепкого кофе и слайс шоколадного чизкейка восстановливали равновесие, и вот уже я шел на работу, вдыхая встречный ветерок, вполне уверенный в том, что новый день не таит в себе никаких неприятных сюрпризов, а до глубокой старости мне еще ой как далеко.

*

Я существо с интеллектом человека и способностями кошки. Когда мой Человек читает книгу, я примиащаюсь рядом и всякий раз внимательно всматриваюсь в текст, что неизменно его веселит, и он восклицает что-нибудь вроде: «Что, Матвей, опять будешь читать со мной? Давай-давай! Будет что обсудить». Ему смешно, а я опять и опять всматриваюсь в текст с тайной надеждой, что вот случится чудо, и я снова смогу читать! Но увы! Чуда не происходит уже много лет и вряд ли произойдет. А я все надеюсь. Мой Человек, чаще я называю его просто Стариk, никогда не смотрит телевизор, и это очень печалит меня, потому что смотреть телевизор я могу. Когда у Старика гостят его внуки с правнуками, телевизор иногда включают, и это самый лучшие минуты моей жизни. Я усаживаюсь позади всех на тумбу и смотрю и слушаю новости. Сын Старика, не очень умный человек, однажды увидев, как внимательно я уставился в экран, закричал на весь дом: «Отец, смотри! Матвей-то твой, похоже, интересуется политикой. Гляди, как следит за переговорами. Вот с кем тебе надо обсуждать все, что тебя волнует». Мой Человек и его сын плохо понимают друг друга, и эта шутка больно задела моего Старика. Я это понял по тому раненому взгляду, которым тот поглядел на сына. Я подумал тогда о том, что спасся от этой боли, не создав в свой век семью. Но... у моего Старика еще есть дочь. О, это чудесная женщина! Она понимает своего отца. Нет, я не о политике — у нее тоже есть свое мнение на этот счет, но она чувствует, когда его надо озвучивать, а когда не стоит. Она ловит тончай-

шие оттенки взгляда или голоса и почти всегда успевает встать на пути недобро брошенного в сторону отца слова. Она очень любит отца, и я это сильно чувствую. Так сильно, что порой жалею, что так никогда и не испытал этого чувства в своей прежней жизни. Удивительно то, что раньше я не чувствовал, что люди чувствуют. Когда передо мной плакала женщина, я испытывал неловкость, не более. Когда у кого-то из моих друзей плакал ребенок, я раздражался и радовался, что у меня такой проблемы нет. Когда-то очень давно я, наверное, любил свою мать. Я говорю «наверное», потому что она умерла, когда мне было всего пять лет. Отец отдал меня на воспитание бабушке. Бабушка... она меня по-своему любила. Но я был маленький, юркий, шаловливый, а после смерти матери ожесточился, и бабушке жилось со мной совсем не сладко. А теперь я понимал, что то, что я чувствую, когда рядом со мной живая любовь женщины к ее отцу, это усиленные во сто крат слабые очертания давно стертого чувства к моей матери. Только несколько лет назад я начал понимать, что любовь — это не словесный фантик, придуманный для того, чтобы завернуть похорон в красивую обертку. Любовь есть — вот она струится из ее глаз и обволакивает Старика теплым, лучистым одеялом. Эти редкие моменты, когда я вижу любовь, единственные, когда я радуюсь, что я не человек, потому что люди лишены возможности видеть любовь. Они могут ее только чувствовать. И вот уже много лет я думаю о том, были бы люди счастливее, если бы могли любоваться любовью, как любуются цветами или нами, и как могу я любоваться я? Когда из глаз его дочери или глаз моего Человека выплескивается или вытекает любовь, я ложусь где-нибудь на ее пути и греюсь. Мой Старик очень добр и любит меня. Но это не та любовь, она и выглядит не так. Это как если сравнить морскую волну с рябью на воде. Иногда, когда Человек гладит или обнимает меня, рябь усиливается, но никогда не становится настоящей большой волной.

Сын не любит моего Человека. Впрочем, я не вижу и его любви к своей жене, дочке или маленькому сыну. И мне бывает

очень грустно смотреть на одинокие волны, которые текут в сторону сына от его отца, и им ничего не плещется навстречу, даже рябь.

Иногда я размышляю о том, почему любовь не обязательно вызывает ответное чувство. Почему эти волны текут к одному человеку, а к другому не возникает даже ряби. Мне кажется, это самая великая тайна жизни.

Когда дети и внуки покидают моего Старика, его любовь еще долго течет в закрытую за ними дверь, и в отличие от настоящих волн, не отражается от нее, а проникает сквозь. Когда Человек думает о ком-то из своих детей, любовь течет вновь. Тогда она похожа на тихий утренний свет, и я подсаживаюсь поближе к Старику, чтобы уловлять ее всем телом.

*

Раньше я относился к кошкам, как к счастливчикам. У бабушки была кошка Дуся, и она спала, ела или требовала внимания, и тогда бабушка кидала ей клубок шерсти, с которым Дуся могла возиться довольно долго, а потом мы вместе с бабушкой ее распугивали, и это было, пожалуй, самым теплым моментом в наших с бабушкой отношениях. Реже Дуся сидела на подоконнике и наблюдала за проходившими внизу людьми или летящими мимо птицами. Глядя на ее жизнь, я думал, за что кошкам такое счастье? Теперь у меня та самая красивая жизнь — мой Старик щедро кормит меня, иногда балует и наливает молока или дает поиграть арахис, который я обожаю. Он вычесывает меня двумя щетками — пуходеркой и гребнем, и я неизменно начинаю урчать. Раньше я урчал, потому что мне очень нравилась эта процедура. Но потом я увидел, как рябь Человека превращается в небольшие волны и с удивлением понял, что он начинает меня больше любить оттого, что я урчу. Это открытие сначала озадачило, а потом обрадовало меня. Мой Старик любил меня больше, когда ему удавалось доставить мне радость. Чтобы проверить свою догадку, я стал урчать сильнее и громче, и не ошибся — ко мне потекли небольшие теплые волны, и я нежился в них и урчал еще громче. «Ну ты прям кот-оркестр, Матвейка», — говорил Стас.

рик, улыбаясь и радуясь тому, что приносит мне радость. И теперь я думаю, что, наверное, не странно, что все то, что делал для меня мой Человек, вся та радость, которую эти его действия вызывали во мне, и вся та радость, а вернее, тихая любовь, которую он источал, постепенно уплотнилась во что-то осязаемое, во что-то, что я особенно ощущаю, когда он возвращается со своих каждодневных прогулок. Я лежу на коврике у порога и жду его. И вот наступило время, когда одни его шаги у двери заставляют меня тихо урчать от счастья. Вижу ли я свою любовь? Конечно вижу. Но это не главное, главное, что теперь я ее чувствую.

*

Это случилось четыре дня назад. Моему Старику позвонили, и я сразу понял, что это дочь. Пока они говорили, любовь начала как бы сгущаться, и я не сразу понял, что в любовь к дочери начала втекать любовь к сыну, но это была какая-то надорванная любовь — она как будто стекала по невидимым порогам и судорожно завихрялась. А потом позвонил сын. Я не знаю, что тот сказал отцу, но мой Старик уронил телефон и откинулся на диванные подушки. Он закрыл лицо руками и долго так сидел, и его надорванная любовь бурлила и пенилась. Я никогда раньше не видел ее такой. Я понимал, что в мире моего Старика я занимаю немного места, но, похоже, те, кто занимали все остальное, были в тот момент далеко. И я пошел к нему. Я забрался к нему на колени и протянул лапы вверх вдоль его груди. Я был готов ко всему и знал, что не обижусь на него, даже если он скинет меня с колен. Но он убрал руки от лица, и я увидел в его глазах слезы. Какое-то время он боролся с собой, но кот есть кот, и я прекрасно помню, что у мужчин никогда не считалось признаком слабости плакать при коте.

Он плакал. Плакал долго и очень горько, и его любовь к сыну бурлила и штормила вокруг него. А я лежал и урчал, и он гладил меня и иногда между всхлипами говорил: «Чудесный мой, добрый мой Матвейка» и снова плакал. Потом штурм утих, но слезы продолжали литься из его усталых, обрамленных тяжелыми красными веками глаз, и я приник к его груди мордой

и только громче урчал. И в тот момент я не страдал оттого, что не умею говорить — слова здесь были лишними, они были беспомощны помочь. И я впервые подумал о том, что лучше быть котом, который умеет любить, чем человеком, который лишен этой способности. А потом он уснул. Услышав его ровное дыхание, уснул и я.

Мы проснулись оттого, что в квартиру вошла Дочь. Ее шаги для меня родные и не пугают, поэтому они не нарушили мой спокойный сон, и я проснулся, когда она склонилась над нами, омывая нас своим лучистым теплом — ну если по чести, эти лучи, конечно, предназначались прежде всего моему Старику, но я не ревновал — меня она тоже любила. Я сразу понял, что она очень взволнована. Мой Человек проснулся и нежно посмотрел на нее. Она хотела что-то сказать, но передумала. Пошла на кухню, заварила чаю, и позвала моего Старика. Они сидели за столом, пили чай и ели домашнее варенье, которое Дочь всегда в избытке привозит Старику каждую осень. Я видел, что они оба думают об одном и том же человеке, но ни он, ни она так и не произнесли его имя в тот вечер.

Вчера Дочь снова появилась у нас, и на этот раз Старик спросил у нее о Сыне, и ей пришлось сказать ему, что Сын уехал. Сын уехал за границу со своей семьей, и им обоим было почему-то понятно, что он уже никогда не вернется обратно.

— А Тася? А Веня? — по-детски наивно спросил Старик. — Они-то что же? Даже не позвонили.

— Ты же знаешь, папа, если Андрей что-то решил, остальные должны подчиниться. Я была у них, говорила и с Аней, и с Тасей — обе плакали. Один Веняка бегал по квартире возбужденный и собирая свои игрушки — он-то что понимает, — она перевела взгляд на меня, — чуть больше, чем твой Матвейка. Аня с Тасей просили меня поцеловать тебя за них — они боялись, что ни они, ни ты не вынесете прощения. Обещали позвонить уже оттуда.

Не найдя, что еще сказать, чтобы смягчить предательский удар, нанесенный ее братом отцу, Дочь замолчала. В комнату

ввалилась тяжелая, неподатливая тишина и разом подмяла всех. Я увидел, как любовь к сыну поднялась девятым валом и обрушилась на Старика, придавив его сердце. Но он не подал виду. Дочь подошла к нему, села рядом и крепко обняла.

— Я люблю тебя, папа. И он любит, только он не понимает...
Мой Старик поцеловал ее в лоб. Так они долго сидели. А потом она засобиралась домой.

Когда дверь за ней затворилась, мой Старик направился к своему дивану, который был его крепостью. Он шел, как-то необычно шаркая и, едва дойдя, рухнул на него, сбив со столика стакан с чаем и неловко запрокинув голову.

Я запрыгнул к нему на колени. Мой Старик был жив, но едва дышал. Рядом с ним на диване лежал его кнопочный мобильный телефон. Я уже говорил, что у меня интеллект человека, а способности кошки. Но даже кошка в состоянии нажать лапой на кнопку. Я ни на что не надеялся, только точно знал, что последним номером, в списке звонивших ему, был номер его дочери. Я тысячу раз видел, как мой Старик нажимал четыре раза, прежде чем откидывался на подушках и ждал ответа. Я поднес лапу к телефону и повторил его движения. На том конце я раслышал голос его Дочери. Не услышав ответа отца, она перезвонила, потом еще раз. Через пару минут она влетела в квартиру.

— Папа! — закричала она и бросилась к Старику, но тут же резко остановилась, выхватила из кармана телефон, набрала короткий номер и скоро кричала в трубку, что у ее отца инфаркт или инсульт. Она с трудом выговорила адрес и, упав на колени возле отца, обхватила его ноги и, уткнувшись в них лицом, затряслась в беззвучных рыданиях. Я ощущал свою беспомощность, и чтобы хоть что-то делать, ходил вокруг них и терся то об ее спину, то об ноги Старика. Он был жив. Я это точно знал — я чувствовал слабое биение его любви.

Скорая оказалась скорой. Моего Старика увезли, и с ним уехала Дочь.

*

Я в квартире один. Мне очень плохо. У меня есть еда и вода, но я не хочу ничего. Я знаю, что мой Человек жив. Я это точно знаю. Но я знаю, что ему очень плохо. И еще я знаю, что я очень его люблю, и если его не станет, моя любовь не исчезнет — она внутри меня навсегда. Мне не страшно умирать — я уже умирал, когда был человеком, и хорошо помню, как это было. Это очень больно. Но гораздо больнее терять любимых. Теперь я это хорошо знаю. Я лежу на диване моего Старика. Может показаться, что я сплю, но я не сплю.

Открывается дверь. Я чувствую его Дочь. Я поднимаю голову — я смотрю на нее.

— Матвейка, милый, — говорит она, — ты что же?

Она ошарашенно качает головой и нежно поднимает мою морду. Ее глаза округляются, и она долго смотрит на меня. Она прислоняет свою щеку к моей, и только тут я понимаю, что моя морда мокрая:

— Не плачь, милый! Не плачь, мой хороший! Мы успели! У отца инсульт. Но врачи сказали, что прогноз отличный! Понимаешь? Понимаешь?

Она гладит мне спину и бока. Она берет меня на руки и начинает укачивать, как младенца.

— А теперь поедем со мной, — она внимательно смотрит на меня. — Ненадолго. Я не могу тебя здесь оставить. Поедем, мой хороший. Папу выпишут, и вы снова будете вместе.

Я верю ей, потому что любовь ее отца, ослабленная расстоянием, пульсирует вокруг нас, а его любовь я не перепутаю ни с чьей.

АННА САТЖИ

ВАСИЛИСА И ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ

Василисе давно не было так свинцово тяжело на сердце с тех самых пор, как она перебралась всеми правдами и неправдами в далекую и грозную, судя по учебникам истории, страну Германию, на заработки.

Сделать это ей удалось с большим трудом, покинув Польшу, где таких молодых женщин было и без нее пруд пруди. Вася, Васёна, Васюля — так ласково звали ее родители в детстве, долго держалась, чтобы не впасть в ряды торговавших своим телом. Это занятие она считала про себя последним делом. Да и страна эта так и не стала для нее вторым домом. Василиса старалась не вспоминать месяцы, проведенные, вернее, прожитые непросто, — в бесконечных поисках работы, в неустроенности быта и личной жизни.

В Германии она надеялась зацепиться надолго. Правда, пока денег было не так много, а их небольшие запасы таяли... день ото дня. Ей удалось, в конце концов, устроиться на работу сезонной работницей в теплицах, работа, за которую, хотя бы предполагалось общежитие (Hostel).

А тут однажды попалось ей на глаза какое-то объявление, приkleенное прямо на входной двери общежития. Hostel — это так называемый дом, в котором находят приют нанятые люди из прибывших для работ на немецкой земле в поисках лучшей доли из разных стран мира. Объявление поместили на видном месте, выделив красным цветом, как бы намекая на срочность. Васёна на всякий случай сорвала его целиком, чтобы исключить заранее возможных конкурентов, пока не подозревая даже о содержании и цели.

Находясь уже в своей комнате, она с нетерпением стала вчитываться в текст, напечатанный на английском. Его она знала хорошо, благодаря учебе в советской школе и затем в педагогическом колледже. Василиса понимала, что родителям трудно до-сталось ее обучение и, конечно, была им очень благодарна. Но оставаться в маленьком городке без перспективы роста и наличия досуговых мест она не захотела, тем более что изо всех средств массовой информации рекой лилась заманчивая реклама о красивой жизни в Европе.

Советский Союз, как ближайший сосед, и в недалеком прошлом выступавший в роли старшего брата, уже не выглядел столь привлекательно, его достижения и помошь побледнели на фоне процветающего Запада. Уже реально стало казаться, что союзные республики, находясь в его составе, страдали под игом коммунистических идеалов.

Вот и Вася постепенно начала так же мыслить и поступать сообразно желанию жить красиво, дорого и быстрее. И поехала красавица-девица в другие неведомые края в погоне за прозрачно-голубой мечтой о счастье и богатой жизни...

Разобравшись с текстом объявления, она поняла, что требовалась симпатичная молодая образованная женщина со знанием английского языка для сопровождения состоятельных господ-туристов по городу и его пейзажным окрестностям на такси по индивидуальному заказу на время поездки. Ниже был указан телефон и название фирмы «Розовый бегемот».

Василиса даже рассмеялась по поводу такого милого брендового названия. Она сразу подумала о том, что наконец-то пробил ее звездный час! В этом небольшом немецком городе она пребывала уже где-то месяцев шесть, а более-менее подобающей уровню ее образования работы пока так и не нашлось, что являлось фактом, весьма удручающим.

Большим минусом в дополнение ко всему было слабое знание немецкого языка. Она бы с удовольствием записалась на курсы по его изучению, но почти минусовой денежный бюджет не позволял молодой женщине это осуществить. Все пере-

численное постоянно держало ее в напряженных думах о завтрашнем дне.

Васёна все же решилась воспользоваться информацией из объявления, будучи уверенной, что у нее есть все шансы на эту непыльную работу. Город был неплохо изучен, и она уже хорошо могла ориентироваться в названиях «штрассе», фонтанах и памятниках и даже знаменитостях, похороненных на местном кладбище!

Позвонив, Василиса несколько изумилась от того, что ее так быстро берут на работу и, причем, без испытательного срока! Приятный тембр мужского голоса обволакивающе заверил ее, что оплата будет почасовая, такси за счет фирмы само собой и будет снабжено всем необходимым на все случаи и капризы сопровождения заказчика: чипсы, свежие бутерброды, вода, кофе, печенье, жевательная резинка, салфетки сухие и влажные и даже сердечные капли для особых случаев! В общем, не работа, а просто сказка наяву! А в конце беседы голос вкрадчиво добавил, что ей, Василисе, сильно повезло, так как желающих очень много на эту работу и надо быстро принимать решение о согласии на нее.

Естественно, Вася не устояла против такого заманчивого предложения, и тут же согласилась. На что голос, бархатно застывший, ответил похвалой, предупредив, что уже завтра утром такси подъедет по указанному адресу ее пребывания. Они договорились.

Василиса, окрыленная тем, что бог все-таки существует, что за все мытарства он все же выдал ей конфетку в виде шанса такой интересной работы! Она торопливо принялась приводить себя в порядок на завтра: достала со дна чемодана платье свое самое любимое, розовое в мелкий черный горошек, подумав, о том, как оно хорошо сочетается с названием фирмы! Туфельки, правда, не совсем новые, но вполне еще сойдут для поездок в такси, ведь не на подиум же выходить в них!

Она пролистала раза два купленный уже давно буклеть с городскими достопримечательностями, а также самыми известны-

ми барами и ресторанами (а вдруг!..). Заглянула в прихваченные с собой из дома конспекты по изучению английского, чтобы, не дай бог, не запнуться в обзорных речах по маршруту езды по городу и его окрестностям...

Вася достала из сумочки парфюм, который приберегала только для особых моментов.

А макияж она сделает утром перед самым выходом... на работу! И подумалось: «Эх, как хочется скорей уже начать эту новую жизнь в новой стране с новыми возможностями! Может и родителям получится помочь... старенькие они уже у меня...»

Наступило долгожданное утро. Василиса на все сто была готова к работе: настроение полета майской бабочки ощущалось внутри всего ее организма, кружилась голова в обрамлении красиво уложенных каштановых волос, улыбка светилась на лице от предвкушения хорошего начала давно ожидаемой красивой жизни...

Раздался гудок подъехавшего автомобиля. Она выпорхнула из своего съемного уголка на посадку в лифт, где ей показалось, что тот тащится словно черепаха. Скорей, ну скорей же, давай! Меня ждет работа, меня ждет мое чудесное будущее!

Василиса буквально выбежала из дверей Hostel, пожалев, что никто не заметил ее, такую замечательную, в этот утренний час. Действительно, во дворе ее поджидало черное авто со знаком «TAXI» наверху кузова, но почему-то вовсе не «Mercedes-Benz» традиционно бежевого цвета как принято в службе такси в Германии...

Но героине дня было не до этого, – эйфория правила бал в ее душе. Она села, как положено, на место позади водителя, поприветствовала его вызубренной немецкой фразой. Но тот что-то пробурчал в ответ, и они поехали. У Васи мелькнула мысль: «Не выспался, что ли или с женой поругался?..»

Отъехав довольно далеко от центра города, водитель, ни слова не проронив в дороге, остановил машину у входа в какой-то лесопарк без названия. И тут к ним неожиданно подсели двое крупных мужчин помятого вида, как сказали бы на ее родине –

с бодуна. У Василисы от страха похолодели руки и ноги. Волосы ощутимо зашевелились на голове. Тело вспотело от нехорошего предчувствия беды.

Мужчины на немецком начали обсуждать женщину, лапая и цокая языком, судя по всему, загорался вопрос про очередность... Тут только до нее, бедняжки, дошло, в какую передрягу она попала! Не вырваться — дверь заблокирована. Парк достаточно далек от центра, и людей не видно вообще, так что кричи не кричи никто не услышит...

И выходит так, что она сама виновата — согласилась сесть в авто, не имея никакого договора на руках, а только устные рассказни... Все против нее! Ужасно, какая же она наивная дурочка, курица, поверившая в легенду о хорошей работе, так легко попасть в явную ловушку! Эти догадки в один миг пронеслись у Васи в голове, и вот эти неизвестные миру маньяки приступили к своим грязным домогательствам...

Через несколько часов ее, полузамерзшую, заметили полицейские на обочине Autobahn — без сумочки, без документов, без ничего... униженную и растерзанную...

У нее, у девочки из-под Полтавы, было внутри только одно ощущение: мир рухнул в одночасье вместе с мифом о красивой жизни и обнажилось тоскливо сосущее чувство очнувшейся ностальгии по родному дому, по маме, по родине своей — Украине...

НИКА СУРЦ

ПРОСТОЙ ВОПРОС

Порой за то время, которое отпущено нам, невозможно понять, что именно ценно. А иногда, в какой-то неожиданный миг, определяется то, что будет греть тебя всю жизнь.

Он задумчиво посмотрел в панорамное окно стеклянного небоскреба. Отъезжающие с парковки роскошные автомобили устремлялись вдоль набережной, ярко украшенной рождественской иллюминацией.

Секретарь услужливо протянула ему высокий бокал на фарфоровом подносе. Холодное вино плавно качнулось, бросая рубиновый блик на его белоснежные манжеты.

Щелкнула золоченая зажигалка, и затрещал крошечный огонек витиеватой свечи. Просторное помещение наполнилось терпким ароматом сандала.

Он, не спеша, опустился в мягкое кожаное кресло.

— Ты, наверное, думаешь: во дурак! О такой жизни мечтают многие, а у него почему-то вечно недовольный вид.

— Я так не думаю, — робко ответила секретарша, проверяя на своем планшете только что выполненные его поручения: вызов водителя, заказ столика в лучшем ресторане города, бронирование номера люкс в фешенебельном отеле.

— А что ты тогда думаешь? — не успокаивался босс.

Она пожала плечами, вспоминая о его последнем разводе: громкие скандалы с бывшей, раздел имущества, настойчивое внимание прессы и постоянные упреки его единственного сына, недавно бросившего университет. В последнее время тот много тратил, путешествуя по дорогим курортам.

— Интересно, как же, по-твоему, выглядит красивая жизнь?

Она промолчала и незаметно скрылась за стеклянной дверью.

— Не увилишь от ответа! — выкрикнул он ей вслед. — Я хочу знать твое мнение! Ответь мне на простой вопрос: что для тебя, черт возьми, имеет значение?!

Она взглянула на часы — рабочий день уже давно закончился. В коридорах обычно шумного современного офиса стало непривычно тихо. Она быстро сложила тяжелые папки в сейф, стерла с губ красную помаду и направилась к лифту.

Ровно через два с половиной часа она стояла возле низенького деревянного дома, окруженного высокими соснами.

— А я тебя уже заждалась! — сказала пожилая женщина, широко улыбаясь. — Все прислушиваюсь к звукам поездов да выглядываю в окно.

Девушка обняла ее, и они вместе прошли в маленькую, уютную комнату, где стояла пушистая елка, украшенная знакомыми ей с детства новогодними игрушками. В комнате чувствовался сладкий аромат яблочного пирога и сдобных ватрушек.

— Бабушка, а у меня для тебя сюрприз, — сказала девушка, обнимая суетливую хозяйку.

Они обе сели на небольшой диванчик у высокой печи, слегка потеснив рыжего кота, и уставились в дисплей мобильного телефона девушки. Через несколько секунд на экране появился мужчина средних лет. Он приветствовал их, весело подбрасывая над собой пушистый снег.

— Папа! — воскликнула девушка. — Какой же ты смешной!

Потом на экране появились ее мама и младшая сестра.

Лицо бабушки засияло.

— Бабуля, — сказала девушка, обнимая ее худенькие угловатые плечи, — иди скорее открывать им дверь! Они очень соскучились по тебе и ждут, когда ты их впустишь!

Комната наполнилась гулом радостных голосов, ароматом мятного чая и настоящим счастьем. И от этой удивительной простоты девушка почувствовала необычайную легкость, ей показа-

лось, что внутри нее открывается целая вселенная, и весь мир создан именно для таких моментов.

Папа сел за старенькое пианино, младшая сестра принялась кружиться под его волшебные рождественские мелодии, бабушка с мамой засуетились возле праздничного стола, а рыжий кот довольно замурлыкал.

Девушка взяла свой мобильный телефон и написала боссу: «Когда рядом с тобой есть люди с крыльями, ничего не имеет значения».

«Тогда сохрани это волшебство», — пришел от него скорый короткий ответ.

Часть 3. Следуя за Трифоновым

ГАЛИНА ТАЛАЛАЕВА

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ О СЕБЕ

Говорят, времена меняются. И в нашей стране, которая некогда справедливо называлась самой читающей в мире, читателей становится все меньше, а тех, кто хотел бы стать писателем, все больше. Статистика, дело тонкое. Спорить не станем. А прислушаешься к тем, кого волнуют высоты литературного мастерства, пусть в самых начальных подступах к нему, и поверишь, что ничего не потеряно, никакие времена не отнимут у нас желания видеть, слышать, делиться друг с другом сокровенным.

Мой слегка возвышенный тон оправдывают впечатления, пережитые на тематической встрече в московской библиотеке №2 имени Ю. В. Трифонова, приуроченной к столетию писателя.

«В разные времена настояще выглядит по-разному» — так обозначена тема разговора. Участники литературной лаборатории «Красная строка», во главе со своим организатором, членом Союза писателей России Ниной Александровной Кроминой приняли приглашение и окунулись в осмысление творческого пути и произведений Ю. В. Трифонова, которые помогают глубже понимать историю не только нашей страны, но и каждого из нас.

Встречу открыла сотрудник библиотеки им. Трифонова Мария Вальдес; о творческой биографии писателя рассказала Лариса Викторовна Кравчук, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России; история создания и публикации самого известного произведения Ю. Трифонова «Дом на набережной» прозвучала в выступлении сотрудника библиотеки Екатерины Линевич.

Объем материала и значимость творческого наследия Юрия Валентиновича Трифонова убедительно говорит о том, что на та-

ких предюбилейных встречах мы могли бы услышать и еще услышим не одну самую высокую и, не сомневаюсь, справедливую оценку мастерства юбиляра, но мы получили больше. Наша встреча оказалась продолжением тех уроков, которыми Трифонов щедро делился со своими студентами на семинаре прозы в Литературном институте.

«Особенно важно, я бы сказал: бурнописание, страстнописание. Нельзя, решив посвятить себя искусству, выдавливать, как из тюбика, кусочками, полузаочшую пасту. В поисках своей темы, стиля, возможностей надо кидаться в разные стороны, пытаться пробовать одно, другое, третье. Редко, правда, но бывает, что человек сразу себя находит. И еще надо уметь ставить себе большие задачи, даже непосильные, на грани невозможного. Спасти пишущего человека могут не отдельные листочки и тетрадочки, а груды исписанной бумаги. Не бойтесь быть графоманами, хотя графомания, на мой взгляд — это сало на литературных костях. Но, во всяком случае, непременно что-то выйдет — или шедевр или открытие правды о себе.»

Многое из сказанного Трифоновым на семинаре в Литинституте позже вошло в его книгу «Продолжительные уроки» и стало для его учеников духовным автографом наставника, написал Алексей Казаков в статье «Свидетель эпохи из «Дома на набережной». (1979 г.)

Прислушались к этим словам и участники нашей «Красной строки», потому что творчество — это всегда учеба, неплохой девиз по жизни, вне зависимости от сферы приложения сил.

Один из ярких и продуктивных студийцев «Красной строки» Сергей Мельников заговорил о композиции текста. «Трифонов втягивает читателя в историю, подавая ее потоком воспоминаний, который может перемежаться и фантазиями, и предположениями, и ложной памятью, потому что к концу книги возникает чувство, что сам читатель был наблюдателем или участником этой короткой, но очень плотной эпопеи.»

А дальше С. Мельников, будто извиняясь, скажет — я не литературовед, терминами не владею, но представит развернутое

построение произведения с емкими и конкретными примерами из текста. Непрямое говорение, *не* собственно прямая речь, гиперсписок, контрасты, поток сознания, инверсия, символизм и метафоры – приемы в палитре художника. А для слушателей это не только путеводитель по лабиринтам одного романа, но и писательская школа. И кто знает, какие еще литературные загадки разгадает или создаст наш Сергей Мельников, а мы порадуемся его открытиям.

Еще одно выступление хочется процитировать сегодня. Это поэт и прозаик Юлия Пучкова. Она анализирует формирование характера одного из действующих лиц романа, а мы слышим тревогу за тех молодых людей, которые подрастают сегодня рядом с нами, кому предстоит продолжить наш путь.

«Это произведение надо читать в школе, – говорит докладчик Юлия Пучкова. – В романе поднято море мировоззренческих вопросов, все этапы взросления, которые проходят подростки, особенно мальчишки. Тут и травля, и стадное чувство, которое может завести черт знает куда и даже привести к гибели. Ни у кого из нас не хватило бы на это терпения: и деление мира на своих и чужих, и трудные отношения отцов и детей, и наличие или отсутствие принципов, и предательство вольное или невольное. А человеком оставаться надо! Это все нужно обсуждать с ребятами 9–10, а может даже 10–11 классов. Это книга жизни – мы видим, как три мощные силы, а затем и обстоятельства медленно гнут человека в сторону от нравственных принципов, а дальше он гнет себя сам, движимый стремлением к безопасной, комфортной жизни. Показан процесс превращения обычного мальчишки в беспринципного урода, ищущего для себя выгоду в любой ситуации. Ориентиры добра и зла нужны подрастающему поколению. Нам, состоявшимся людям, не меньше. Убедительно, веско и непрямолинейно говорит о совести писатель Трифонов.»

О совести и чести радеет русская литература из века в век. И здесь так уместно прозвучали параллели и духовные связи в творчестве Ю. В. Трифонова и А. П. Чехова, которым посвятила

свое выступление писатель, член Союза писателей России Елена Евгеньевна Яблонская. Ее лекции хорошо знакомы слушателям лаборатории «Красная строка», но сегодняшнее сближение двух писателей прозвучало особенно трепетно и понятно тем, кому дорог родной язык, родная литература.

«Советский писатель Ю. В. Трифонов обращался к наследию Антона Павловича Чехова постоянно, — говорит Елена Яблонская. — Достаточно вспомнить такие его статьи разных лет как „Правда и красота“ (1959), „Нескончаемое начало“ (1972), „Книги, которые выбирают нас“ (1976). В предисловии к двухтомнику Трифонова 1978 г. говорится о том, что тяготение писателя „к объективной манере повествования, представляющей читателю бесконечный простор для работы мысли“ — от Чехова, а в том, как Трифонов тончайше дает почувствовать, сказывается мастерство и тakt художника, недаром бравшего уроки у Чехова». Трифонов «следует за Чеховым, впуская в произведение „поток жизни“ во всей его полноте».

И пусть это определение «бытовая проза» не охладит интереса к творчеству Ю. Трифонова, ведь мы знаем, что в самые трудные минуты жизни будущий писатель, а тогда одиннадцатилетний мальчик напишет в своем дневнике: «Жизнь — страшная вещь, и в то же время — лучшая школа.» Исторические события, через которые прошли поколения советских людей, безусловно, определяли становление характера под духовным влиянием родных. А они были людьми творческими и мужественными, способными видеть свое участие в происходящем. Вот здесь-то и таится тот самый «ген писательства», который мы встретим в дневниках совсем юного человека. А его дисциплина перед страницей тетради, постоянная потребность записывать самое интересное лягут в копилку впечатлений, накапливаемых художником на протяжении всей жизни. Читая «Дневник Юры Трифонова», который был начат девятилетним мальчиком в 1934 году, помнишь слова уже состоявшегося писателя о том, что ничего придумывать не надо, только копить сюжеты, характеры, судьбы в поисках своего голоса, нужна точная передача «бытовых по-

дробностей». При этом точность Факта побеждает самую яркую фантазийность сюжета и добавляет убедительности портрету литературного героя, этому учили своих студентов и сам следовал Юрий Валентинович Трифонов.

Рассказывая об этой замечательной встрече в московской библиотеке на Лесной улице, мне удалось остановиться на малой части вечера, в котором принял участие литературная студия «Красная строка». Свое приветствие через время писателю отправили Лариса Кравчук, Анна Сатжи, Алена Кубарева, Александр Горохов, Сергей Крюков и другие. Строки из романа «Дом на набережной» прозвучали в исполнении актера театра «Голос» Евгения Касаткина. И кажется, мы почувствовали дыхание времени.

А мы, участники литературной лаборатории «Красная строка», еще не раз откроем книги Ю. Трифонова, переживем его судьбу и скажем спасибо за твердость духа и трогательную любовь. Ведь именно так нам и дано рассказать о других и что-то понять о себе, проникая на крыле отведенного таланта «в горизонтали и вертикали прозы».

ЮЛИЯ ПУЧКОВА

ГОЛУБИ (СТАРИК)

Мальчишка лет одиннадцати отламывал куски мякиша и, лениво раскрошив их в руке, бросал в одну точку на покрытый наледью асфальт. К трем голубям, первыми прилетевшим на завтрак, присоединились еще четверо. Потом еще целая стайка. Те, кто заняли места возле точки, клевали как оголтелые, остальные же неистово пытались добраться до недосягаемых хлебных крошек. Они вставали другим, более удачливым собратьям, на спины, били друг друга крыльями, травмируя и себя, и всех, кто находился рядом. И чем больше их прилетало, тем большее столпотворение образовывалось на асфальте. Голуби уже построили трехэтажную пирамиду, нещадно пихали и клевали друг друга. А мальчишка хохотал и бросал новые и новые крошки теперь уже на головы голубям, закрывшим телами и крыльями ту же точку. И чем неистовее голуби бились за еду, превратившись в серую, вздывающуюся крыльями и головами пучину, тем громче он хохотал.

Неподалеку на скамейке сидел старик — он, как обычно в это время, вышел подышать свежим воздухом. Старик некоторое время наблюдал за мальчишкой, потом встал со скамейки и скрылся в подъезде. Вскоре он появился вновь, неся в руке пакет с пшеном. Он подошел к бившемся в смертельной схватке голубям и тихо сказал:

— Что, сердешные, потеряли с голоду птичье обличье. Ничего. Такое бывало и с людьми. Страшно, когда человеческое обличье теряют сътые.

С этими словами он начал высыпать пшено в ладонь и, словно сеятель, широко разбрасывать его по асфальту, так что птицы

больше не мешали друг другу клевать. А тем голубям, которые не отличались боевым нравом, старик подбрасывал зерно к самому клюву.

Очень скоро возле мальчишки не осталось ни одной птицы.

Старик закончил свою работу и с тихой улыбкой окинул стаю пернатых, которые, рассредоточившись по всей прилегавшей к подъезду территории, спокойно подбирали лежавшие на асфальте зернышки.

Услышав всхлипы, он обернулся — мальчишка стоял неподалеку и кулаком утирал слезы.

— Ты чего ревешь? — спросил старики. — Что голуби от тебя ко мне перелетели?

Тот отрицательно покачал головой.

— Значит, все понял. А раз все понял, не потерянный ты человек. Кто плохого не делал, на свете не жил. Заканчивай это мокрое дело, бери пакет — специально для тебя прихватил.

С этими словами старики достал из широкого кармана своей зимней куртки еще один пакет, надорвал край и протянул удивленному мальчишке. Тот поднял на старика глаза и вдруг расплылся в смузженной улыбке, а затем решительно взял пшено.

— Вон, гляди, — сказал старики, посмеиваясь, — новые стражиющие прилетели.

Мальчишка с готовностью кивнул и, подойдя поближе к только что подлетевшим голубям, стал широко разбрасывать зерно, повторяя движения старика.

— Вот и славно, — сказал тот и, улыбаясь, медленно пошел к своей скамейке.

— Будет у старика смена, — добавил он, когда мальчик уже не мог его слышать.

АЛЕКСАНДР ГОРОХОВ

СТАРИК

Приближался день рождения жены, и Василий Степанович спланировал, как будет его проводить. Сначала пойдет на кладбище. Наведет порядок. Потом в церковь. Поставит свечки. На обратном пути зайдет в парк, где любили гулять. А уже потом приготовит что-нибудь вкусное, что любила Ирочка.

Так и сделал.

В парке, вместо старых скамеек, поставили новые, с полированными, покрытыми прозрачным лаком толстыми брусками и высокими удобными спинками. Вместо старого в трещинах асфальта положили гранитную плитку. Заменили фонари. Старик два года здесь не был, шел и удивлялся, как красиво стало: «Вот бы Ирочка порадовалась! Она любила здесь бывать, сидеть на скамейке. Весной — так, чтобы согревало солнышко, летом — наоборот, в тени. Как им было хорошо вдвоем. Это, наверное, и было то, что называют счастьем».

Он прикидывал, где стояла самая любимая их скамейка. Нашел. На ней кто-то сидел. Василий приблизился, разглядел — женщина читала книгу.

— Здравствуйте, разрешите присесть. Я вас не потревожу.

Женщина оторвалась от книги, взглянула на него.

— Господи, как она похожа на мою Ирочку, — подумал старик, — или показалось?

Женщина улыбнулась:

— Пожалуйста, присаживайтесь. Места много и очень удобно.

«Боже, и голос похож!» — снова удивился Василий Степанович.

Ему захотелось прикоснуться к ней, взять за руку, обнять, вдохнуть пряный запах волос, сказать:

— Ирочка, как мне тебя не хватает. Как я скучаю без тебя. Милая.

Легкий ветерок колыхнул воздух, принес запах других, не пряных духов.

— Спасибо, — растерянно ответил старик. Неуверенно присел на край скамейки. Понял, что с женой было совсем не так. С ней было уютно, тепло и спокойно.

Встал. Сказал: «Извините». Пошел домой.

Вечером на кухонном столике поставил тарелочку. Две рюмки. Напротив себя маленький портрет жены. Помянул.

Лег спать.

*

Спина, вдруг, перестала болеть. Впервые лет за сорок. Ступни тоже. Шел легко, свободно. Дед Василий огляделся, потом посмотрел на себя. Руки не скрюченные, без артритных шишек.

— Я что, умер? — сказал он и пожал плечами.

Правое плечо тоже не болело, а рука свободно поднималась вверх, крутилась в суставе, не хрустела. Тело было упругим, сильным, Василий почувствовал, что, если захочет — сможет полететь. Но рисковать из-за приобретенной за долгую жизнь осторожности, не стал.

Он зажмурил правый глаз. Левый все видел! Много лет, левым мог разглядеть только кисть руки, если приближал почти к носу, а дальше двух метров видел размытые цветные пятна. А теперь видит! Все видит, как в детстве. Все!

— Значит, тот свет все же есть, а я сомневался.

Вдруг вспомнил самое важное и увидел Ирочку, молодую, как тогда, впервые, когда вышел из лаборатории на третьем этаже, чтобы спуститься в препараторскую на первый, а она, красивая, только окончила медицинский университет и устроилась на работу, поднималась по лестнице. Увидел и влюбился. На всю жизнь. Только он думал, что на всю его жизнь. Ирочка была на девять лет моложе, а получилось на всю ее жизнь. И вот сейчас снова увидел.

— Ирочка, я что, на том свете? — Василий подошел к ней, встал на колени, начал целовать руки.

— Нет, Васечка, ты на этом свете, — улыбнулась она, — это мы тогда были на том свете, а теперь всегда будем на этом.

— Когда ты ушла, я много думал, винил себя, что часто не соглашался, настаивал на своем. Думал, что делаю правильно. Потом, когда тебя не стало, понял, какой же я дурак, но уже ничего не мог исправить. Прости меня, родная. Я много раз говорил эти слова. Смотрел на небо, надеялся, что ты услышишь. Что тебе счастливо, хотел в это верить.

— Ну что ты, — опять улыбнулась Ирочка. — Я вспоминаю, как нам было хорошо. Плохое, если оно и было, не помню.

— Я тоже. — Василий встал, обнял жену. Почувствовал запах ее волос, почти забытый за годы одиночества и вдруг снова полыхнувший, высветивший в мгновение все, что было и за долгую жизнь вместе, и потом, когда жены не стало.

— Господи, каким глупым, бестолковым я был. Особенно по молодости. Сколько делал неправильно.

— А теперь? — Ирочка лукаво взглянула на него.

— Теперь, — Василий горько ухмыльнулся, — теперь я старый, хотя, должен заметить, остальное осталось.

— Теперь ты не старый. — Она обняла его голову, погладила. — Здесь каждый выглядит таким, каким хочется. Мне двадцать восемь. А тебе, кажется, тридцать пять.

— Это что же, я могу ненароком превратиться в младенца?

— Господи, какой ты у меня дурачок, — засмеялась она. Взяла его за руку. — Пойдем, я познакомлю тебя с...

*

Она не успела договорить. Василий проснулся. Открыл глаза, но еще оставался там, с Ирочкой, в мире, где она теперь была. ... Или во сне?..

Не смог определиться. Подошел к умывальнику, ополоснул лицо. Посмотрел в окно. Солнце еще не показалось. Сквозь тучи виднелись звезды, месяц, но небо уже серело.

— Ирочка, — сказал Василий вслух.

Он давно не произносил имя жены. Любимое, нежное. Слезы поползли. Старик не мог и не хотел их сдерживать.

Подумал: «Хорошо, что никто не видит». Усмехнулся, сказал себе: «Дурак ты Васек, старый дурак». Снова вспомнил сон и зарыдал в голос.

Когда часы высветили 7:00 встал. Пошел на кухню, поставил варить яйцо, наполнил водой электрический чайник, купленный еще когда Ирочка была с ним. Включил. Поспешил умываться, бриться, чтобы успеть вернуться на кухню, как раз к закипанию чайника. Делал ежедневные действия, по привычке, будто заведенная кукла, а думал – приснилось или нет.

Думал: «А может на самом деле, видел Ирочку?»

Так и не решив, вымыл после завтрака чашку, блюдце, ложку. Оделся. Вышел из квартиры. Долгий день чего-то делал. А сам ждал, чтобы лечь спать и снова встретиться с Ирочкой. Но встреча не получалась ни в эту ночь, ни в другие.

Через неделю он умер.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1 Переезд	5
Галина Талалаева	7
Свет перемен	7
Татьяна Бирюкова	8
Переезд	8
Татьяна Бугримова	10
Обычная мечта о необычной жизни	10
Жанна Варнавская	17
Про переезд	17
Юлия Великанова	21
Бетховен и черепаха, или переехали	21
Нина Гаврикова	27
Условности любви	27
Александр Горохов	39
День не задался с вечера	39
Юлия Грачева	51
Переезд Игната	51
Елена Гусева	55
Ноу проблемс	55
Зоя Донгак	60
Переезд	60
Александр Королев	75
Пугало	75
Лариса Кравчук	77
Переезд на дачу	77
Михаил Кромин	83
Это мы на дачу приехали?	83
Нина Кромина	85
Солдатики	85
Лариса Мезенцева	87
Ангел Боря	87
Сергей Мельников	90
Казус варды	90

Екатерина Осорина	142
Пароход Москва – Франкфурт	142
Людмила Прусакова	145
Переезд	145
Юлия Пучкова	148
Прощай и прости	148
Ника Сурц	153
Се ля ви	153
Галина Талалаева	159
Переезд. Маркиза против?	159
Лидия Терехина	162
Переезд	162
Нина Шамарина	168
Чай на застекленной террасе	168
(отрывок из книги «Чем пахнут звезды»)	168
Василий Шишков	173
Поворот	173
Часть 2. Красивая жизнь	185
Галина Талалаева	187
Предчувствие слова	187
Людмила Базурова	191
Выбор	191
Умереть и воскреснуть	201
Татьяна Бирюкова	223
Ave, Майя!	223
Татьяна Бугримова	226
Мыльные пузыри	226
Юлия Великанова	229
Красиво и жизнь (Раннеутренний экспромт)	229
Нина Гаврикова	232
Чужак	232
Елена Громова	239
Фортуна	239
Все это – счастье	243

Зоя Донгак	255
Окрыляющая сила творчества	255
Михаил кромин	267
Стоянка поезда пять минут	267
Московская жизнь	270
Нина Кромина	276
В гостях у Дурылина	276
Алена Кубарева	282
«Красивая жизнь»	282
Лариса Мезенцева	286
Носки	286
Сергей Мельников	290
Капустница	290
Юлия Пучкова	311
Две жизни	311
Анна Сатжи	320
Василиса и прекрасная жизнь	320
Ника Сурц	325
Простой вопрос	325
Часть 3. Следя за Трифоновым	329
Галина Талалаева	331
В поисках правды о себе	331
Юлия Пучкова	336
Голуби (Старик)	336
Александр Горохов	338
Старик	338

Нина Кромина
Татьяна Бугримова
Жанна Варнавская
Василий Шишков
Юлия Великанова
Нина Гаврикова
Александр Горохов
Юлия Грачева
Елена Громова
Елена Гусева
Зоя Донгак
Александр Королев
Лариса Кравчук
Татьяна Бугримова
Михаил Кромин
Людмила Базурова
Алена Кубарева
Лариса Мезенцева
Сергей Мельников
Екатерина Осорина
Анна Сатжи
Людмила Прусакова
Юлия Пучкова
Ника Сурц
Галина Талалаева
Лидия Терехина
Нина Шамарина

Красная строка

Современная проза

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В сборник вошли рассказы, написанные участниками лаборатории в 2024 -2025 годах на темы «Переезд», «Красивая жизнь», «Вслед за Трифоновым», в которой собраны тексты в стиле мастера «городской» прозы, так как сборник публикуется в год столетия со дня рождения советского писателя.

Рассказы авторов альманаха отличают психологизм, достоверность, опора на жизненный опыт авторов. Различия в стиле и языке – то необходимое разнообразие, которое позволяет каждому читателю найти произведение по душе.

Сборник рассказов литературной лаборатории «Красная строка» похож на вещи, собранные для переезда: разновеликие, разномастные, но каждую из них хочется рассмотреть, узнать его историю. А с краю непременно стопка книг, перевязанная веревочкой – собирать ее было дольше всего – невозможно удержаться и не заглянуть под обложку, «выхватить» пару абзацев из тех, коими зачитывались, пробежаться глазами по аннотации к подзабытым.

ISBN 978-5-0067-7320-2

9 785006 773202 >

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!